
Н. Быков.
ВРЕМЯ СЕЯТЬ
Новые стихи
Ст. Щипачева
А. КАЗАНЦЕВ.—
Нечто фантастическое
Там, где жил
Хемингуэй.
Записки озабоченного человека.
ОГОНЁК
№ 43 ОКТЯБРЬ 1962
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
Читатели рассказывают:
и о многом другом.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 43 (1844)

21 ОКТЯБРЯ 1962

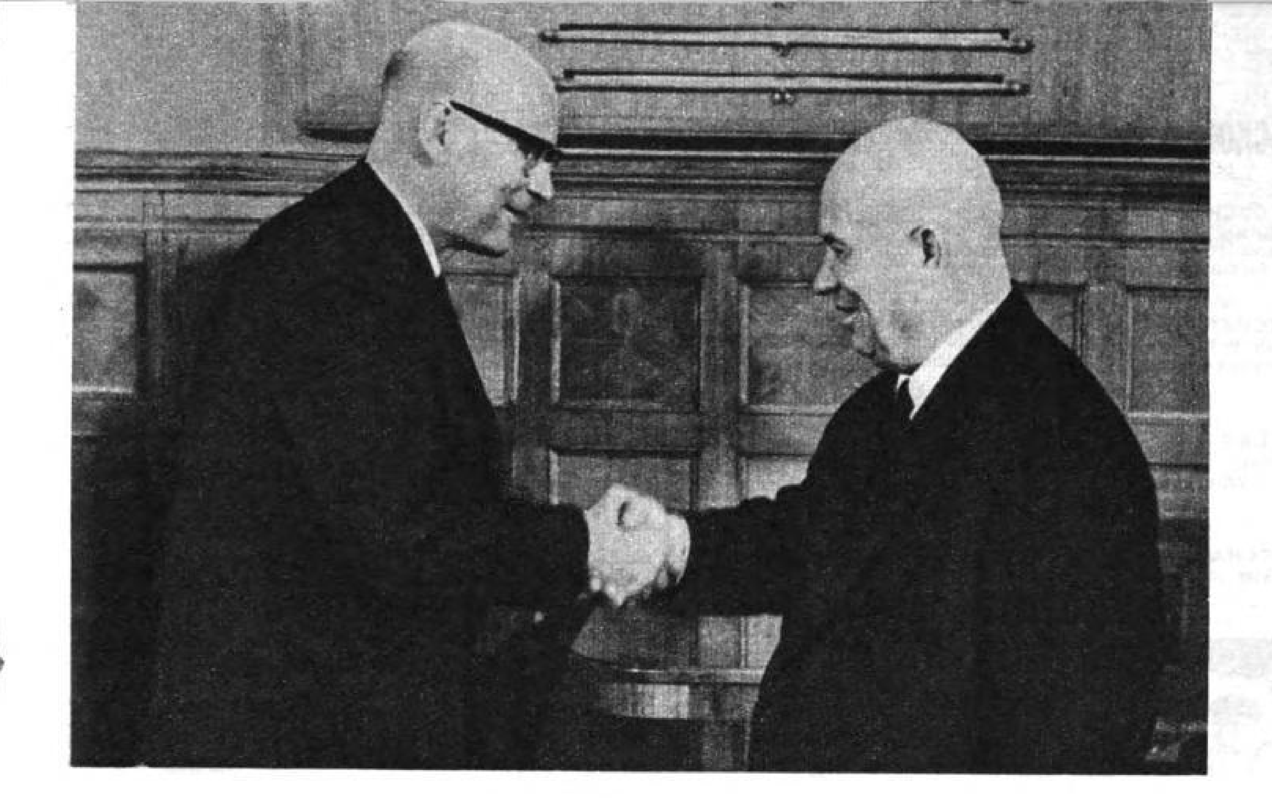
40-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

К 40-ЛЕТИЮ ОСВОБОЖДЕНИЯ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА ОТ ИНТЕРВЕНТОВ. Хабаровск сегодня. Площадь имени В. И. Ленина.

Фото Н. Шкулина.

15 октября в Кремле состоялась встреча Председателя Совета Министров СССР Н. С. Хрущева с Президентом Финляндской Республики Урхо К. Кекконеном.

Фото А. Устинова.

ТРУДЯЩИЕСЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА! ШИРЕ РАЗМАХ ВСЕНАРОДНОГО СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СОРЕВНОВАНИЯ! ДОСРОЧНО ВЫПОЛНИМ ПЛАН ЧЕТВЕРТОГО ГОДА СЕМИЛЕТКИ!

18 октября на Бородинском поле собрались трудящиеся и представители воинских частей. Здесь состоялся митинг, посвященный 150-летию Отечественной войны 1812 года.

Фото С. Раскина.

ЦЕНТРАЛЬНОЕ СТАТИСТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ при Совете Министров СССР сообщает: объем промышленного производства за девять месяцев увеличился на ДЕВЯТЬ С ПОЛОВИНОЙ ПРОЦЕНТОВ по сравнению с тем же периодом прошлого года.

ТБИЛИСИ. Электровозостроительный завод имени В. И. Ленина в честь 45-й годовщины Октября выпустит мощный магистральный электровоз «Т-8» новой, усовершенствованной конструкции.

НА СНИМКЕ: у электровоза «Т-8-002» мастер Валериан Мегрелишвили, электромонтер Гиви Кавкасидзе, начальник сборочного цеха Зураб Чивадзе и слесарь Виктор Крахмалов.

Фото В. Джейранова.

КРАМАТОРСК. Машиностроители Ново-Краматорского завода несут трудовую вахту в честь 45-й годовщины Великого Октября. Во всех цехах ширится соревнование за перевыполнение производственного плана, за высокое качество сборки машин.

НА СНИМКЕ: слесарь-сборщик Николай Мамай уже работает в счет 1964 года.

Фото С. Гендельмана.

Так перекрывали Вахш.

Фото А. Полякова. ТАСС.

НЕДАВНО СТРОИТЕЛИ ГОЛОВНОЙ ГЭС в Таджикистане одержали большую победу: с помощью направленного взрыва перекрыли Вахш. 17 октября редакция связалась по телефону с директором ГЭС МИХАИЛОМ ГРИГОРЬЕВИЧЕМ КАРНОСОМ и попросила его рассказать, какие работы ведутся в эти дни на Головной ГЭС.

— На стройке сейчас царит большой трудовой подъем: перекрытие Вахша окрылило рабочих. Сегодня мы опустили первое рабочее колесо турбины в кратер агрегата. Ведем монтаж двух первых агрегатов, подстанции и трансформаторов. Идут строительные и отделочные работы здания электростанции. А кроме того, монтируем пульт управления. Вот коротко о наших делах.

Михаил Григорьевич спрашивает:

— Какая в Москве погода? У нас тут, знаете, очень жарко — тридцать градусов.

— А в Москве холодно, собираемся шубы надевать.

— Да что вы! Даже странно это слышать: мы-то в одних рубашках ходим. И на стройке сейчас жаркие дни — готовимся к сдаче первых двух агрегатов,— и природа свой план по жаре изо всех сил гонит.

БАКУ. К 7 ноября решили выполнить годовой план работники Бакинского котельно-механического завода. С начала года завод выпустил сверхплановой продукции на 125 тысяч рублей.

НА СНИМКЕ: этот циркуляционный трубопровод завод сооружает для Краснодарской ТЭЦ.

Фото Ю. Рахиля. ТАСС.

ЮЖНО-САХАЛИНСК. Шестьсот тысяч квадратных метров жилой площади получили трудящиеся Сахалина за годы семилетки. За это время здесь выросли новые предприятия нефтяной, рыбной, местной промышленности, построены десятки больниц, школ, санаториев, домов культуры.

Недавно вступил в строй Южно-Сахалинский завод крупнопанельного домостроения, и областной центр стал застраиваться еще быстрее. На том месте, где был пустырь, поднялись многоэтажные здания 27-го квартала, названного горожанами «Сахалинскими Черемушками».

Фото Ю. Муравина.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

ЧЕРНИГОВСКАЯ ОБЛАСТЬ. В закрома Родины засыпано 13,7 миллиона пудов зерна, на 3,3 миллиона пудов больше, чем по плану.

УДМУРТСКАЯ АССР. Государству продано 9,3 миллиона пудов, план превышен на 588 тысяч пудов.

ТУВИНСКАЯ АССР. Получено 8 миллионов пудов хлеба, на 1,6 миллиона пудов больше, чем по плану.

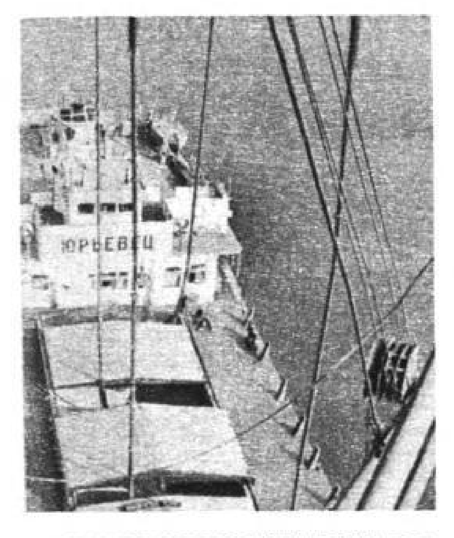
БАШКИРСКАЯ АССР. 95,8 миллиона пудов зерна продано государству.

АЗЕРБАЙДЖАНСКАЯ ССР. Двадцать четыре звездочки нарисованы на бункере хлопкоуборочной машины Сардара Имралиева — механизатора Мильского совхоза № 3, Ждановского района. Каждая звездочка «весит» 10 тонн: Сардар Имралиев с начала сезона уже собрал более 240 тонн хлопка. Замечательного успеха добился механизатор в предпраздничном соревновании.

А к 7 ноября на бункере машины появится еще шесть звездочек: механизатор обязался собрать не менее трехсот тонн сырца.

Фото Н. Игнатьева.

РАДУЮТ ХОЗЯЙСКИЙ ГЛАЗ спелые хлеба в жаркий летний день. Приятно смотреть, как проходят комбайны последнюю загонку на поле. Но, пожалуй, радостнее всего видеть зерно в мешках. А мешки у нас увесистые — в миллионы пудов!

Только горьковчане продали государству свыше 12 миллионов пудов хлеба.

Страдная пора на полях уже стихает, теперь она идет на мукомольные заводы. Пришла она и на Горьковский мукомольный завод № 1. Заработали стационарные пневмоустановки на причалах элеватора, разгружая самоходные баржи грузоподъемностью в 200 тонн менее чем за сутки. Прибавилось работы на железнодорожном узле. Благодаря мощным подъемным механизмам, установленным на элеваторе, вагоны разгружаются очень быстро. Только за час здесь опоражнивают семь четырехосных пульманов: 350 тонн зерна перебрасывается из вагонов в башню на высоту до 60 метров.

А чтобы нагрузить автомашину мешками с мукой, достаточно и пяти минут.

Уходит продукция с завода — остается только роспись потребителя: Горький, Пермь, Киров, Ярославль. Бывает, что встретится и какой-нибудь район Крайнего Севера. Много продукции выпускает этот завод. За сутки он производит столько муки, что ею можно обеспечить крупный город на целый день.

И все работы на заводе, начиная с выгрузки зерна и кончая упаковкой муки, полностью автоматизированы и механизированы.

Днем и ночью бегут ленточные транспортеры, шумят моторы вальцовых станков, покачиваются просевающие машины — растут горы муки нового урожая.

Н. МАЙСКИЙ

НАУКА И ТЕХНИКА

ЭКЗАМЕН БЕЗ ЭКЗАМЕНАТОРА? Оказывается, это возможно. Студенты Московского энергетического института создали прибор, который способен не только задавать экзаменующемуся вопросы, но и оценивать ответы с завидной беспристрастностью.

К вопросу прилагаются три ответа, но верен из них лишь один. Экзаменующийся согласен, например, с ответом «номер два». Он нажимает соответствующую кнопку. Счетчик фиксирует правильные и неправильные ответы и ставит оценку.

— Мы провели интересный эксперимент,— говорит руководитель студенческого конструкторского бюро доцент Ю. Н. Кушелев.— Экзаменовалось несколько человек, совершенно незнакомых с курсом. Они нажимали кнопки, регистрирующие ответы, по сути дела, случайным образом. И ни одному из опрошенных не удалось заслужить даже удовлетворительной оценки. Особое внимание уделяется составлению программы опроса. Здесь учитывается влияние многих факторов, подчас чисто психологических.

Прибор «Экзаменатор» — это первый прибор из серии, задуманной энтузиастами МЭИ. «Репетитор» — следующая студенческая разработка — позволит подготовить учащегося по определенному курсу. Принцип работы прибора таков, что он не разрешает обучающемуся перейти к следующему разделу программы до тех пор, пока не будет усвоен предыдущий материал.

Л. ШЕРСТЕННИКОВ

«Машина-экзаменатор».

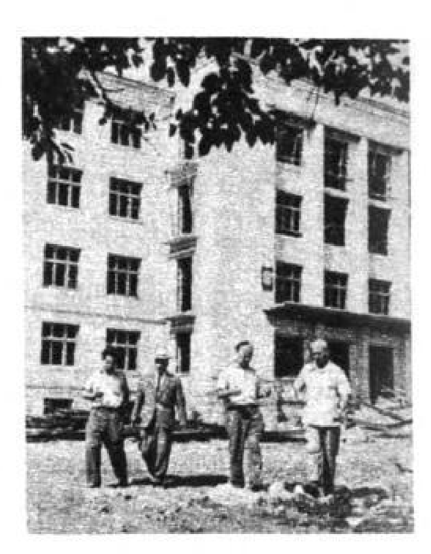
Фото автора.

ЯПОНСКИМ АСТРОНОМАМ, работающим в обсерватории Саппоро, удалось в начале октября сфотографировать Сатурн в момент, предшествовавший его покрытию Луной.

Прокомментировать снимок, полученный «Огоньком» от американского агентства Юнайтед Пресс Интернейшнл, мы попросили И. Д. Новикова — ученого секретаря Государственного астрономического института имени П. К. Штернберга. Он сказал:

— Снимок, о котором идет речь, несомненно, очень эффектный. Необычна ситуация, в которой он сделан: Земля, Луна и Сатурн находятся почти на одной линии. Можно поздравить японских коллег с удачей. Их наблюдения, вероятно, позволят уточнить ряд данных о кольцах Сатурна, о которых пока известно не очень-то много

СОВСЕМ НЕДАВНО Академия наук Молдавии отметила свою первую годовщину. Скоро ее институты и лаборатории смогут переехать в просторные корпуса новых зданий.

Президент Академии Я. С. Гросул (второй слева) часто посещает строителей будущего городка науки.

Фото Б. Кузьмина.

ТОРГОВЛЯ

В МОСКВЕ, НА УЛИЦЕ ЧЕХОВА, открылся новый магазин «Прогресс». В любое время дня и ночи москвичи смогут здесь купить молоко и кефир, ряженку и простоквашу, потому что магазин этот работает круглосуточно.

Необычен штат этого магазина: инженер-электрик, механики и... 13 автоматов, которые заменяют продавцов и кассиров. Механические продавцы продадут вам фасованные товары: творог, сметану, сырки, плавленые сыры, а другие — бутылки с молоком, простоквашей. Установлена одна машина и в витрине магазина.

Опустите одну или несколько монет и получите нужные молочные продукты. А если нет мелочи, автомат всегда разменяет деньги.

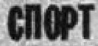
Световые табло показывают, на какую сумму вы уже истратили. Подсчитайте и добавьте, сколько нужно.

Случится, что ошибетесь и бросите больше, чем нужно,— авто-

мат даст сдачи, он не возьмет ни копейки лишней.

К концу рабочего дня не придется подсчитывать, сколько сегодня продано продуктов. Это тоже сделает автомат.

СПОРТ

СО ВРЕМЕН ПЕРВОВОСХОДИТЕЛЯ Хилара Хаширова на Эльбрусе побывали тысячи спортсменов. Давно миновала пора отважных пионеров, которые спали прямо на льду, завернувшись в бурку. Теперь альпинисты добираются до вершины Эльбруса за 16 часов и могут переночевать в уютных домиках «Пикета 105-го» или в гостинице «Приют одиннадцати».

Скоро Эльбрус станет совсем «ручным»: к «Приюту одиннадцати» строят подвесную канатную дорогу. Тридцатиместные вагончики доставят любителей гор на высоту 4 200 метров всего за час.

В Приэльбрусье создается крупнейшая база туризма, альпинизма и горнолыжного спорта. Вырастают гостиницы, создаются катки, площадки для хоккея, трамплины, расчищаются трассы для скоростного спуска и слалома-гиганта.

Трасса скоростного спуска Чегет обрадует наших горнолыжников уже этой зимой.

Много радости подарит Эльбрус смелым и ловким, которые придут сюда.

П. ВЛАДИМИРОВ

Фото автора.

ХОТЯ У ОЛИМПИЙЦЕВ в Золотых Песках были свои заботы, они живо интересовались тем, как в Москве решался «женский вопрос» в матче Быкова — Гаприндашвили. Большинство экспертов предвидело победу молодой грузинской шахматистки, но что дело кончится «сухим счетом» — этого никто не мог предсказать. Нона Гаприндашвили с удивительной легкостью, почти шутя преодолевала упорство, настойчивость и опыт многолетней чемпионки мира Елизаветы Быковой.

Впервые в шахматной истории звание чемпионки мира в руках (и можно смело добавить: в очень надежных руках) двадцатилетней шахматистки, дочери Кавказских гор.

Часто спрашивают: есть ли сегодня такая шахматистка, которую по своему таланту, по своей силе можно сравнить с первой чемпионкой мира Верой Менчик? Теперь мы можем ответить: да, есть такая шахматистка, ее имя — Нона Гаприндашвили.

Новая чемпионка мира — шахматистка экстра-класса. За короткое время она прошла огромный путь от новичка до лучшей шахматистки мира (ее история рассказана в № 39 журнала «Огонек»).

Поздравим же победительницу с большой и заслуженной победой.

Сало ФЛОР,
международный гроссмейстер.

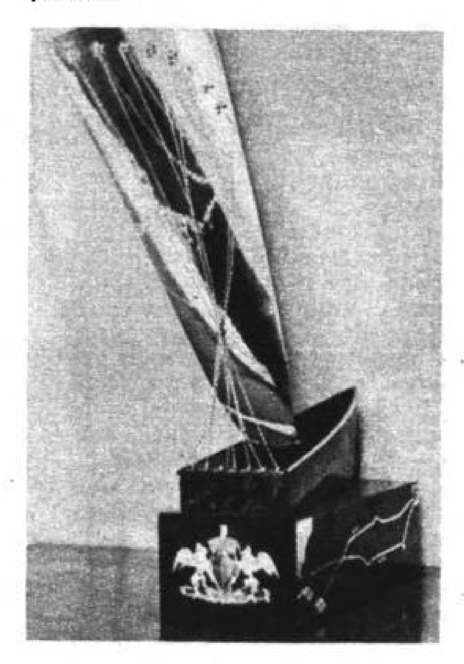
Последний ход в последней партии матча на первенство мира сделан.

Фото А. Бочинина.

МЫ С НЕТЕРПЕНИЕМ ЖДАЛИ возвращения из Италии Валерия Брумеля. Из газетных телеграмм уже было известно, что советский спортсмен получил в Генуе из рук президента Итальянской республики Антонио Сеньи золотую каравеллу Кристофора Колумба, присужденную Брумелю как лучшему спортсмену года. Нам хотелось показать читателям этот приз, который вскоре займет свое место в Музее советского спорта. И вот мы дома у Валерия. Но, увы, как оказалось, золотая каравелла, которая присуждается Генуэзским муниципалитетом, еще в дороге.

— Этот приз представляет слишком большую ценность, чтобы перевозить его вместе с тренировочным костюмом и спортивными шиповками,— сказал нам Валерий Брумель.— Но точно такая же каравелла, какую получил я в Генуе, уже имеется в Москве. В свое время она была вручена Владимиру Куцу.

И вот с любезного разрешения Куца мы воспроизводим один из самых почетных международных призов. Итак, в Москве вскоре будут находиться две золотые каравеллы.

СТАРТ ЧЕМПИОНАТУ МИРА по волейболу был дан сразу в четырех городах — Москве, Ленинграде, Киеве и Риге. А в один из тех дней, когда волейболисты добивались права выхода в сильнейшую финальную группу, в Москву возвратились из Болгарии наши замечательные шахматисты. Больше месяца продолжалась борьба сильнейших шахматных команд на XV Всемирной олимпиаде, и вот финиш позади: команда СССР в составе гроссмейстеров М. Ботвинника, Т. Петросяна, Б. Спасского, П. Кереса, Е. Геллера, М. Таля снова завоевала мировое первенство.

Гроссмейстеры Б. Спасский, П. Керес и М. Ботвинник вернулись из Болгарии.

Фото А. Бочинина.

Одна из самых интересных предварительных игр чемпионата мира по волейболу, Чехословакия — Болгария, закончилась победой чехословацких спортсменов.

ПИСАТЕЛИ И КНИГИ

ЕЩЕ ТОЛЬКО-ТОЛЬКО закончились последние бои с белогвардейцами и интервентами, еще страна только приступала к борьбе с разрухой и голодом, а пятый съезд комсомола принял постановление создать издательство «Молодая гвардия». Сейчас ему исполнилось сорок лет. Поздравляя «Молодую гвардию» со знаменательной датой, Леонид Леонов говорит: «Самое название это показывает роль, объем и ответственность выполняемой издательством работы. Подготовка достойной смены старшему, строящему поколению сегодня в силу многих условий становится первоочередным и труднейшим видом творчества».

За четыре десятилетия «Молодая гвардия» выпустила около полумиллиарда книг. Начав с небольших брошюр о юношеском движении, об опыте пионерской и комсомольской работы, издательство встретило свое 40-летие как один из мощных полиграфических комбинатов страны, выпускающий 13 молодежных и детских журналов, газету «Пионерская правда», а также массово-политическую и художественную литературу. В первый год своего существования «Молодая гвардия» выпустила всего 71 книгу, а в 1961 году вышло 336 книг тиражом более 22 миллионов.

Среди авторов издательства — М. Шолохов, К. Федин, Л. Леонов, А. Фадеев, А. Твардовский, Н. Островский, Б. Горбатов, А. Гайдар, Л. Соболев и еще многие.

Пожелаем центральному комсомольскому издательству новых успехов в его работе.

ИЗВЕСТНЫЙ ПИСАТЕЛЬ Сергей Петрович Бородин, которому недавно исполнилось шестьдесят лет, подарив мне с дружеской надписью свой роман «Звезды над Самаркандом», сказал, как всегда, с оттенком легкой иронии:

— Если в вашей «копилке литературных курьезов» есть еще место, могу сообщить любопытный случай. О нем я почему-то вспомнил сейчас, когда надписывал вам роман.

Разумеется, я тотчас же извлек блокнот и услышал следующую историю — и комичную и поучительную одновременно:

«Почти невозможно предвидеть, как сложится творческая судьба того или иного художника, трудно угадать, как, когда и на каком пути раскроется его дарование. В этом вопросе порой ошибаются даже признанные литературные авторитеты.

Я, например, начал сочинять в девятилетнем возрасте,— писал маленькие очерки и печатал их в разных приложениях к детским журналам. В то время я считал себя писателем в большей степени, чем теперь. Затем увлекся живописью, твердо решил стать пейзажистом и долгие часы проводил в студиях Пролеткульта. Потом подумал, что прежде чем стать живописцем, надо получить широкое гуманитарное образование и с этой целью в 1922 году поступил в Литературный институт, которым руководил Валерий Яковлевич Брюсов.

Вскоре для меня стало очевидным, что я буду заниматься литературным трудом. Тогда я писал и печатал только стихи.

В 1924 году, вернувшись в Москву из Бухары, я написал несколько рассказов. Это были мои бухарские рассказы, которые позже вошли в книгу «Последняя Бухара». Я дал их прочитать Брюсову. Он прочитал их и сказал:

— Нет, прозаик из тебя не получится: проза требует большей твердости, а ты прирожденный поэт.

Это была явная ошибка Брюсова: поэт из меня так и не получился...»

Но зато получился хороший прозаик, добавим мы. За заслуги в развитии советской литературы Сергей Бородин на днях награжден орденом Трудового Красного Знамени.

Ал. ЛЕСС

Сергей Бородин.

Фото автора.

В ЭТОМ ЗАЛЕ ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО МУЗЕЯ выступали Горький и Маяковский. На днях почетная трибуна Центрального лектория Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний была предоставлена студентам Московского литературного института и слушателям высших литературных курсов. На вечере, где председательствовал Лев Ошанин, прочитали свои произведения молодые советские литераторы, а также Тадж Эль Сир из Судана и ганский поэт Джон Окай.

На снимке: Джон Окай среди студентов.

Фото Г. Санько.

В СОВЕТСКИЙ СОЮЗ приехал известный английский писатель и драматург Джон Бойнтон Пристли с супругой. Гость из Англии отправился в большую поездку по стране.

Фото Э. Евзирихина (ТАСС).

ФОТО НОВОСТИ

ИСКУССТВО

На конкурсе в Форт Уорте. Ван Клиберн и советский пианист Михаил Воскресенский.

НЕДАВНО В США, в маленьком техасском городке Форт Уорте, проходил Международный конкурс пианистов имени Вана Клиберна; сорок пять молодых музыкантов из шестнадцати стран приняли участие в этом состязании. Пианисты Советского Союза Николай Петров и Михаил Воскресенский заняли 2-е и 3-е места. Первую премию получил американец Вотапек.

На протяжении четырнадцати дней конкурса советская делегация находилась в центре внимания всего населения города, музыкантов, огромной армии журналистов.

С Клиберном мы встретились на жеребьевке. Она состоялась во время пикника, который устроил один из организаторов конкурса. Когда кастрюля, где находились номера, была уже пустой и участники обсуждали результаты жеребьевки, появился Ван Клиберн. Он опоздал в Нью-Йорке на самолет, поэтому не прибыл к началу. Он тут же направился к советским пианистам. Защелкали фотоаппараты. Ван познакомил нашу делегацию со своими родителями, которые вместе с ним приехали на конкурс, затем последовали бесконечные вопросы и ответы. Спрашивал Ван, мы отвечали...

И вот начался конкурс.

По решению жюри на I туре ежедневно прослушивалось восемь человек. Американцы со своей любовью к технике решили производить подсчет очков счетной машиной. Членам жюри были розданы карточки, куда заносились отметки, а затем машина подводила итоги, определяя, кому выступать на II туре.

Прослушивание проходило в университете, в зале, вмещавшем тысячу двести человек. Мы привыкли, что на конкурсы невозможно достать билет, и нам странным казалось видеть пустые кресла, хотя вход на I и II туры был бесплатный. Тем приятнее выглядел полный зал; люди стоя аплодировали советским пианистам.

«Русским аплодируют стоя», «Русские пианисты вызывают овацию»,— писали газеты. Даже члены жюри, которым по условию конкурса не разрешалось общаться с участниками, подходили с поздравлениями к советским музыкантам после их выступления.

Член жюри доктор А. Ганц из Чикаго спрашивал у своего коллеги по жюри Л. Оборина:

— Что, Петров много гастролирует у вас в стране?

— Нет. Ведь он студент 2-го курса Московской консерватории.

— Неужели такие пианисты у вас еще учатся?!.

После II тура жюри пришлось заседать всю ночь.

Состав конкурса был очень сильным. Вместо шести человек, которые должны были выйти на III тур, нужное количество очков набрали девять человек.

Как разрешить проблему? Ведь все участники III тура получают денежные премии. Деньги на премии ассигнованы частными лицами; а девять участников — это три лишние премии... Но благодаря настойчивости Клиберна всех включили в III тур. По его же инициативе в обязательную программу ввели камерную музыку, за исполнение которой была назначена специальная премия. Деньги на эту премию дал Ван Клиберн.

Когда конкурс окончился, один американский журналист спросил у Клиберна:

— Как, по-вашему, послужит ли этот конкурс укреплению культурных связей между США и Советским Союзом?

— Мы, музыканты, — ответил Клиберн,— радуемся этим связям.

Валерия ШИРШОВА

Форт Уорт — Москва.

В ХАБАРОВСКИЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ МУЗЕЙ приезжают любители живописи из всех городов Дальнего Востока. Приезжают не случайно. Хоть музей и молод — ему всего тридцать лет,— но в его фондах уже собрана богатейшая коллекция картин И. Репина, И. Шишкина, И. Левитана, И. Айвазовского, В. Поленова, В. Верещагина. Западное искусство представлено произведениями итальянских, голландских, французских и фламандских мастеров. Посетители музея видят подлинники Рембрандта, Рубенса, Карло Дольчи, Клода Моне.

Специальный раздел экспозиции посвящен советским живописцам; почетное место здесь занимают работы дальневосточных художников.

Научный сотрудник музея Ирина Солдатова рассказывает студентам Благовещенского педагогического института о русской живописи.

Фото О. Морскова (АПН).

В ФЕЕРИЧЕСКОЙ ПАНТОМИМЕ московского цирка «Карнавал на Кубе» принимает участие Кубинский эстрадный оркестр под руководством Пачо Алонсо. Зрители хотят, чтобы их искренние аплодисменты услышали не только выступающие здесь талантливые артисты, но и далекий остров, которым сегодня гордится весь мир.

Фото Е. Умнова.

На открытии выставки.

Фото Г. Санько.

МЫСЛИ И ЧУВСТВА наших современников, примечательные черты героев и рядовых великой семьи строителей светлого завтра, волнуют нас, художников и скульпторов. Только что в залах Академии художеств СССР открылась шестая выставка произведений ее действительных, почетных членов и членов-корреспондентов. Одной из добрых примет выставки можно считать участие в ней наших зарубежных друзей — Рокуэлла Кента, Корнелиу Баба, Отто Нагеля, Кишфалуди-Штробля, Карела Покорного, Пан Тянь-шоу.

Всем нам, участникам выставки, открывшейся в канун годовщины исторического XXII съезда партии, очень хотелось передать в художественных образах новые качества жизни, ощущение приподнятости, свойственное сегодняшнему дню, яркие приметы грядущего.

С. КОНЕНКОВ,
народный художник СССР,
лауреат Ленинской премии

В. ПОНОМАРЕВ

Маяк доблести

Есть в нашей жизни вещи, которые одновременно и удивительны и обыкновенны. Удивительны потому, что свидетельствуют о замечательных качествах советского характера. А массовость, повседневность, если хотите, даже будничность делают их обыкновенными. Так некогда всех удивил подвиг Кирилла Орловского, который, несмотря на плохое здоровье, не пошел на пенсию, а стал во главе разоренного войной колхоза и вывел его в передовые. Теперь у Орловского тысячи последователей. Гражданский почин Валентины Гагановой стал нормой поведения многих и многих тысяч. Совсем недавно украинская колхозница Надежда Григорьевна Заглада с больших, государственных позиций завела речь о чести хлебороба. Времени прошло немного, а мысли Надежды Григорьевны поддержаны всем народом.

Не только мысли, но и дела. Убедиться в этом нетрудно. Где? Да где угодно. Мы поехали на строительство Березовской ГРЭС.

Поехали мы туда не за тем, чтобы увидеть нечто необыкновенное. Мы даже не знали, что в этот день там будет митинг, посвященный пуску второго блока станции.

Случайно угодили на самое торжество. Платформы двух грузовиков образовали трибуну, за которой высился корпус химической очистки воды, потом сама станция, а там, выше трубы, в синем осеннем небе — победное колыхание кумача, прикрепленного к стреле крана.

К микрофону подошел человек. Опершись руками о борт «трибуны», он некоторое время вроде бы в замешательстве подыскивал нужные слова. Потом заговорил:

— Наше сегодняшнее торжество началось сто двадцать пять дней назад, когда мы брали обязательство о досрочном пуске второго блока ГРЭС. Теперь пришли к желанному финишу — выполнили свое слово. И нечего нам кривить душой: мы гордимся этой победой. Однако радости нашей прибавится, если сегодня же наметим дальнейшие вехи. Первый блок мы смонтировали, отладили и пустили за 175 дней. Второй — за 125. А как с третьим?..

— Кто это говорит? — спросил я у стоявшей возле меня девушки.

— Иван Федорович! — И, догадавшись, что я приезжий, добавила: — Вареник, начальник «Южтеплоэнергомонтажа». Начальник-то начальник, а такой шустрый, куда ни пойди — везде его встретишь. А глазастый — беда! Попробуй что от него утаить — не выйдет!

У моей соседки любопытная манера говорить: вроде бы недовольна человеком, а на самом деле недовольство — похвала.

— А вы кем работаете и как вас зовут?

— Да, небось, сами видите, что не в канцелярии сижу. А как звать и прочее, так какая вам в том нужда, заезжему-то?

Чтобы не выдать своей профессии — это не всегда способствует откровенному разговору,— я решил повернуть беседу в другую сторону:

— Пустить блок за сто двадцать пять дней — это же здорово!

— Рекорд! — отозвалась девушка с нескрываемым торжеством.

— А может, очковтирательство? — попробовал я поддеть ее.

— Очковтирательство — это когда на бумаге. А тут, слышите, гудит! Тут натура!

— Вы бы рассказали, как получилось, что на три месяца опередили план,— попросил я свою соседку.

— Работали по чести — вот и все!

— Да ведь это все общие слова.

— Если вы такой дотошный, то идите к начальству. Они вам все по полочкам разложат, с графиками и цифрами — по науке.

Корреспондентская настойчивость моя, видимо, не понравилась юной собеседнице, и она с нарочитой внимательностью стала слушать очередного оратора. Чего проще, конечно, подойти после митинга к кому-нибудь из руководителей строительства, и «все разложится по полочкам». Но ведь каждое новаторство и каждое повышение производительности труда только тогда значимо и доро-

УСПЕШНО ПРОХОДЯТ в Москве гастроли двух талантливых коллективов из США. Это хор и камерный оркестр под управлением Роберта Шоу и труппа «Нью-Йорк сити балет».

На снимке: Высоким мастерством отмечены спектакли американской балетной труппы.

Фото Е. Умнова.

ПОЕТ НАША ГОСТЬЯ, французская певица Жаклин Франсуа. И не все ли равно: понимаешь ты язык или нет? Вместе с певицей на подмостки нашей сцены приходит Франция, дерзкий, веселый и немножко печальный Париж, который мы полюбили за озорного Гавроша, за Свободу во фригийском колпачке, за его каштаны, набережные Сены и песни...

Фото А. Конькова.

СТРОКИ ИЗ ПИСЕМ

«В «Огоньке» поднят важный вопрос об уроках чемпионата мира по футболу (№ 38). В. Понедельник считает, что Яшин так и остался Яшиным. Яшина все мы знаем, но оценки его игры дают право усомниться, в форме ли он был. Ни за одну игру он не получил отличной оценки, за матч с Колумбией он получил «посредственно», а за матч с Чили — «плохо». Кроме того, при всех условиях штрафной с 35 метров он должен был взять. Спрашивается: почему нельзя было дать отдохнуть Яшину, если, как пишет В. Понедельник, у него сдали нервы?»

В. ШЕВЯКИН

г. Москва.

«Почему в Коста-Рике и в Колумбии встречи нашей команды были направлены обязательно на выигрыш? Разве это давало что-нибудь? А на чемпионате с Колумбией счет — 4 : 4... Что бы это значило? Что так серьезно помешало нашим игрокам во встрече с Колумбией? Помешали ненужные встречи до начала чемпионата. Они принесли самоуспокоение».

Н. ОСИПОВ

г. Красный луч.

«На днях прочитал в вашем журнале письмо Н. Леонтьева и статью В. Понедельника. Н. Леонтьев прав. Помню, как перед отъездом нашей сборной в Чили по радио исполняли такую песню: «Эй, вратарь, готовься в Чили, часовым ты поставлен у ворот». Но где сейчас эта песня?.. Ах, если бы спорт, особенно футбол, был бы так же развит у нас, как песенное творчество!»

СКРЯБИН

г. Луганск.

«Целиком соглашаясь с последней частью ответа Виктора Понедельника, считаю, что необходимо более внимательно прислушиваться к голосу болельщиков, считаться с их мнением, печатать их высказывания. Необходимо помнить, что там, где нет болельщиков, где нет зрительного футбола, там не может быть и первоклассного футбола».

З. ГАЗЕР

Эстонская ССР.

Письмо пришло в редакцию

Из колхоза имени XXI съезда КПСС, Белогорского района, Крымской области, пришло письмо, в котором сообщалось о серьезных непорядках в артели. В частности, речь шла о том, что бригадир Д. Чебаненко пьянствует, что зоотехник Рож и другие работники злоупотребляют своим служебным положением, и т. д.

Редакция направила письмо в Крымский областной комитет КПУ. Вот что ответили «Огоньку» из Симферополя:

«Письмо колхозников было проверено на месте. Факты, касающиеся бригадира комплексной бригады Д. Чебаненко, подтвердились. Чебаненко плохо руководит бригадой. Часто в рабочее время бывает в нетрезвом состоянии. Чебаненко своими действиями способствует хищению колхозной собственности. Бригадир нарушает положение Устава сельхозартели о количестве скота в личном пользовании.

Также имели место факты обмена телок зоотехником Рож и скотником Швецовым. В настоящее время они возместили ущерб, нанесенный колхозу.

Партийный комитет колхоза, обсудив итоги проверки письма, строго предупредил председателя колхоза тов. Прокопенко, который не принимал своевременных мер к устранению недостатков.

За систематическую пьянку и самоуправство правление колхоза освободило Чебаненко от должности бригадира комплексной бригады и перевело на общие работы. Приняты также меры к тому, чтобы количество находящегося в личном пользовании скота было доведено до норм, предусмотренных Уставом сельхозартели.

Зав. сельхозотделом Крымского обкома КП Украины И. Галух».

В своем отечестве. Роберт Костанян, Григор Теирменджан, Саркиз Чошкарян, Акоп Шатаревян.

В СВОЕМ ОТЕЧЕСТВЕ

Эти дни проходят в армянских городах Ленинакане и Кироваканe под знаком новоселий.

В новые дома вселяются люди, которые только несколько дней назад появились в Армении. Они приехали с далекого острова Кипр. Это новые советские граждане — репатрианты-армяне.

— Противники репатриации,— говорит руководитель группы Акоп Шатаревян,— мешали нам на каждом шагу. Они выдумывали несусветные небылицы, чтоб поколебать благородное стремление армянских патриотов. Но на клевету мы отвечали только фактами. Мы просто называли цифры, свидетельствующие о небывалом расцвете Армении в советский период. Нам присылали анонимные письма, угрожали расправой в открытую. Но ничто не могло нарушить нашего решения.

Шатаревян называет нескольких своих товарищей, сыгравших немалую роль в организации этого благородного предприятия.

Вот, например, Роберт Костанян. Он считался лучшим специалистом Кипра по холодильному оборудованию. Фирма, где он служил, предлагала ему огромные материальные выгоды, лишь бы он отказался ехать в Армению.

Григор Теирменджан — специалист по автомобильному электрооснащению. Он содержал мастерскую на паях с компаньоном. Компаньон оказался яростным противником репатриации. При разделе имущества, оцененного в крупную сумму, компаньон выдал Григору лишь незначительную часть его доли. Ну что ж, желание жить на родине оказалось сильнее материальных соображений.

Надо сказать, что сам Акоп Шатаревян — очень скромный и малоразговорчивый человек, коммунист,— продал свой автомобиль для пополнения небогатой кассы репатриантов.

Мечта людей, оторванных от родины, сбылась.

Н. СВЕТЛОВА

го, когда сам рабочий понимает и легко объясняет причины своего успеха. И я решил попытаться расположить свою нечаянную собеседницу к продолжению разговора. И вдруг она сама обратилась ко мне, показывая своими голубыми глазами на худощавого и неказистого на вид человека, в заношенной спецовке:

— Может, не поверите, а вон тот, стеснительный такой,— это и есть настоящий герой: Михаил Кузьмич Мартюхин — мастер котельного цеха. Поглядишь, какой он герой? Так себе, дядька как дядька, каких тьма-тьмущая. А у него под кепкой шарики крутятся, может, быстрее, чем в электронной машине. И потом, знаете, так умеет ладить с людьми! Всем он нужен, и все им довольны.

Собеседница моя оказалась из тех рассказчиков, что сами зажигаются своим повествованием и, начав, поведают тебе все до конца.

— Вот смотрите, какой он... Котлы нам поставляет Подольский завод. Отсюда не видно, в чем там у них дело, не знаю. А продукцию мы от них получаем плохую. И в последнем котле, в трубах оказались то непровары, то раковины. Из 17 тысяч стыков 800 негодные. А ведь и одного хватит, чтобы остановить весь блок на долгое время. В какую копеечку это обойдется государству, судите сами, если только за час бездействия турбины, считай, шесть тысяч рублей убытка. Словом, как узнали, что получили халтуру, то некоторые хотели звонить в Подольск, составлять дефектную ведомость, просить ремонтную бригаду: все равно, мол, успеем, по плану второй блок должны пустить в конце четвертого квартала. Вот тут-то наш Мартюхин и отличился. Говорит хлопцам: чего нам ругаться с халтурщиками, ждать, пока они раскачаются, давайте сами поправим их огрехи. Не простаивать же, не смотреть со стороны, как график ломается. А хлопцы у нас — огонь. Разговор короткий. Пошли к Николаю Спиридоновичу Медведенко, начальнику монтажной площадки. Поддержал. Потом к Таращуку, Любомиру Григорьевичу, главе котельного цеха, тоже, как говорят, «за». Потом к Варенику и главному инженеру ГРЭС Андрею Васильевичу Самойлюку, а те: «Братцы, а мы с директором только-только хотели обратиться к вам с этой просьбой!» Вот как повернул дело наш Мартюхин! Девять дней и девять ночей работала бригада коммунистического труда. И котел был готов. А если б пошла переписка, ругань, счеты,— волынка затянулась бы на месяц, а то и больше. А каждый час простоя турбины, помните,—это шесть тысяч новых рубликов. В Подольск, говорят, актов не посылали — сообщили им, и хватит. Пусть сами разбираются в своей беде, если хоть капля рабочей гордости у них есть. Вот какой наш Мартюхин! Герой?

И сама же ответила:

— Не космонавт, конечно, но у каждого своя орбита, и тот, кто на нее выходит, тот в своем деле герой. И еще заметьте одну деталь: никаких там аккордных, специальных и повышенных. Все по норме. Только одно изменилось: честь у людей стала выше!

Девушка умолкла и уже собиралась было уйти в сторону. Стала прощаться.

— Так как же вас зовут?

— А зачем вам?

— Мы корреспонденты журнала. Хотим сфотографировать...

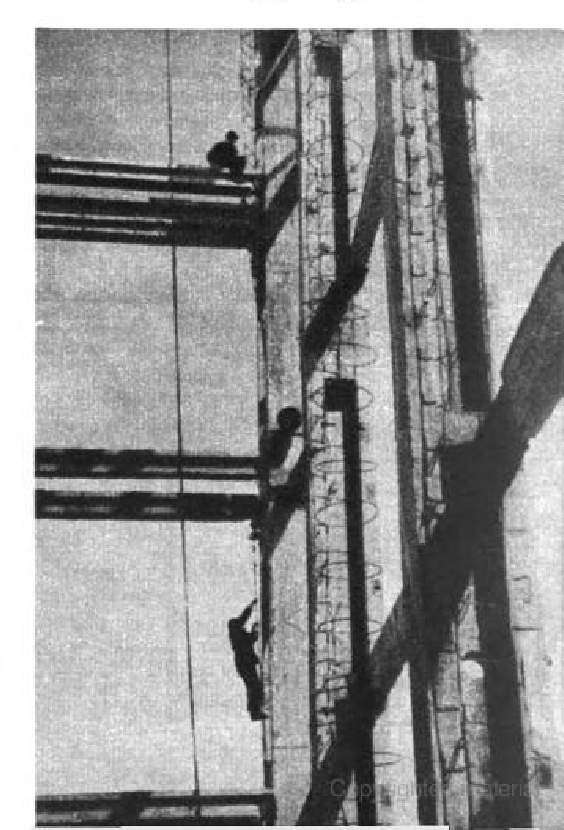
— Ой, что вы, что вы! Не за что меня фотографировать. Приезжайте годика через два — тогда, может, и удостоюсь.— И, воспользовавшись окончанием митинга, она смешалась с толпой подруг и товарищей.

Не удалось нам сфотографировать и Мартюхина. Сославшись на служебную занятость, он побежал «на минутку» на стройку, и больше мы его не видели.

Когда мы уезжали со стройки, ясный осенний день угасал. За болотным кустарником и низколесьем сначала скрылись новые улицы грэсовского поселка, потом пропал из виду могучий корпус станции. Но долго еще пламенел в небе победный кумач, как факел, как маяк доблести.

Березовская ГРЭС создается из сборного железобетона.

Фото А. Дитлова.

Ну, як воно? Будэ жить управление чи нэ будэ?..

Бригадир второй хитренько смотрит мне в глаза, ждет, что я скажу про территориальные производственные управления, что дало оно, это новшество, и как там, в Москве, рассчитывают.

А ведь я сам приехал за ответом на подобный, хоть и не с таким подтекстом сформулированный вопрос. Мой звучит куда оптимистичнее.

...Осень на Киевщине. Тяжелые туманы медленно сползают к Днепру. Росные рассветы наполнены запахами увядания, хлеба и яблок. Хлебом и яблоками пропахли поля, дороги, самый воздух приднепровских сел. На порыжевших огородах, будто добрые молодцы закручинились, свесили свои головы рослые подсолнухи. Верно, они думают великую думу о земле, трижды обожженной войной, до сего часа набитой ржавым железом, а может, о молодых садах, которые нынче цвели впервые, о поре плодов и вызревших семян. Кто знает?..

Осень. Обмолочена пшеница. Рухнула под крыльями мотовил кукуруза, и вот уже легла она сочной сечкой в тракторные тележки, утрамбована в траншеях. В степи набирает вес свекла. И еще кукуруза — та, что оставлена «на кочаны».

Тихо в полях. Передышка?.. Нет ее, передышки! Время сеять хлеб — лучший, озимый.

Давно с досадой замечаю: весенний сев проходит по стране, как праздник, а про сев озимых обычно ни слова. Для хлеборобов Средней России, и особенно Северного Кавказа, Дона и, конечно, Украины, тот сев, что весной шумит, вроде был приложением к главному. Рожь, озимую пшеницу сеют у нас на миллионах гектаров в дни «бабьего лета». Но об этом севе ни стихов, ни фотографий.

Главный хлеб! Семена его ложатся в землю под лучами позднего солнца, его всходы уйдут под снег. Это только несведущим кажется, что зимняя степь не живет. Под белым пологом происходят чудесные биологические процессы, идет неприметная, мудрая работа в живых клетках семян. Тогда-то, поздней осенью и под снегом, он, в сущности, и зреет, главный хлеб страны.

На осеннее поле, рыжее от стерни, спешат тракторы с плугами, а потом и с сеялками. «Отмолотились» не означает, что пошабашили. Нет, технология производства хлеба, кормов, а значит, и мяса и молока, куда сложнее. Не оттого ли и новый орган руководства сельским хозяйством назвали производственным управлением?

За вывеской Кагарлыкского управления — один совхоз и шестьдесят три колхоза четырех районов: Кагарлыкского, Старченковского, Обуховского и Ржищевского. Это более двухсот тысяч гектаров, десятки сел, благосостояние тысяч людей.

Управление называют новым органом руководства. Под старым подразумевается райзо. Такой исторический экскурс, может быть, и не для всех интересен, и его нетрудно опустить, если бы не одно печальное обстоятельство: между ликвидацией старого и созданием нового органов управления сельским хозяйством лежат годы производственного безвластия на колхозной земле.

Быть может, нелишне напомнить, что смысл огромной работы, проведенной нашей партией в последние годы, заключается в очень простой формуле: строить коммунизм — значит перестраивать хозяйство на самых современных основах, обеспечить прежде всего высокую производительность труда в промышленности и сельском хозяйстве. Но признайтесь, что, повторяя эту формулу наизусть, мы чаще думали об автоматических линиях на заводах, о конверторной стали и вовсе или почти вовсе не думали об истощенных полях, о неистребимых сорняках, о лошадиной скорости тракторов, о допотопных конструкциях сельскохозяйственных машин... Совсем недавно, да и то далеко не всюду, мы догадались увеличить скорость тракторов, год-два назад начали сходить с конвейеров кукурузные и свеклоуборочные комбайны, только год-два назад, да и то далеко не все колхозы получили возможность приобрести мощные навозоразбрасыватели, тракторные тележки, прекрасные копнители соломенной сечки. Давно не встречаешь на фотографиях сапок и вил, которые остаются до сего дня чуть ли не главными орудиями труда в деревне, но от этого не легче тем, кто ждет индустриализации производства хлеба и кормов. Слово «гербицид» настолько ново, что не всяк еще его и выговорит...

Это присказка, а сказка впереди: укоренилось мнение, что курица не птица, а сельское хозяйство не производство.

Теперь нередко даже от людей серьезных приходится слышать недоуменное: «Как это никто не руководил деревней? А министерство, а райкомы, а та масса уполномоченных, что безвыездно жила на селе?.. Забыли?» Помним, было, было... «Давай-давай!» войдет не только в изустную историю тех трудных лет. Такое, боюсь, быльем не порастет. Но сегодня особенно важно не смешивать то «руками водить» с руководством подлинным: продумать и наладить технологию производства, перевооружить его энергетически, максимально облегчить труд человека на земле, найти каждому его место на ферме и в поле. Без этого в стране космических взлетов нельзя добиться увеличения материальных благ. Не следует противопоставлять проблемы космоса и земледелия, но помните, как сказал Никита Сергеевич: «Сегодня человек довольствуется морально-политическими факторами, завтра и послезавтра, а потом может сказать — к морально-политическому удовлетворению хорошо бы иметь в достатке мясо, молоко, масло и другие продукты». А человек, он так и говорит...

Вот побывал я на Киевщине, и как-то спокойнее стало на душе: не зря, видно, перестраивает земледельческая армия свои ряды. В этом смысле, несмотря на хмару, золотая нынче осень! О большом наступлении говорят люди в степи. И еще отрадно, что хитренький, далеко стреляющий вопрос того бригадира: «Ну, як воно? Будэ жить управление чи нэ будэ?» — прозвучал явно вхолостую.

— То не вопрос, а чистая абстракция,— сказал мне как-то уж позднее парторг Киевского обкома партии по Кагарлыкскому управлению Петро Гаврилович Олейник. Ко времени разговора я и сам убедился в этом.

Как-то ранним утром Петро Гаврилович позвонил первому секретарю Кагарлыкского райкома партии:

— Девушка! Мне Лисового, будьте ласковы... Ты, Трофим Григорьевич? Сегодня мы семинар механизаторов проводим. Да, в «Коммунаре». Слышал? Да, новый свеклокомбайн пустим. Могу захватить тебя, дело небесполезное...

Захватив секретаря райкома, мчимся в поле. По дороге разговор все о том же: о возросших масштабах производства и о жидкой механизации. Урожайность зерновых выросла втрое за пять лет. А посевы? По управлению только кукуруза занимает тридцать семь тысяч гектаров. Почти столько же под свеклой. Поднять этакую массу — в смысле физическом — дело тяжелое. Нужны машины. А корма? На сто гектаров здесь уже есть более пятидесяти голов только крупного рогатого скота. Вот и считайте, сколько требуется кормов заготовить на зиму...

В поле около новенького «КС-3» толпятся человек сто — в негнущихся дождевиках, в телогрейках, в запыленных, давно потерявших цвет кепках. Многие не бриты. Внимание всех — к гидравлическому узлу комбайна. Рослый молодой человек с прутиком вместо академической указки громко, чуть с хрипотцой, говорит о возможных случаях поломки. Это старший научный сотрудник Украинского научно-исследовательского института механизации и электрификации сельского хозяйства Виктор Гаврилович Герасимчик.

Машина отличная, но сборка потребовала и времени, и сил, и знаний. К машине относятся поразному. Руководители районов, председатели считают уже, сколько рук такая высвободит и к какому неотложному делу завтра эти руки можно приложить. А механизаторы, которые в степи останутся с ней один на один, смотрят и слушают с недоверием: уж больно красно научный человек говорит!

Как иллюстрация к этим извечным мужицким сомнениям, комбайн не пошел. Вчера хорошо выбрал свеклу, а вот на людях не пошел. Заминка, конечно, пустяковая, но в этой ситуации она явно ни к чему. Герасимчик и его помощники из «Коммунара» бросились искать причину. На лбах испарина, руки в земле и машинном масле. А механизаторы присели — кто на корточки, кто так, прямо на землю — покурить. Тут-то и подсел к ним Петро Гаврилович. Парторга обкома, хоть и не велик срок, уже многие знают. Оттого и остры взгляды, первые реплики — искры неторопливо разгоравшегося разговора по душам.

— Ось тоби и гидравлика!

— То у шланга, мабуть, воздух, так трэба трохы спустыть...

— Ни, цэ буряки погани! Айда до другого колгоспу...

Петро Гаврилович тоже сел, поудобнее положил свою негнущуюся правую — протез — и закурил.

— Шо мэни той комбайн? — раздувал костерок разговора один из неверующих, озорно зыркая глазами по сторонам.— Як бабоньки мои выйдуть, так ниякый комбайн нэ угониться!

— А вот уж это неверно,— вставил слово и Петро Гаврилович.— То зло наше, что мы на женщин стараемся взвалить непосильное. Зло это идет самосевом, от злой прежней жизни.

Парторг неожиданно широко улыбнулся, прищурился:

— Знаете... Да, конечно, знаете, як один хозяин погоду угадывал? Он просто объяснял: як боров будэ хвостом крутить, цэ, значит, хмара идэ...

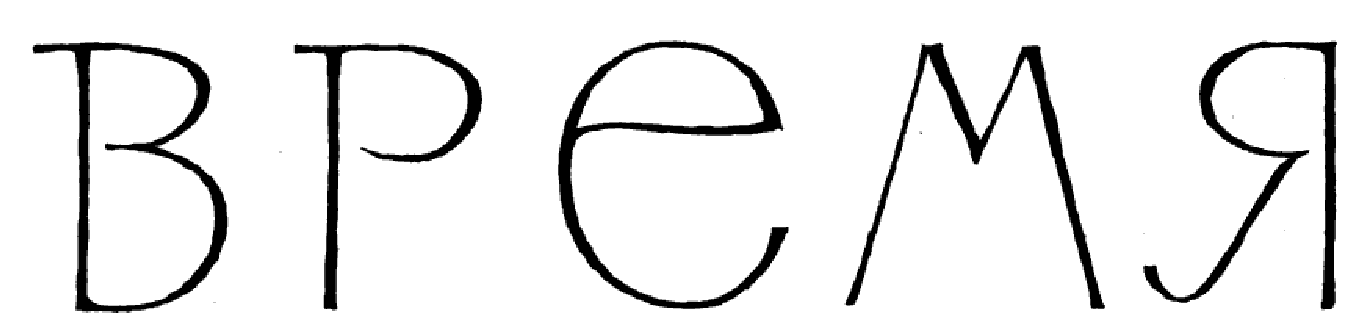
Все, видно, знают старую байку, но хохочут от души.

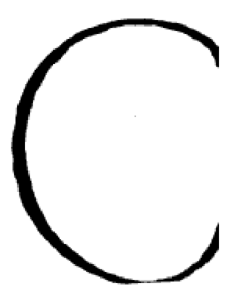
— Та боров тот, мабуть, параличный! — поддерживает шутку бригадир, у которого бабоньки — решающая сила в поле.

— Понял? — продолжает парторг.— Ось так и ты... Грамота нынче требуется всесторонняя, друзья. Всесторонняя! У кого в чем какая целина — пашите, пока не поздно. Без культуры в производстве, в земледелии дальше и шагу не шагнуть. А значит, надо учиться.

— Та нэма колы!..

— Неверно, время и возможности есть! — переходит на серьезный разговор Петро Гаврилович.— И самим учиться и людей учить...

Над полем низко промчался двукрылый светло-зеленый самолет. Десятки глаз проследили его путь. За дальней межой из-под самолета вырвался и потянулся серый шлейф: подкормка под зяблевую пахоту.

— Видели? — спросил парторг.— То ж наши с вами будни. Когда такое было?

— Та вин зараз таку химию зробыть, шо потом и всходов нэ побачишь,— не унимался острослов.— У нас посыпали балабон...

Ему не дали договорить: грохнул хохот, все повалились от смеха в холодную свекольную ботву.

— То не балабон, а долопон, цэ гербицид такой,— хохотал один из механизаторов.— А балабон — цэ така сорока, як ты!

Петро Гаврилович заговорил о том, что сегодня нельзя не знать всех передовых приемов, всех современных марок машин. Посеешь случайный сорт — не доберешь тысяч тонн зерна.

— Ну, кто из вас, здесь вот беседующих, не умеет сеять, наладить обычную узкорядную сеялку?

Механизаторы замолчали: уж очень прост вопрос, не иначе, таит он в себе что-то такое...

Я понял, к чему клонит Петро Гаврилович. Неделей раньше этого семинара был другой. Главный агроном управления Сидор Макарович Прищепа решил провести показательный сев озимых в ржищевском колхозе имени Горького.

Сколько веков выращивает человечество злаки? Сколько десятилетий сеет человек с помощью сеялок? Нужно ли потомственных хлеборобов Украины учить тому, как отрегулировать сеялку, как выбрать сроки сева, глубину заделки семян?.. Обо всем этом я думал, когда ехали мы с Сидором Макаровичем за Ржищево к Березовому мосту. Не раз приходилось слышать: «Мужика учить сеять — только поле портить».

Началось с того, что на показательный сев приехали в основном колхозные агрономы (дисциплина!), а севачей раз, два—и обчелся. Объяснение: «Чего его возить-то, дида Мину, он и так постоит на сеялке, не велика наука...»

Все же кое-кто подъехал еще, кое-кого привезли. Двинулись в поле. Ровное, лиловое в лучах утреннего солнца, лежало оно, готовое к своей великой миссии — принять зерно под зиму. Слева, если смотреть туда, где вставало солнце, вспухал широкий гигантский шрам — запаханный танковый ров... От него и отбили опытную загонку.

Сидор Макарович, по всему было видно, сразу заприметил неладное, но пока сдерживался. Начал издалека:

— Севач — великая должность. Сегодня он делает урожай будущего и другого за ним года. Як так? А глядите...

Сидор Макарович толкует о том, что только правильный сев дает прибавку в три — пять центнеров на гектаре. И другое. Если на тракторе классный механизатор, а на сеялках совестливые севачи, то нужен ли такому экипажу еще и контролер-агроном? Хватит бегать агроному за каждым агрегатом! Огрех — от севача, а не от агронома...

Сеяльщики сгрудились вокруг Сидора Макаровича, а он, все больше и больше распаляясь, показывает и на то, что вешек на поле нет, нет и поворотной полосы, семепроводы там и тут болтаются...

— У мэни очи острые, я и без вешек...— оправдывался тракторист.

— Не встречал я такого человека, чтоб без вешек проехал як положено! Святое дело поганишь!..

Кряхтели севачи: Макарыч верно говорит. В самом деле, в соседнем Кагарлыкском районе нынче намолотили по тридцать центнеров зерна на круг, а у них куда меньше... Отчего бы это? Сеять разучились? И эта беда есть. Вон как Надежда Григорьевна Заглада в газете писала: совести нэма...

Главный агроном рассказал, что был он не далее как вчера на Мироновской опытно-селекционной станции, в который раз уж встретился там с чудодеем, автором новых сортов пшеницы Василием Николаевичем Ремесло. О чем говорили? Да все о том же, о севе озимых. Научные люди точно выверили, что сеять по нашим местам надобно от 25 августа по 5 сентября. А колхозы когда сеют? Аж с 20-го и до 20-го! Месяц тянут!.. Почему так? Это же зерно! Целый мир со своей жизнью, его нельзя просто так, когда вздумается, бросить в землю. А норма высева? Высевают в колхозах вдвое больше, чем на станции. Почему? Все оттого же: от бескультурья. Сеют из расчета, что часть семян не взойдет, часть их вредители пожрут, часть вымокнет или вымерзнет... А если по совести высеять, как природа пшеницы и земли того велит, тогда и сам-сто можно намолотить. Сам-сто!

Слушал я Сидора Макаровича и думал: ну отчего так все обернулось? Ведь и вправду же это самое святое — посеять. И пшеницу в поле, и семена совестливости, мастерства, культуры — в души сегодняшних хлеборобов.

Изменилась технология колхозного производства, а там, где этот процесс искусственно тормозится, жизнь заставляет горько расплачиваться. Не то нынче и поле и машины, выходящие на сев, на обработку посевов, на уборку. Одно дело — идти за волами, а другое — стоять, не побоюсь сказать, за пультом управления сеялки. Одно дело — высеять сорт десятой репродукции (да еще надо знать, что это такое — репродукция!), а другое — получить элиту из рук самого Василия Николаевича.

Все эти мысли, родившиеся и подтвердившиеся во время встреч на Днепре, относятся не только к механизаторам, которые нынче никакие не мужики, а настоящие рабочие — по крайней мере должны быть такими!.. Надо всем-всем и прежде всего колхозным специалистам, а особенно колхозному «комсоставу» всех рангов, уяснить, что опасно оставаться в плену примитивизма, этакой лубочной умиленности, а по существу, безграмотных рассуждений: «Земля, она сама родит... Был бы гром... Мужик, он свое дело понимает, его не замай...» Да вся беда в том, что подчас уже и не понимает и не знает. А Владимир Светличный, Александр Гиталов, Александр Беккер — это отнюдь не «мужики», то асы, механизаторы высшего пилотажа.

Сейчас не время да и не место докапываться, откуда вся эта ржа пошла. Важно уяснить, что только одной честности и одной преданности различным решениям, спущенным сверху, мало. Тысячу раз прав Никита Сергеевич, когда вскрывал застарелый наш гнойник: «Сельское хозяйство как горох при дороге: кто мимо идет, тот и рвет. Каждый профан считает себя специалистом в сельском хозяйстве. Тот, кто ест картошку, уже считает, что умеет ее выращивать».

Хоть и давненько случилась та история, о которой поведал мне в длинном и откровенном разговоре мироновский селекционер Василий Николаевич Ремесло, но пересказать ее стоит.

Привезли в один колхоз на Дону честного парня с текстильного комбината и рекомендовали его председателем правления. Видавшие уже разных людей на этом посту колхозники проголосовали за новенького без особых прений — этот молоденький, культурный с виду, может, хоть не так пить будет, как предыдущий. А была весна, сев проваливали. Привыкший к четкой организации труда (ткачихи даже маршрут обхода станков разрабатывают, ведут счет каждому шагу!), председатель во всех недостатках видел одну причину: нежелание колхозников работать. Понятно, городскому человеку нелегко разобраться в сложности колхозного производства... Так вот однажды и случилось, что сеяли колхозники просо, а председатель усмотрел в этом вредительство. Прибывший к вечеру на то же поле агроном ахнул: бригада сеяла... пшено. «Да они же сеяли со скорлупой»,— объяснил потом свой промах озадаченный председатель, человек честный, непьющий.

Случай, более похожий на анекдот, но не выдуманный. Он говорит о том, что нельзя, чтобы и посегодня наше сельское хозяйство оставалось «горохом при дороге»...

Кагарлыкское производственное управление — штаб квалифицированных технологов колхозного производства.

Группы специалистов возглавляют агроном старой выучки Сидор Макарович Прищепа и молодой, но деятельный, завидного размаха в работе зоотехник Николай Маркович Васильченко. Всю душу, все силы отдает новому делу начальник управления Тимофей Родионович Рындин. Он, бывший в течение десяти лет первым секретарем райкома здесь же, в Кагарлыке, всем своим партийным сердцем понял, что нынче руководить селом через совещания, нагоняи нельзя. Стружка, которую чуть что снимали на бюро райкома,— это порождение безответственности: ведь легче человека избить, чем научить или попросту вовремя заменить...

Мне рассказывал и парторг обкома Петро Гаврилович Олейник, что совершенно в новом свете видится ему теперь и «его» прежний район — Обуховский.

— Невежество, так и запиши, невежество, ох, как оно угнездилось в сельском хозяйстве! — сокрушается Петро Гаврилович.— Ощупкой шли вперед. Да, вперед — с довоенными годами и сравнивать нечего. Но как это все недружно, медленно, иногда случайно делается! Я знаю киевлян, которым некогда в Киеве сходить в театр, о котором мы здесь мечтаем. А у нас под боком Мироновская опытно-селекционная станция, так многие колхозные агрономы, не говоря о председателях и бригадирах, не удосужатся туда съездить, поглядеть, пощупать их технологию своими руками, порасспросить Ремесло, как добывается урожай в пятьдесят и семьдесят центнеров... А ведь внедрив только «мироновскую-264», Старченковский район в прошлом году получил дополнительно семь миллионов рублей!..

Производственным управлениям не исполнилось еще и года. Но уже сейчас видно, что они способны распутать заколдованный клубок вопросов, связанных с дальнейшим развитием нашего сельского хозяйства. Недаром Никита Сергеевич назвал управление «совнархозом для определенной группы хозяйств».

Совнархоз на земле — это ли не развитие ленинской идеи оперативного решения производственных вопросов, исходя из местных условий!

Бескультурье земледельческое, безграмотность техническая — вот с чем столкнулось и сейчас каждодневно сталкивается произ-

Разговор по душам. Петро Гаврилович Олейник пришел к механизаторам.

Николай БЫКОВ

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО.

водственное управление. Не бить за это — значит поощрять неучей или бессовестных. И еще слепота экономическая.

Научиться считать остается требованием дня. Признаться, меня удивило, что лишь один колхоз из шестидесяти трех в Кагарлыкском управлении перешел на денежную оплату труда. В других господствует трудодень. Отчего так? Богаты колхозы? Весóм трудодень, много рабочих рук? Ну, во-первых, и колхозы эти по нынешнему уровню жизни не так богаты, и трудодень не так уж весом (1 килограмм зерна и менее рубля деньгами), и «лишних рук нэма». А во-вторых, не считает тот, кому считать нечего.

На мой докучливый вопрос председатель «Червоного хлебороба» Герой Социалистического Труда Иван Федорович Кабанец неизменно отвечал:

— Шоб деньгами платить, на то карбованцив нэма. Мы все строимся, ось и думай. Гараж возводим, свинарник...

Уважаемый Иван Федорович, так денежная оплата влечет за собой обязательный хозрасчет, а хозрасчет — это экономия и еще раз экономия. Ведь с трудоднями внавал меж пальцев уходит масса нужных вам «карбованцив»!

Иван Федорович из тех председателей, которыми сильна и горда Украина. С 1931 года неизменно — не считая войны — он остается головой. А как начинал? О том мне поведал восьмидесятипятилетний дед Максим — Максим Федорович Рудь.

— Иван молоденький хлопец тогда був. Ихалы мы полуторкой з молотьбы. Он, голова наш, и встречается на дороге. Спрашивает одного хлопца: «Ты скилькы намолотив?» А молотили мы цепами... Тот отвечает: «Десять кулив». Иваночка ему: «Злазь зараз з машины». Другого спрашивает: «Ты скилькы?» «Пятнадцать»,— отвечает. «И ты злазь...» Дошел черед до мэнэ. Говорю: «Двадцать пять, Иване...» Силен тогда ще я був! Он улыбнулся: «Сидайтэ, дядько!»

Я смеялся этому рассказу, а в доме у Ивана Федоровича задумался, почему так не смел он ныне, умудренный жизнью голова, почему сейчас не торопится перевести свой колхоз на иные, экономически более верные рельсы? Ведь он сыздавна хозяин, каких поискать, сыздавна не дозволял лодырям проехаться за счет «общего труда»!

Такова уж, видно, сила инерции...

Многим прославленным надо бы сегодня съездить в ржищевский колхоз имени Шевченко. Да не с полей начать осмотр, а с бухгалтерии. Так и вижу: бухгалтер Зинченко придвинул еще ближе к себе старенькие счеты и заговорил страстно и хлестко, невзирая на золото звезд и депутатские значки приезжих.

— Разнесчастные те люди, которые работают за трудодни. И колхозы их несчастны. Масса средств утекает, на распыл идет, а подъема, какой требуется, нет. Меня, как бухгалтера, в колхозе не любят. Но я не обижаюсь, ибо моя должность такая — считать! Однажды вижу, хлопцы сгуртовались в ночное, гонят на каждого по четыре лошади. Вернул их. Почему по четыре? Да за балачками можно и по восемь доглядеть. Вот тебе и повышение производительности труда вдвое!

Зинченко заразительно смеется.

— Теперь и у нас в Шандрах узнали сладость строгого учета!.. Вы мне скажите другое: почему нет учебного заведения, которое бы готовило людей важнейшей в стране профессии — председателей колхозов? Нет такого!.. А как трудно балакать с головой, который не хочет считать затрат и прибыли...

Очень точное украинское слово — голова. Но ведь голова должна быть светлой, умной, много знающей и прозорливой. В деревнях до сих пор голосуют за «голову», рекомендованную или привезенную...

Петро Гаврилович рассказал мне в ответ на эти мысли:

— В кооперативе, конечно, положено выбирать... Ну, а что касается обучения, то верно, тут надо глядеть в оба и далеко вперед. Мы сразу решили исподволь готовить председателей, вмешаться в это дело, чтоб никаких потом случайностей, никакой стихийности. Что сделали? Отобрали в колхозах толковых бригадиров, агрономов и зоотехников со средним образованием — всего двадцать восемь хлопцев — и отправили их учиться на экономический факультет Института народного хозяйства.

Дальний прицел! И мудрый. Чтоб пшено не сеять...

Никто не занимался и специализацией. Конечно, райкомы партии «ставили эти вопросы», даже рекомендовали хозяйствам свозить скотину «до кучи» в один колхоз, но проанализировать экономическую сторону затеи было попросту некогда и некому. И получилось: в Пиях занялись откормом свиней, а молочное стадо резко сократили. Но тогда куда же девать жом, солому, ботву? И снова убытки...

Управление занялось и специализацией. В колхозе имени Жданова построен типовой откормочник свиней. Восемь человек откормили здесь за два месяца 2 700 свиней, каждую весом до центнера и больше. Колхоз уже сейчас сдал по 70 центнеров свинины на стогектарку пашни, а к концу года произведет 118 центнеров! Это самая дешевая свинина в округе.

— Компас изобрели века и века назад,— задумчиво говорит Петро Гаврилович.— Безграмотные мореходы бороздили океаны по звездам. А мы в век освоения космоса чуть ли не вслепую ведем хозяйство, от которого зависит благополучие, достаток, наконец, настроение тысяч и тысяч строителей коммунизма.

Собрали однажды в управлении бухгалтеров и председателей колхозов. Не на совещание — поговорить по душам, как налажен учет в хозяйствах, каковы их экономические позиции, резервы. Разговорились. В пример всем ставили одного молодого экономиста-плановика, но в ходе беседы постепенно выяснилось, что у него-то как раз и нет элементарного учета. Специалист с высшим образованием, он, выяснилось, не знал, что такое хозрасчет в колхозе и с чем его едят. Вот это был урок для всех! Парторг обкома, видя такое дело, тут же предложил собраться еще раз, теперь уже на семинар по внедрению хозрасчета, а доклад подготовить поручил тому же экономисту. Так и сделали. Авторитет молодого специалиста был спасен, и урок получился очень наглядным. После семинара председатель колхоза, экономику которого препарировали у всех на глазах, только руками разводил:

— Як же так? То одна цена молока, то друга... И механизация на ферме богатая...

В том-то и дело! Раздачу кормов механизировали, уборку коровников тоже, автопоение и автодойку наладили — затрат произведено уйма, денег вложено богато, а производительность поднялась ли? Нет. Нагрузка на доярку осталась прежней, оплата не считана, не меряна, людей толчется на ферме не меньше, а столько же... Вот молочко и кусается.

Так открываются нынче глаза на суть и красоту колхозной арифметики.

...Хорошо после знойного дня взобраться на скирду теплой соломы — вон ее какую высоченную сложили!

Степь на закате притихшая, холодком дышит. По Днепру тянутся вверх баржи с арбузами. Где-то в ближнем саду застучали яблоки: ветер или мальчишки... Далеко-далеко в степи то сходятся, то расходятся теплые земные звезды тракторных фар. Пашутся поля после пшеницы и кукурузы. Комбайн с поля, плуг в борозду — добился все-таки Сидор Макарович. На фоне подернувшегося пеплом закатного кострища четко вырисовываются сеялки. Только-только улеглась пыль, клубившаяся с утра за ними. Мне запомнится это: степь осенняя, и в степи сеялки... Завтра снова потечет зерно в землю. Сеять и сеять!.. Главный хлеб зачинается сегодня. И на земле и в душах рабочих полей и ферм. Он обязательно даст сильные всходы, этот трудный посев. И что-то есть в нем такое, нет, не только символическое, но и очень земное, мудрое, во что нельзя не поверить, что не может не сбыться. Время сеять, так давайте же не упустим этого великого времени!..

ДЕРЕВНЮ ЗОВУТ ФЕДОРОВКА

Теперь эта крымская деревня называется Федоровкой, а тогда, в двадцатые годы, ее именовали Илларионовкой. Прошло уже несколько лет с тех пор, как рабочие и крестьяне России взяли власть в свои руки, а беднякам Илларионовки все еще жилось худо. Мироеды Иван Качура, Илларион Ищенко и их подкулачники прибрали к рукам всю деревню. Хитростью пробрались они в руководство земельным советом и принимали в земельное общество только тех, кто был им угоден, исключали непокорных.

В 1925 году в деревню приехал молодой батрак с Украины Федор Приходько. В апреле он подал заявление о вступлении в земельное общество. И смело начал разоблачать проделки кулаков.

Приходько пишет гневные письма в газеты «Красный Крым» и «Бедноту». Он смело выступает на деревенских сходках, раскрывая крестьянам неприглядные деяния Ищенко и Качуры. Они тормозят землеустройство и сохраняют большие излишки земли для себя. Ищенко, например, имел 40 десятин лучшей пахотной и огородной земли.

Кулаки пускают в ход против Приходько клевету, угрозы. Но когда и это не помогло, Качура и Ищенко самовольно отбирают у Приходько земельный надел.

За наглое самоуправство народный суд лишил Качуру свободы на год, а Ищенко — на шесть месяцев.

Победа Федора Приходько укрепляет его авторитет среди бедноты и середняков деревни.

В марте 1927 года селькора Федора Приходько избирают в сельсовет. А через несколько месяцев он вступает в комсомол. Он по-прежнему смело борется против кулацкого засилья в деревне, продолжает писать в газеты.

Теряя одну позицию за другой, кулаки Качура и Ищенко замышляют и осуществляют кровавую месть: они зверски убивают Федора Ивановича Приходько.

Злодейское убийство смелого борца за новую жизнь вызвало бурю негодования у трудящихся всей страны.

Народный суд приговорил кулака Качуру к высшей мере наказания.

...Давно уже исчезло в Федоровке даже воспоминание о тех временах, когда царили здесь Качура да Ищенко. А светлая память о Федоре Приходько живет и поныне. На могиле Федора Ивановича — в поселке Азовском — сооружен памятник. На доме, где жил селькор, не так давно установлена мемориальная доска. И каждый, кто проходит мимо этого дома, повторяет слова, вычеканенные на доске:

«Вечная слава герою, отдавшему свою жизнь за светлое будущее народа».

В. ХОХЛОВ

Фото К. Матвеенко.

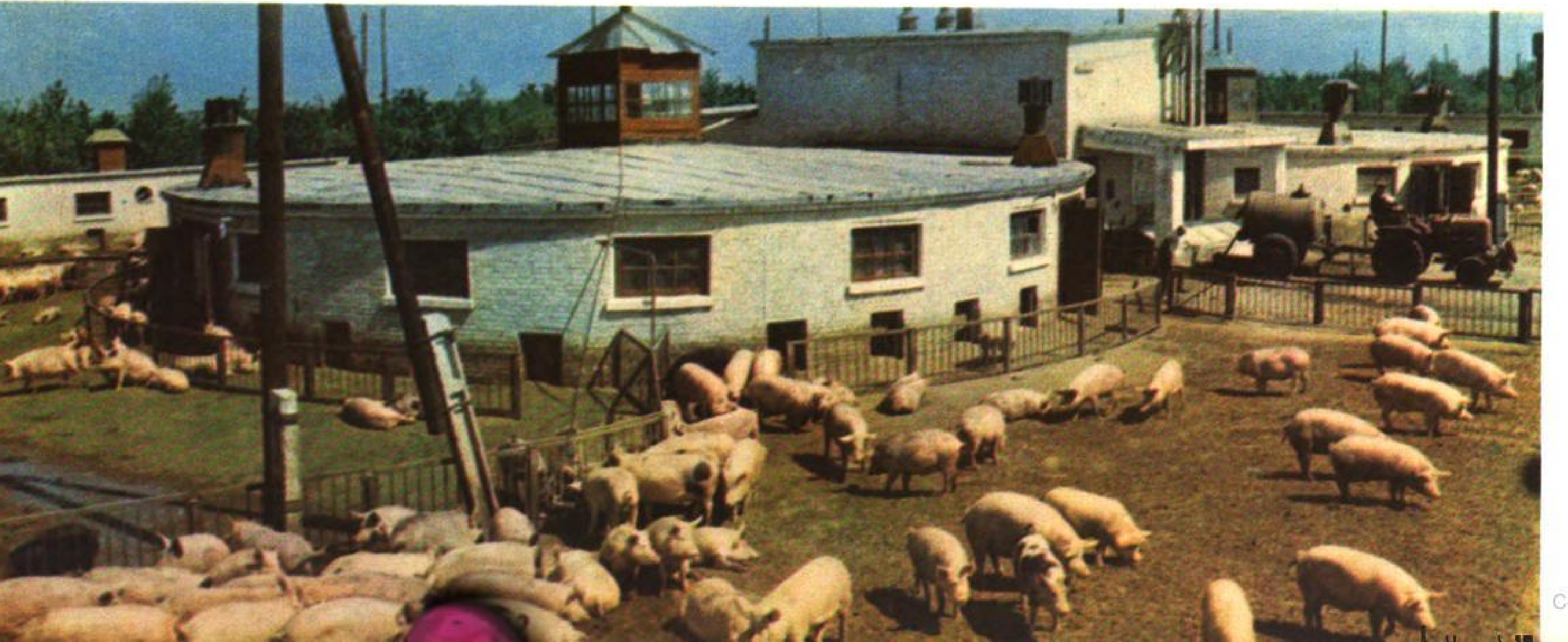
Василий Николаевич Ремесло — автор новых сортов пшеницы, шагнувших с делянок Мироновской опытно-селекционной станции далеко в степь.

Главный хлеб сеют осенью.

Ей всего девятнадцать, Наташе Вашек, но ее звено лучшее в «Перемоге».

Свиньи, откорм... Проза. Но пусть эта проза будет вот такой — с автоматами, конвейером, асфальтом. Как в колхозе имени Жданова. Кагарлыкского района.

ШКОЛА АХУНДОВА

Сто пятьдесят лет назад, 12 июля 1812 года, родился в азербайджанском городке Нухе Мирза-Фатали Ахундов, великий азербайджанский писатель, поэт и прозаик, драматург и публицист, литературный критик и философ, основоположник реализма в азербайджанской и других литературах тюрко- и персоязычных народов, прозванный европейскими востоковедами еще в прошлом веке «восточным Мольером».

Это был деятель больших масштабов, широких интересов, возвышенных идеалов, благородных стремлений; лучше, чем кто бы то ни было из его современников, он выражал чаяния и надежды народов Ближнего и Среднего Востока.

Начав свое литературное творчество с поэзии, молодой Ахундов первым известным нам крупным произведением — восточной поэмой — откликнулся на потрясшую всю передовую Россию трагическую гибель А. С. Пушкина, «главы собора поэтов», того Пушкина, «от которого бумага жаждала потерять свою белизну, лишь бы его перо рисовало черты на лице ее». «Старый садовник-свет пересен его стан безжалостною секирою, как юную ветку своего цветника»,— писал в своей поэме Ахундов, и вот «Русская земля стонет в трауре и скорби: о великая жертва безжалостных убийц!» И, обращаясь к памяти поэта, Ахундов, присвоивший себе псевдоним Сабухи (Утренний), с глубокой сердечной болью писал в последнем двустишии своей прочувствованной, вдохновенной поэмы: «Седовласый старец Кавказ отвечает на песнопения твои стоном в стихах Сабухия».

Поэма, напечатанная тогда же в русском переводе самого автора в мартовской книжке «Московского наблюдателя» за 1837 год, была названа редакцией журнала «прекрасным цветком», брошенным на могилу Пушкина, а автор ее — «замечательным талантом».

В пятидесятых годах прошлого столетия (1850—1856) Ахундов написал свои основные художественные произведения: шесть комедий и замечательную по философской глубине вложенных в нее передовых идей и художественным качествам повесть «Обманутые звезды». Каждая из комедий Ахундова представляет собой яркое художественное полотно, на котором нашли отражение разные стороны жизни азербайджанского народа в первые десятилетия после присоединения Закавказья к России. Со своих просветительских, демократических позиций автор вскрывал недостатки и пороки тогдашнего общества, высмеивая суеверия и предрассудки, обветшалые обычаи и вредные традиции.

Комедии Ахундова совершили подлинный переворот в азербайджанской литературе и, переведенные на русский, персидский, английский, немецкий, французский и другие языки, разнесли славу писателя по всей Европе и по всему Востоку. С ними же связано рождение первого на Ближнем и Среднем Востоке азербайджанского профессионального театра, который развивался в течение десятилетий на комедиях Ахундова, сохранивших всю свою самобытную прелесть, актуальность и силу эстетического воздействия до наших дней. Кроме шести комедий и названной уже повести, Ахундовым создано множество очерков, статей, писем, заметок — философских, художественно-эстетических, литературно-критических, исторических. В них он утверждал свои материалистические взгляды на мир, на природу, отрицая религию, бога, которого называл не иначе как палачом и извергом; в них он высказывал передовые, прогрессивные мысли о литературе и искусстве, об их роли в жизни народа, о письменности, печати, культуре, во многом приближаясь к взглядам русских революционных демократов — Белинского и Чернышевского.

Великий писатель-реалист, передовой мыслитель-материалист, неутомимый общественный деятель и просветитель, Ахундов создал благодатную почву, на которой выросла новая, многожанровая, реалистическая, демократическая азербайджанская художественная литература. Реалистическая школа Ахундова выдвинула и воспитала целую плеяду выдающихся писателей — драматургов, прозаиков, публицистов, критиков — как в Азербайджане, так и во многих странах Ближнего и Среднего Востока.

Огромны заслуги Мирзы-Фатали Ахундова как перед своим народом, так и перед народами всего мусульманского Востока, за чьи права, свободу и счастье он так мужественно, самоотверженно, неутомимо боролся.

Вот за какие заслуги Всемирный Совет Мира решил отметить в октябре месяце этого года стопятидесятилетие со дня рождения великого сына азербайджанского народа Мирзы-Фатали Ахундова во всех странах мира, подчеркнув, таким образом, всемирное, общечеловеческое значение его художественного творчества, его общественной деятельности.

Азиз ШАРИФ

ДОКУМЕНТЫ О КУЙБЫШЕВЕ

В 1907—1909 годах Валериан Владимирович Куйбышев отбывал ссылку в Каинске (теперь город Куйбышев, Новосибирской области). Отец его занимал тогда должность каинского уездного воинского начальника.

Перед нами документ с грифом «доверительно», по Особому делопроизводству Главного штаба, адресованный военному министру В. А. Сухомлинову. В документе сообщается: «...30 апреля сего года по адресу воинского начальника Каинского уезда подполковника Куйбышева была получена из г. Киева посылка в виде деревянного ящика, заключенного в обшивку и содержавшего в себе нелегальные периодические издания «Российской социал-демократической рабочей партии», причем на верхней и нижней крышках самого ящика было помечено «Валериану», каковым лицом оказался родной сын Куйбышева Валериан Куйбышев.

При производстве по этому поводу дознания в порядке 1035 ст. Уст. Угол. Суда, участие названного воинского начальника в деле получения его сыном Валерианом помянутой литературы, осталось не установленным и, по собранным сведениям, подполковник Куйбышев ничем не проявлял своей политической неблагонадежности, тем не менее обнаружение при обыске у сына его Валериана конспиративной переписки партийного характера с членами социал-демократической организации и, в частности, обнаружение одного письма к нему лично, но написанного по адресу отца без всякого указания на передачу сыну, дают некоторое основание полагать, что противоправительственная деятельность сына Валериана не была неизвестна подполковнику Куйбышеву и что пользование его адресом для пересылки нелегальной литературы, быть может, было основано на знании отправителями ее снисходительного отношения подполковника Куйбышева к политической деятельности сына. Надлежит отметить, что все члены семьи воинского начальника Куйбышева, переведенного ныне на ту же должность в г. Тюмень, по своему поведению и сношениям с скомпрометированными в политическом отношении лицами, считались, в большей или меньшей степени, и ранее неблагонадежными, а сын его Анатолий, по приговору суда за принадлежность к социал-демократической партии, уже был приговорен к заключению в крепость на 1½ года...»

В последующей секретной переписке освещается дальнейший ход «дела о В. В. Куйбышеве». В своем донесении командующий Омским военным округом 22 сентября 1909 года в адрес дежурного генерала Главного штаба высказывает убеждение, что «подполковник Куйбышев (отец В. В. Куйбышева) не мог не знать о переписке партийного характера его сына с членами революционной организации и что «названный штаб-офицер не может оставаться на действительной службе...».

Документы, хранящиеся в Центральном государственном военно-историческом архиве СССР, позволяют нам сегодня прочитать еще одну страницу яркой биографии Валериана Владимировича Куйбышева, всю свою жизнь посвятившего борьбе за свободу и счастье народа.

О. НИКИТИНА

ПЕРВАЯ СКРИПКА

Я шел с моим старым другом и тезкой Борисом Стариковым с собрания. Он вдруг остановился перед афишей.

— Смотри-ка,— сказал он.— Ленинград... Оперный театр имени Кирова, бывшая Мариинка... А ведь знаешь, был у меня там знакомый.

— Отдыхали вместе? — наугад спросил я.

— Нет.— Борис на минутку задумался.

И он рассказал мне удивительную историю.

Вот она.

...Поздней осенью 1943 года по дороге двигалась колонна советских военнопленных. Изможденные люди шли шатаясь. То и дело раздавались сухие выстрелы: немцы добивали обессилевших. Борису, который шел в той же колонне, шагалось легче, чем другим: в плен он попал недавно, и у него доставало сил замечать и осмысливать происходящее вокруг.

А вот сосед Бориса — тот совсем обессилел, ступал с трудом, будто у него на ногах были не рваные солдатские ботинки, а свинцовые водолазные калоши, колени у него подгибались... И он бы, конечно, упал, если б ему не помогали все, кто шел рядом. Со всех сторон незаметно поддерживали его — сзади, с боков, а те, кто не мог помочь, подбадривали: «Алексей Николаич, еще немного», «Ну, Алексей Николаич, подбодрись, сейчас придем».

Полуживые люди, которые сами вот-вот могут упасть на раскисшую дорогу и больше уже никогда не подняться, тревожатся о человеке, как будто ничем не примечательном, называют его по имени и отчеству! Почему?.. Впрочем, одним Алексей Николаевич все же отличался от остальных: он бережно прижимал к боку продолговатый черный футляр...

...Заключенные Рогачевского пересыльного лагеря, в котором оказался Борис, медленно умирали от истощения. Не многим счастливчикам удавалось раздобыть у местных жителей что-нибудь съестное или украсть на бойне немного требухи.

Удалось побывать на «воле» — так заключенные называли бойню — и Борису. Перед окончанием работы Борис заметил, что один из его напарников, молодой парень, украдкой набивает карманы требухой.

— Да, для Алексея Николаича,— объяснил он, заметив, что за ним наблюдают.

— А кто этот Алексей Николаевич? — спросил Борис.

— Да ведь это же первая скрипка Мариинки! — И, нагнувшись к Борису, прошептал, оглядываясь:— Хочешь послушать — приходи к нам в барак.

На следующий день Борис разыскал Алексея Николаевича.

Присел рядом. Разговорились. Да, действительно, Алексей Николаевич — ленинградец. Играл в оркестре оперного театра, был первой скрипкой... А дальше — ополчение, тяжелые бои, «котел», плен...

— А что у вас здесь? — кивнул Борис на футляр.

Алексей Николаевич грустно улыбнулся. И молча открыл футляр.

В нем лежала скрипка. Самая настоящая скрипка, сделанная в лагере руками полуживых от лишений людей, почти без инструментов, почти из ничего!

С нежностью, как мать ребенка, держал эту скрипку Алексей Николаевич в руках, покрытых коростой. Глаза его блестели.

...Вечером, когда в бараке слабо замерцала коптилка, раздались звуки музыки. И сразу раздвинулись стены, исчез часовой у дверей, будто и войны не стало, и только музыка, одна музыка, свободная, призывная, заполнила вдруг весь мир. Звучал Чайковский...

Алексей Николаевич весь преобразился. Сухие его пальцы скользили по грифу. А сам он приник к инструменту, будто не отблески коптилки, а яркие огни театральных прожекторов положили свет и тени на его лицо и тишина вокруг вот-вот взорвется восторженными аплодисментами.

Вот музыка смолкла. Тихий вздох прошелестел меж лежащих и сидящих на полу людей. Кто-то из угла робко предложил:

— Может, споем, ребята?

— Что споем?

— «Синий платочек»!

И зазвучала песня, будя далекие-далекие воспоминания.

...Прощаясь, я спросил у Бориса, не помнит ли он фамилию первой скрипки.

— Я ее тогда не знал. Этим тогда никто не интересовался... Два года назад я позвонил в Ленинград, в оперный театр. И мне сказали, что во время войны их первая скрипка Алексей Николаевич Яцко действительно ушел на фронт и не вернулся... А его брат, который и сейчас работает в оперном театре, прислал мне довоенную фотографию Алексея Николаевича.

Б. САХАРОВ

Дорога

П. ПРОСКУРИН

Рассказ

Рисунок С. БРОДСКОГО.

1

У меня скверный характер: не выношу комаров. Я их ненавижу, крохотных, надоедливых кровопийц, и Ефим, подсмеиваясь над моей злостью, добродушно сочувствует:

— Никак нельзя подумать, что ты не из графской семьи. Бедная твоя панская кожа. Ай-яй-яй...

— Молчи,— говорю я.— Ты бревно! Тебе никогда не возвыситься до моих страданий. Я готов полететь на Венеру, на Альфу, даже на Скорпиона, но единственное мое условие... там не должно быть комаров.

Ефим смеется: у него веселые глаза, открытые глаза человека, с доверием идущего по земле. Он меня часто раздражает. И тогда я думаю о его жене, красивой, сероглазой Марийке. Я не могу понять ее восторженной влюбленности в Ефима: иногда он кажется мне размазней, большим глупым ребенком. Нельзя поверить, что у него могут быть враги, и, однако, они у него есть. Один. Наш начальник участка — Павел Григорьевич Нанкин — мужчина решительный и деловой, не выносящий малейшего возражения со стороны подчиненных. Он давно уже воспитывает Ефима: при среднем заработке в сто восемьдесят рублей на нашем участке Ефим четвертый или пятый месяц получает шестьдесят — восемьдесят рублей. Во время получек я вижу в глазах Ефима насмешливые искорки. Он держит в руках несколько десяток и улыбается.

— Тюфря! — говорю я.— Старый башмак! Чему ты радуешься?

Ефиму под сорок, но никто не дает ему больше тридцати. Он сохранил в своем облике много юношеского.

— Деньги — зло, Сенька. Когда ты станешь совершеннолетним, ты поймешь.

Я гляжу на него и не знаю, умный он или дурак, и не могу представить себе, в какие дебри заведет его воспитательная политика Нанкина.

Мне двадцать один, и самое уничижительное для меня — это небрежное «несовершеннолетний»...

Жена Ефима старше меня, и я часто у них обедаю: наша квалифицированная повариха в рабочей столовой невероятно бездарна. После трех-четырех дней питания в столовой мы с большой поспешностью переходим на консервы или околачиваемся у знакомых. Ефим всегда рад мне, Марийка тоже. Они отказываются брать с меня деньги, хотя я и не состою у Нанкина в разряде трудновоспитуемых и получаю в два раза против Ефима. Но всякий раз я приволакиваю Марийке то кусок мяса, то рыбину, то полмешка консервов. Марийка, смущенно одергивая платье на выпуклом животе, качает головой.

— Не возьму, честное слово, не возьму. И как тебе не стыдно!

— Не пропадать же добру,— бурчу я себе под нос.— Раз купил, не выбрасывать же. Подумаешь!

Она вздыхает.

— Ну, ладно, так и быть. В последний раз, Сенька, так и знай.

Я радуюсь ее покладистости, и мне немножко грустно, что у Марийки вконец испорчена талия. Кажется, совсем недавно она была тоненькой, стройной и совсем юной. В душе я завидую Ефиму и злюсь. Но я честен, и если

кто понимает происходящее со мной, так это Марийка. Я часто ловлю на себе ее мягкий, внимательный, чуть прищуренный взгляд. И прищур все портит. Надо знать Марийку, чтобы понять такой взгляд. А я знаю: Марийка относится ко мне, как сестра, немножко как мать; и это не касается Ефима, это как бы негласный наш уговор — мой и Марийкин: мы родом из одного города, мы земляки. Но стоит мне трепыхнуться, как Марийка начинает смотреть вприщур, и все греховное во мне куда-то исчезает. Но я по-прежнему хожу к Ефиму и таскаю все, что могу достать. Однажды я притаскиваю медвежий окорок, и Марийка всю неделю жарит котлеты, варит душистые супы. Они пахнут весенней тайгой: попался медведь-ягодник.

Воспитательная политика Нанкина набирает силу, зима близится к середине. К моему искреннему огорчению, Марийка тяжелеет все больше, а Ефим радуется, как настоящий деревенский дурачок.

2

Идет январь, белый, метелистый. Все тонет в снегу, земля и небо, тайга и поселок. Когда выпадают погожие дни, земля сверкает ослепительной белизной из конца в конец, насколько хватает глаз. На дороги выползают снегоочистители, выходят бригады лесорубов с лопатами, и понемногу, до новой метели, начинают оживать лесосеки. Я гляжу на белоснежные сопки и вслушиваюсь в их немой, холодный зов. Мне становится не по себе. Они зовут в дорогу, по которой никто из людей не ходит, и если я гляжу долго, начинает кружиться голова.

— Бред ненормального,— говорит Ефим, когда я, не удержавшись, пытаюсь поделиться с ним своими неясными впечатлениями.— Просто ты все еще растешь.

Согревая руки, я тяну их к теплу костра и молчу — в такие моменты я с трудом терплю Ефима. Он муж Марийки, счастливец! У меня от одних этих мыслей обрывается сердце.

Теперь я хожу к Ефиму все реже и реже, и тут не моя вина. Я не могу смотреть на расплывающуюся все больше Марийку, она не вызывает во мне прежнего светлого чувства. И потом мне попросту тяжело. Она с каждым днем уходит все дальше, в неведомый мне мир, и я могу только утешаться, что мир этот неведом и для Ефима и от него он отделен загадочной чертой. Через нее не переступить и Ефиму.

Вчера в конторе Нанкин объявляет, что наша бригада освобождается от заготовок и получает новое задание — пробить просеку к дальнему массиву промышленного леса и подготовить место под новый лесоучасток, в шестидесяти километрах от Центрального поселка леспромхоза, у подножий Северных сопок, у черта на куличках. Старый наш бригадир, Прокопыч, освобождается по состоянию здоровья, и бригадиром назначается Ефим Карасев. О новом участке давно поговаривают, но никто не ожидал, что начнут так скоро и начнут с нас.

Ни весной, ни осенью, ни летом нельзя пробиться к Северным сопкам, всю подготовительную работу нужно выполнить зимой, когда замерзает тундра. Мы не спорим, не отказываемся. В самом деле, почему мы должны считать себя лучше других? Ведь идут по необжитой, мерзлой земле строители, приходят в безлюдье, оставляют после себя города и уходят. Нам нужно подготовить все к строительству дороги и вырезать участок тайги под будущий поселок. В планах он называется Жемчужным. Там вокруг огромные запасы ценного промышленного леса и совсем близко сопки.

Но я не понимаю Ефима. Во время разговора вижу, что Нанкин ждет возражения и плотнее усаживается на стуле, по очереди оглядывая нас маленькими, рассерженными глазками. Признак того, что он готовится к спору. Спора не получается. Молчаливо выслушиваем, молча встаем и выходим. По-моему, Нанкин теряется и провожает нас в недоумении.

Мы курим у конторы и расходимся, и никто ни слова не говорит о неожиданном задании. А работа до самой весны, вдали от родных и знакомых, от человеческого жилья. Все нужно обдумать, и мы расходимся молча — все шесть человек.

Ефим выше меня, и я иду следом: Ефим в какой-то мере защищает от острого, колючего ветра. Я прячу руки глубже в карманы, втягиваю голову в воротник. Ветер зол, дорогу переметает, и заросшие снегом окна домов с трудом пропускают свет. Мы отходим от конторы все дальше, и мое возмущение растет.

— Слушай,— говорю я, толкая Ефима в спину.— Почему ты согласился? Ну, мы другое дело — холостежь. Ведь явное безобразие с твоей стороны. И даже хамство. Ты бы мог отказаться, и никто бы тебя не осудил.

Ефим молчит, и его молчание бесит меня. Я хватаю его за плечо, и мы останавливаемся.

— Молчишь? — уничтожающе спрашиваю я.

Ефим смотрит на меня, и я в темноте вижу его дурацкую улыбку.

— Может, зайдешь, поужинаем? — спрашивает наконец он.

Глупее, конечно, ничего нельзя придумать.

— Я ведь серьезно, Ефим.

— И я тоже. В столовой-то сегодня выходной, чем питаешься, святым духом?

Я не склонен шутить: случившееся задевает меня глубже, чем я хочу.

— А Марийка? Ты о ней подумал?

Ефим по привычке затаптывает окурок — его можно было бросить и так, снег не загорится.

— Марийка умнее нас с тобой, она поймет. А что? Ты хотел, чтобы я стал с ним спорить? — Он не называет Нанкина.— Не-ет, такого удовольствия я ему не сделаю. Он ожидал: заикнись я, он бы сразу согласился. В том-то и дело: не хочу. Видел, как он вытаращился? Вот ведь и так он и эдак, а я сильнее.

Я гляжу на Ефима и глотаю слова, никак не подберу подходящих. Наконец выпаливаю:

— Эгоист!

— Не мне же в декрете ходить. Марийке. Тут, брат, природой все предусмотрено. Чего кипятишься?

— О черт! — говорю я.— И почему она только с тобой живет? Убей, не пойму.

— И не надо. Сердце женщины, брат,— старая загадка. Зачем тебе понимать?

Он поворачивается навстречу ветру, и мы опять идем след в след, и я чувствую, что потерпел поражение, хотя прав на все сто.

— Спокойной ночи,— говорю я, останавливаясь против его дома.

— Не зайдешь?

— Нет, поздно. Спать хочу. Будь здоров!

— Бывай.

Ветер падает на поселок откуда-то сверху, сухой, морозный. Поселок ощетинивается дымами над каждой трубой. Они мечутся, выгибаются, рвутся ввысь, в холодное безоблачное небо, где горят холодным огнем далекие звезды.

3

Первую неделю мы возвращаемся ночевать в поселок. Потом нам привозят большую зимнюю палатку, и мы, углубляясь в тайгу, переносим ее с места на место. Раз в десять дней к нам пробирается трелевочный трактор, подвозит бензин, продукты, газеты и письма, чистые смены белья. Мы идем строго по лезиру — пожелтевшим, залитым смолой затесам, сделанным геодезистами прошлой зимой. Сопки медленно приближаются.

В метели отсиживаемся в палатке. В погоду работаем; стрекочат две пилы, и за нами тянется сваленная полоса леса — будущая дорога. Она оживит таежные дебри, и будут рычать машины, и ругаться сердитые шоферы, и никто не вспомнит о нас, первых «землепроходцах». По вечерам в палатке горят свечи, мы сушим и чиним свою одежду, читаем, играем в «шубу». На днях у нас потерялся бубновый король, и мы делаем его из картона, и тот, кому он теперь попадает, сразу прячет его.

Ефим точит пильные цепи — в этом он мастер. Или читает и записывает что-то в толстую тетрадь с клеенчатым переплетом: он заочно учится в лесотехническом институте. Мы над ним подсмеиваемся. Женился он поздно, в тридцать пять лет, учиться решил тоже не раньше. Он не обращает на нас внимания и усиленно изучает сортименты, передовые методы лесозаготовок, знакомится с усовершенствованными машинами и упорно штудирует политэкономию. Иногда мы заглядываем в его книги и, пожав плечами, тут же откладываем. Видеть вокруг тайгу, снега и сопки — и читать о кубометрах, о древесных паразитах, о способах определения сорта древесины...

Наш весельчак Вася Цыганок, курчавый, как негр, рассказывает бесконечные истории о муже и жене, о бюрократе и атомной бомбе и весело скалится на согнувшегося над книгой Ефима. У нас с ним сдержанные отношения, Ефим больше не шутит насчет моей молодости. Он не избегает меня и как бы заново всматривается и оценивает, и меня особенно злит это внимание. Я думаю о Марийке. О себе. О Ефиме. О Нанкине. У Марийки вот-вот появится ребенок. Нанкин требует от Ефима ежедневных сводок о работе, о пройденных метрах, шлет нам бензин, энергичные короткие приказы, напоминает о спутниках и космических кораблях и ругает нас за медлительность.

— Скажи, Ефим,— спрашивает как-то Вася Цыганок,— почему тебя Нанкин ненавидит? Он же неглупый мужик, а ты хороший работяга. Не пьешь, учишься, коммунист первостатейный. И на работе и в быту.

Ефим лениво поднимает голову и отругивается; ему не хочется отвечать. Он ловит на себе мой взгляд, захлопывает «Лесную технику на делянах» и ложится навзничь на нары. Теперь я не вижу лица Ефима, и мне понятен его бесхитростный маневр. Я молчу: между нами все сказано раньше.

Вася Цыганок настойчив, и Ефим подает голос:

— Что Нанкин!.. Мы года три назад приятелями были. Да вот как-то я высказался на его счет. Долго присматривался — не понимает он времени, на старом едет. А на старом ехать больше нельзя. Взять хотя бы нашу работу. Вроде бы неинтересная, тяжелая, да ведь как посмотреть...

Ефим долго говорит о культуре быта лесорубов, о новых поселках, о бережном, хозяйском отношении к тайге. Я слушаю очень внимательно.

— Нанкин ни о чем, кроме плана, не думает,— после него хоть потоп, а на то, что безвозвратно гибнет тайга, ему наплевать. Нельзя же оставлять после себя пустыню. Пробовал я с ним говорить — стена. С тех пор и пошло.— После паузы Ефим негромко продолжает: — Нанкин — сам по себе мелкая сошка. Дело в том, что их, таких, еще много. В них в конечном счете все и упирается.

Я слушаю и стараюсь понять. А над палаткой ветер. Над палаткой шумит ночная тайга и безоблачное холодное небо. Ну, хорошо, всем известно: Нанкин — дубовый тип. Но при чем здесь Марийка? Этого Ефим мне не объясняет, и я не спрашиваю.

4

А сопки все ближе, они проступают, врезываются в небо отчетливее и зримей. От ветров и морозов наши лица темнеют. Мы теперь больше устаем. Даже неунывающий Вася Цыганок по вечерам долго молчит, и все наши разговоры сводятся к предстоящему возвращению в поселок. Неуютное, холостяцкое общежитие кажется нам издали раем. Мы вспоминаем о столовских котлетах, о скрипучих железных кроватях, о подругах, вспоминаем подробно, со вкусом, и все плохое забыто. И только Ефим, вслушиваясь в нашу болтовню, снисходительно улыбается, и мы по очереди обрушиваемся на него за бессердечность.

— Вот черти! — говорит он, виновато почесываясь.— Разве я против? Давайте нажимать, скорее кончим — скорее вернемся. А идти на два дня ни к чему: только раздразнишься.

— Скоро два месяца, как в бане не были. Тоже мне геройство!

— Мы же на той неделе мылись.

— По ведру на брата! Удивил!

Цыганок горячится, оглядывается на остальных. Самый молчаливый из нас Володька Козлов поддерживает Ефима, и мы от неожиданности долго рассматриваем Володьку с его длинной верблюжьей шеей и сутулыми сильными плечами.

— Братцы, Козлов заговорил! — трясет красивой головой Вася Цыганок.— Это что же, рассматривать как подхалимаж? — строго подступает он к невозмутимому Володьке.

Мы хохочем, торопливо доедаем немудрящую кашу из концентратов. Ефим подбрасывает в раскаленную печку дрова.

— Теперь скоро,— говорит он.— От силы еще недельку.

Мы вытягиваемся на нарах, сладко жмуримся от тепла, и палатка затихает. Все уже рассказано, обо всем переговорено. И, кроме того, мы давно знаем друг друга. Это скучно. Володька Козлов спит с полуоткрытым ртом, высвистывая носом похоронные марши. А у Цыганка странная привычка обниматься во сне и прямо в ухо говорить: «Тише, цыпочка, тише». Мы безуспешно пытаемся объяснить себе такое явление природы, и Вася Цыганок, мотая головой, показывает ровные желтоватые зубы.

— Хорошо, рядом со мной не спишь,— подает голос Володька Козлов.— Я во сне пугливый, сразу пришибу. У меня это с детства, когда с печки сонный свалился.

Никто не сомневается в словах Володьки, он один легко ворочает бревно, которое мы с трудом осиливаем втроем. А все мы не слабые парни, и у нас ни у кого нет оснований жаловаться на родителей.

5

Последнюю неделю февраля стоит изумительно солнечная погода. Мы вплотную подходим к сопкам. Теперь они нависают над нашими головами по пояс в мохнатой еловой тайге. Ель — мягкое, податливое дерево, и ее приятно валить, а сваленную ее становится жалко. Но из нее получается первосортная бумага, и тут ничего не поделаешь. Ради этого мы и стараемся вот уже скоро два месяца, и здесь, у подножий сопок, вырастет целлюлозно-бумажный комбинат.

Ночи зимой долгие, я просыпаюсь до рассвета, слушаю тайгу и думаю о Марийке. С одной стороны высвистывает тягучий марш Володька, с другой — Вася Цыганок перебрасывается с боку на бок и сонно выкладывает свои нехитрые тайны. А я думаю. На месте Ефима я бы плюнул на принципиальную борьбу с Нанкиным и остался дома. Я бы просто не смог надолго оставить любимую женщину в таком положении и не считал бы это сентиментальностью. Я ни в чем не хочу неясностей — это, пожалуй, самая мучительная черта моего дурацкого характера. Из-за нее-то меня из института три года назад отчислили: во время приемных экзаменов я вздумал доказать декану неправомерность его пристрастия к многочисленным отпрыскам своих знакомых. И, видимо, я начал не с того конца. В присутствии большой аудитории вступаю с деканом в острую дискуссию, и когда дело принимает неблагоприятный для меня оборот, ухожу с гордо поднятой головой, предоставив декана его совести. К моему удивлению, совесть оказывается понятием растяжимым, а может, она совсем отсутствует у моего ученого противника, но сам я попадаю к лесорубам. Я не жалею, я наращиваю мускулы, овладеваю бензомоторной пилой «Дружба» и начинаю понемногу разбираться в людях. Рассудком я понимаю многое. Даже Ефима. Но простить не могу.

Я думаю о спящих ребятах. Для меня они тот мир, который во что бы то ни стало нужно постичь. Часто они дразнят меня недоучившимся студентом. В их словах я не вижу ничего оскорбительного и не сержусь, и мое молчание их обезоруживает. И в конце концов я думаю вернуться в институт, пусть мне вновь придется сдавать приемные экзамены. Но теперь я буду поступать в лесной. Только моя мама могла выдумать, что я прирожденный историк и что меня ждет на этом поприще всемирное признание. Я бродячая душа, лесник; живой земной мир деревьев куда ближе моему сердцу, чем славянская вязь и пожелтевшие свитки. Я пишу маме часто о тайге, о товарищах, о будущих светлых, зеленых поселках с умными машинами, перерабатывающими даже кору, и догоняющие друг друга мамины «охи» вызывают у меня улыбку.

6

— Сенька,— говорит мне Вася Цыганок,— а ведь скоро домой. Ты чувствуешь?

Я киваю, Цыганок любит изрекать очевидные истины.

Он опирается на вилку и обводит взглядом сваленный участок тайги в пять квадратных гектаров. Сюда весной придут строители.

— А здорово мы работнули! Будет на что гульнуть дома!

Я молчу. Половину денег я отсылаю матери в отместку за ее упреки в непутевости. А теперь пошлю больше — на стиральную машину: не могу спокойно думать о ее изуродованных ревматизмом руках.

Ефим, усевшись на белый срез елового пня, точит пильную цепь. Я вижу его широкую спину. Мне хочется с ним помириться, но я не знаю как. Все-таки Марийка — его жена, не моя, и ему виднее.

Нам остается свалить небольшой участок тайги и просто выровнять площадь. Я выплевываю окурок, натягиваю настывшие рукавицы и наклоняюсь к пиле. Я не успеваю переключить ее: опережает хриплый вопль Володьки Козлова. Я испуганно выпрямляюсь, и вижу падающую громаду ели, и первое время ничего не могу сообразить.

— Ефи-им! — Голос Цыганка раздается неожиданно рядом, у самого уха.— Ефи-им!

Ефим поднимает голову и смотрит на падающую ель, и она падает прямо на него. Он смотрит и сидит, ель ни по какому закону не должна была падать в его сторону, и все мы ошеломлены и не понимаем, что там мог натворить Володька Козлов.

— Беги! — срываюсь я с места и стремительно лечу в снег, сбитый с ног сильным толчком Цыганка.

И в какую-то долю секунды успеваю увидеть метнувшегося в сторону Ефима, и взлетевшее облако снежной пыли, и тяжело закачавшиеся темные лапы рухнувшего дерева. Уши, рот, глаза забивает снег, я вскакиваю на ноги, в бешенстве оглядываюсь на Цыганка. Его нет на старом месте, я слышу непонятный, холодящий звук, и гнев мой мгновенно пропадает.

Стонет Ефим, и я вижу суетящихся у вершины упавшего дерева ребят, бросаюсь к ним, начинаю помогать и потом медленно отворачиваюсь и гляжу на свежий срез, поднимаю голову и вижу повисшее между деревьями неподвижное огромное красное солнце.

— Помоги,— говорит Цыганок, и я помогаю, хотя мне очень страшно это делать.

Мы тяжело, тесно идем к палатке, побросав стрекочущие пилы, они провожают нас, от их стрекота еще тягостнее.

Володька Козлов обводит нас испуганными глазами и, не встречая ни одного взгляда, бестолково кричит:

— Ну, бейте! Бейте!

— Молчи! — звенит Цыганок.— Молчи, дурак!

Мы не смотрим на Володьку, мы не можем смотреть на него, и это не от нас зависит. Мы бестолково хлопочем, делаем все, что умеем и знаем, и нас преследует стрекот брошенных пил. Цыганок выскакивает из палатки, чтобы их выключить.

7

Ефим бредит. У него все больше вспухает грудь и синеет правое плечо, и мы боимся к нему притронуться. При малейшем движении в нем что-то переливается и булькает, он начинает стонать, и его лицо искажается от боли. Мы не знаем, что делать, и только Володька Козлов, ни на кого не глядя, вдруг говорит:

— Я пойду.

Мы поворачиваемся к нему и видим: он одет по-походному: в телогрейке, затянутой ремнем, из-за плеча торчит хохолок мешка.

ПИСАТЕЛИ И КНИГИ

ОТЛИЧНАЯ РУССКАЯ ПРОЗА

С 1932 года, когда в журнале оборонной тематики «Локаф» были напечатаны первые одиннадцать глав романа, критика вновь и вновь возвращается к нему, к его проблематике и художественным особенностям, спорит о его героях как о живых людях.

В этом году журнал «Знамя», наследник старого «Локафа», напечатал четыре новых главы романа. И сейчас в журналах и газетах снова идет разговор о «Капитальном ремонте» — нельзя сказать, что «по второму туру», потому что «тур» этот, вероятно, уже чуть ли не двенадцатый. И опять-таки во всех статьях содержится много разумных и справедливых мыслей. Но, как мне кажется, в них нет достаточно ясного ответа, что же новое для самого художника появилось в этих главах, как отразился в них тридцатилетний опыт народа и страны, сегодняшний день нашего общества и нашей литературы.

В новых главах по-прежнему длится грозный и жаркий июль 1914 года. По-прежнему встает и двойной облик времени, складывающийся в противоборстве прогрессивных и реакционных сил истории. Ведь канун первой мировой войны был ознаменован и высоким подъемом рабочего движения в России и жестокими репрессиями царского правительства. По-прежнему высок публицистический накал романа, отвращение к антинародной и антипатриотической сущности «верхов» буржуазно - помещичьей России, к бюрократической, проржавевшей машине высшего военно-морского командования. В новых главах по-прежнему действуют уже знакомые читателю герои — братья Ливитины — блестящий лейтенант Николай и юный гардемарин Юрий, все время как бы остающаяся «за сценой» невеста Николая — красавица Ирина, различные представители кают-компании линкора «Генералиссимус граф Суворов-Рымникский», а также представители матросской массы и революционеры-подпольщики.

Л. Соболев в речи своей на I съезде советских писателей сказал о том, что книга его рождена ненавистью. Советский патриотизм первых одиннадцати глав романа проявляется прежде всего в испепеляющей ненависти к царскому режиму.

Я думаю, что в новых главах патриотическая тема развернута многообразнее и живее.

Новое осмысление национальных традиций, которым были отмечены годы перед второй мировой войной, и самый опыт Отечественной войны, несомненно, сказались в том более широком звучании темы родины, России, которое появилось в новых главах. Когда читаешь монолог Николая Ливитина об исторических судьбах России, не раз спасавшей Европу, или авторское отступление о роли Балтики в истории русского народа, невольно чувствуешь непосредственную связь новых глав романа с великим и трудным опытом Отечественной войны. Новое — тесно связанное с исторически новыми чертами романа — появилось и в характерах обоих братьев Ливитиных. особенно старшего, Николая. Блестящий лейтенант долгое время смущал души наших критиков. Ведь этот царский офицер, циник и сибарит, явно не вызывал неприязни автора. Почему — это стало так ясно сейчас.

Для штаба и командования царским флотом лейтенант Ливитин, говоря словами Герцена, — «умная ненужность», отсюда и цинизм и пессимизм его — защитная реакция патриота с задатками настоящего флотоводца, чьи попытки служить родине и любимому делу обречены на бесплодие в сложившейся обстановке.

Тоска по подвигу, трагический мотив «безоружности» — вот что скрывается за скептическим хладнокровием Николая Ливитина. Конец войны — тяжкий период его биографии, время личных и общественных разочарований, утраты последних иллюзий.

В новых главах происходит и качественный скачок в формировании характера младшего Ливитина. В начале его по-прежнему шатает между усвоенными с чужого голоса традициями кастового аристократизма и естественным демократизмом славного мальчика из небогатой интеллигентной семьи. И голова его в канун войны полна ребяческих, смешных представлений о героизме. Однако трагическая обстановка

— Куда? — спрашивает Цыганок, и Володька не отвечает.

Ведь все ясно. Он машет рукой, откидывает полог и, низко наклоняясь, вылезает из палатки. Я выхожу вслед.

— Ты спички взял?

Володька хлопает себя по карманам.

— Взял.

— На еще мои.

Он молча берет и стучит лыжами. Пока темно, но скоро должна взойти луна.

— Ждите завтра, к обеду.

Он не прощается, а яростно, необычно сложно матерится. Я возвращаюсь в палатку и подхожу к Ефиму.

Никто не спит, и все при малейшем шорохе поднимают головы и смотрят в одну сторону. Если переговариваются, то шепотом. А я совсем не могу разговаривать. Время от времени я беру мокрую тряпку и смачиваю Ефиму черные, пересохшие губы. Все молчат, только голос Ефима звучит громко. Из его бессвязных слов перед нами возникает жизнь, о которой мы, оказывается, ничего не знали. Ефим вспоминает Урал, станки под открытым небом, примерзавшие к железу пальцы. Он вспоминает Нанкина и вдруг:

— Марийка,— говорит он.— Я знаю, у нас будет дочка. Хочу девочку, пусть... на тебя похожа... Марийка...

Я опять смачиваю тряпку.

— Нет! — кричит Ефим.— Чушь, не хочу...

Он силится оттолкнуть мои руки и стонет.

— Молчи,— говорю я.— Лежи смирно, тебе нельзя.

— Нанкин подлец, Марийка. Ты мне веришь? У подлеца много дорог, у честного только один путь... Ты мне веришь... Марийка?

— Да,— выдавливаю я.— Да. Молчи.

Цыганок срывается с места, выскакивает из палатки, и я слышу хруст снега у него под ногами. Он возвращается через полчаса, долго сморкается и опять лезет на свое место.

Тянется ночь. И к рассвету начинает гудеть тайга, поднимается ветер. Ефим бредит и слабеет, и мы в отчаянии. Голова тяжелеет, я испуганно вскидываю ее, я не могу разрешить себе уснуть. И все же начинаю дремать и тут же вскакиваю. Я слышу голос Ефима, он поет. И я вижу людей вокруг — всю нашу бригаду. Ефим поет: «Горит свечи огарочек...»,— и это уже не похоже на бред. Впервые за много часов он открывает глаза и смотрит прямо на меня. И просит:

— Спирту.

Мы переглядываемся, потом Цыганок подносит чуть ли не полный стакан, еще раз оглядывает всех, осторожно приподнимает Ефиму голову.

— Пей.

Ефим делает несколько глотков и обессиленно откидывается на подушку, и мы в страхе ждем. Он опять открывает глаза, снова останавливается на мне. Он силится улыбнуться, и мне хочется крикнуть: «Не надо!». Он говорит:

— Вы того... если что, ребята, помогите Марийке.

Он говорит всем, но смотрит только на меня, и я впервые замечаю, какие у него глубокие и умные глаза. Мне чудится в них усмешка, и я готов провалиться, только бы не смотреть сейчас в эти нечеловечески умные, понимающие глаза. Они проникают насквозь, они видят все, в чем я не признавался даже себе, и мне мучительно стыдно. Но я не могу отвернуться. Не имею права. Я смотрю и стискиваю зубы, и от напряжения у меня выступают слезы.

— Брось ты, старик,— слышу я голос Васи Цыганка.— Ты еще на земле потопаешь, скоро Володька вернется с врачом. Он с вечера ушел. Ты слышишь?

— Слышу,— отвечает Ефим и закрывает глаза.

У него начинает розоветь лицо, и он больше не бредит. Покачиваясь, выхожу из палатки. На меня обрушивается ветреный рассвет. И рокот трактора.

8

Мы возвращаемся в поселок на другой день голодные, замерзшие и злые. Врач, старик в очках, ничего обнадеживающего не может сказать. Он торопится: Ефима нужно срочно оперировать, и только потом станет все ясно.

Нас не встречают ни приветствиями, ни речами: мы не совершили никакого подвига. Из дверей конторы торопливо выходит Нанкин, он уже знает обо всем.

— Вот несчастье! — говорит он, пряча глаза.— А Марийка-то родила, с неделю уже. Мальчишка.

Мы смотрим на машину, увозящую Ефима, и молчим. Нанкин опять забегает вперед:

— Давай, ребята, в контору. Вам тут премиальные выписаны.

— Уйди, подлец! Неужели не понимаешь?— цедит сквозь зубы Володька Козлов.

— Что? Что? — испуганно вскидывается он, глядит мне в глаза, бледнеет и исчезает.

Мы стоим, все пятеро, и молчим. Мы думаем об одном: кто-то из нас должен решиться пойти к Марийке. И потом я чувствую, что все смотрят на меня. Никто не верит в смерть, но пойти к Марийке придется.

А вдали голубеют сопки. Они теперь дальше, чем вчера, а для меня — рядом. Я пойду и расскажу. Я расскажу обо всем. Я не пожалею себя, я скажу многое.

Я киваю Цыганку, Володьке, остальным и задерживаю взгляд на сопках. Что бы там ни было, но к ним пролегла наша дорога.

на флоте и в стране, раскрывшаяся для Юрия в разговорах с братом, а также тревога за старшего, любимого брата, переживающего тяжкий кризис,— все это, постепенно накапливаясь, меняет весь строй мыслей, чувств, поступков младшего Ливитина. «Очевидно, он повзрослел враз, как враз, внезапно лопается почка, выбрасывая из себя лист». Тревога и раздумье — под этим знаком вступают в войну все герои романа.

Изображая ее канун, автор прежде всего ищет в нем зерно будущего — предвестие того общенационального кризиса, который назреет в 1917 году.

Новые главы романа насыщены не менее острой публицистичностью, чем те, которые увидели свет в 1932 году Но изобразительная сила художника сейчас неизмеримо возросла, люди и вещи нарисованы сейчас с такой пластической достоверностью, что их, кажется, можно руками потрогать. Новые главы «Капитального ремонта» — это отличная русская проза, и это отнюдь не последнее их достоинство.

Евгения КНИПОВИЧ

РЕПОРТАЖ О СЕГОДНЯШНЕМ МИРЕ

У книги «Когда шатаются небоскребы» очень точный подзаголовок — «Политический репортаж». Автор ее, известный советский журналист, обозреватель газеты «Правда» Виктор Маевский, ведет этот репортаж умело, интересно, страстно.

С первых страниц книги читатель отправляется в путешествие. Он то становится участником конференции, организованной в Англии ассоциацией «Великобритания — СССР», то следит на экране американского телевизора за встречей возвратившегося из полета космонавта Аллана Шеппарда, то присутствует на беседе советских журналистов с президентом США, то наблюдает за ходом конференции нейтралистских государств в Белграде.

Автор рассказывает читателю о тех событиях, свидетелем которых он был сам. Но не только о них. Потому что рассказ о виденном превращается у автора в рассказ о главном, что происходит сейчас в мире,— о борьбе сил мира и войны.

Заголовком для книги послужили слова американского коллеги автора. «Мне кажется, что небоскребы шатаются,— сказал он советским журналистам.— От ваших спутников».

Но вместе со страхом официальной Америки растет интерес простых американцев, народов всего мира к успехам Советского Союза. И это еще больше озлобляет врагов мира. «Их одолевает страх перед великими успехами социализма. А страх — плохой советник. Он может довести до безумства»,— говорит автор. И своей книгой он присоединяется к словам Юлиуса Фучика, которые он приводит в предисловии: «Люди, будьте бдительны!».

А. СЕРБИН

В. Маевский. Когда шатаются небоскребы. Госполитиздат. 1962.

Дунайские порты

Раду БОУРЯНУ

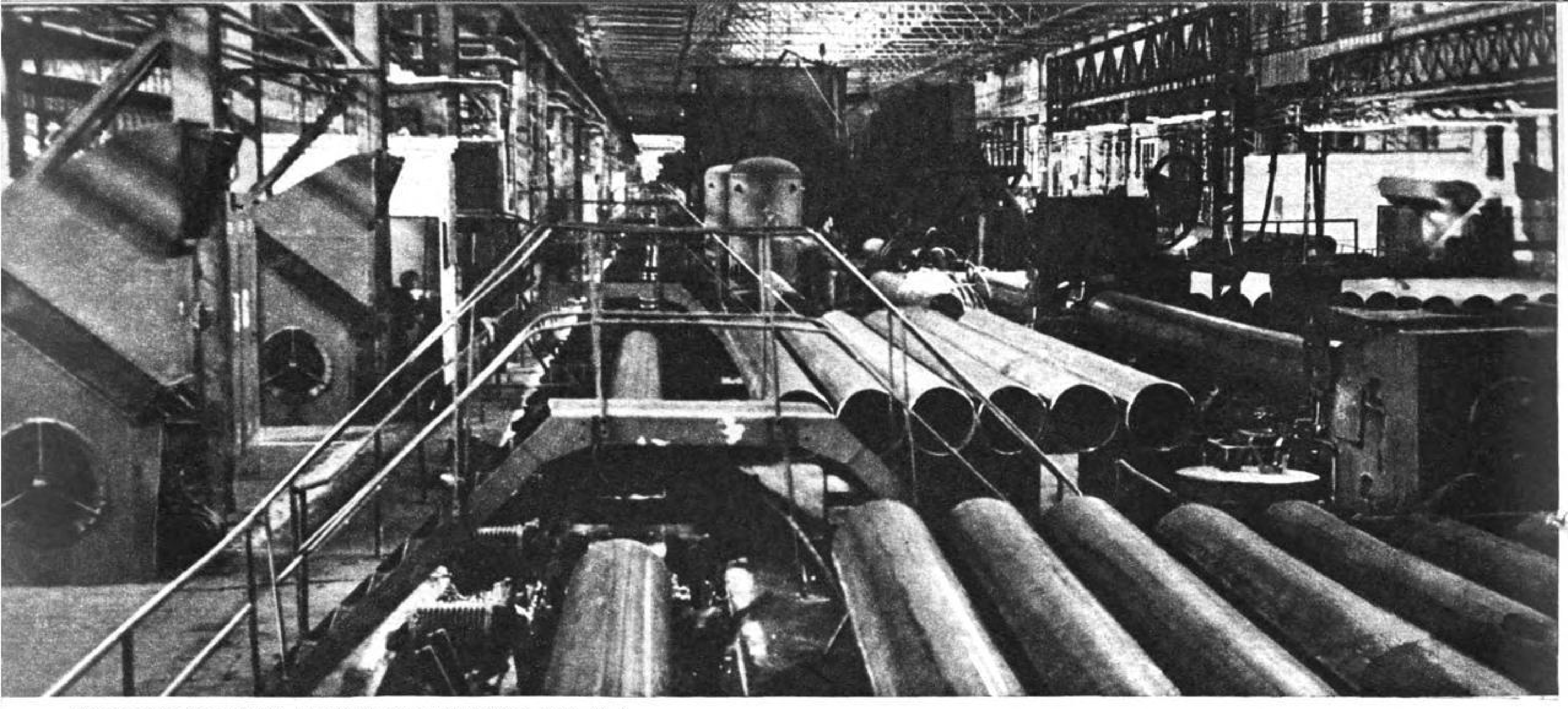
Не знаю и сам, почему вспоминаю о хмурых,
Ушедших в преданье картинах турецкого рабства,
О том, как все соки народа сосало боярство...
Я видел причалы на редких старинных гравюрах:
Тяжелые пушки стояли на страже портов,
И мачты качались в симфонии ветра и моря.
И мачты казались густой вереницей крестов
Над беспрерывной процессией горя...

Года пронеслись, и на пристанях наших сегодня
Нет больше согбенных мешками, угрюмых
Людей, друг за другом бегущих по сходням,
Ныряющих в черные трюмы.
Нет грузчиков смерти в портах на Дунае:
Браильцев, работающих из-под кнута,
Галацких парней, что, однажды восстав,
Посмели потребовать у хозяев
Всего лишь клочок голубого неба
Да корку сухого, как сумерки, серого хлеба...

Порой мне напомнит случайный пустяк
О прошлом печальном, ушедшем в преданье,
О ноющих мышцах, гудящих костях
Людей, перенесших здесь тонны страданья.
Пройдет перед взором цепочка усталых
Рабочих с горбами мешков на спине,
Проживших весь век в униженьях, на дне,
Гроши добывавших мýкой Тантала...

Они революцией отомщены,
Низвергнувшей в бездну тельцá золотого.
Командуют кранами люди толково,
Уверенно глядя вокруг с вышины.
И кран с кораблем обходительно дружен
И ношу несет, отражаясь в реке,
С изяществом женщины, в тонкой руке
Держащей пакет легких, пенистых кружев...
А ночью у пристаней наших и молов,
Что были когда-то мрачны, как погост,
Колышутся волны с напевом веселым,
С напевом любви.
Это вальс волн и звезд.

Перевел с румынского Павел Железнов.

Автоматическая линия сварки и отделки труб в цехе № 6.

Вальцовщик прокатного стана Василий Шагин (слева).

Одна за другой проходят трубы через ловкие руки лучшей резчицы завода Варвары Филипповой.

ЛЮДИ И ЧУВСТВА

Двое любят друг друга и хотят соединить свою жизнь, но у одного из них семья. Какой же выход? Извечный и, вероятно, никогда не разрешимый вопрос... Любовь вроде бы оправдывает все. Да, но любовь можно преодолеть, а как тяжело причинять другому боль! В особенности, если этот другой — такая хрупкая, так беззаветно преданная своему мужу жена, как Лида из романа Дагнии Зигмонте «Морские ворота». Каждый по-своему решает, как тут быть, и, само собой разумеется, что единого рецепта и правила поведения людей в этих обстоятельствах нет. Ибо хоть и кажется, что такого рода ситуации все одинаковы, на деле они совершенно различны и не схожи между собой.

Дагния Зигмонте. Дети и деревья тянутся к солнцу. Роман. Морские ворота. Роман. Авторизованный перевод с латышского М. Шноре. Изд. «Советский писатель». 1962. 536 стр.

Находит выход и героиня «Морских ворот», младшая дочь капитана Дзиесмы, учительница Эва: она отрекается от своей любви. И тот, кому она отдала сердце, диспетчер Иорен Акменькалн, покоряется ее решению. Во имя покоя болезненной, прошедшей по дорогам войны жены Иорена — Лиды и маленькой дочери Иры. Эва и Иорен — сильные люди.

В древнем городе Вентспилсе, где дуют морские ветры, живут люди мужественные, волевые, а семья Дзиесмы сильнее других. Честность, долг, безупречное имя и чистая совесть для нее превыше всего. С гордостью автор выводит на сцену своих героев, честных, справедливых, владеющих собой: Ансиса Дзиесму, его жену Кристину, старшую дочь, Айну, брак которой с капитаном катера Эдгаром так прочен, так образцов!.. В этой безупречной семье один лишь изъян — это Эва с ее смятенными чувствами. Так представляется читателю в начале романа. Но, странное дело, с каждой новой страницей все явственнее видишь, сколько черствости, бездушия в этом самообладании героев, в их безукоризненном поведении. Оказывается, старики Дзиесмы изгнали из дома своего любимого сына Кристапа за то, что он оступился, и за то, что живет в незаконном браке. А «ужасно уверенная в своей правоте» Айна, для которой главное в человеке, чтобы он соответствовал ее принципам, превращает жизнь мужа, Эдгара, в цепь унижений, терзает его. И так ли уж самоотверженна и добра убившая свою первую любовь Эва? Не оттого ли она это сделала, что ею владела мечта о жизни, которая «лежала бы перед глазами всех, как белый льняной холст», чтобы люди видели лишь одно: нет на нем пятен.

Нет, жизнь сложнее, богаче, жизнь не догма, человек многогранен, не однозначен, его разум властвует над чувствами, но в какой-то момент они могут одержать верх, на то он и человек. Жизнь движется, меняются обстоятельства, люди духовно растут, обогащаются, глубже познают других и себя, что тут дурного, если сегодня ты сказал «нет», а пройдут годы, и ты скажешь «да»? Разве нужно быть верным своему слову только потому, что ты его сам когда-то произнес? И человечен совсем не тот, кто с высоты своей непогрешимости сурово судит падшего и наказывает его, а тот, кто умеет понять и помогает подняться. Вот к какому заключению приходишь, прочитав до конца роман Дагнии Зигмонте, которая так тонко развенчивает ею же самой выставленный идеал. Порой кажется, будто это происходит помимо воли автора, вопреки его намерениям. Но это только кажется. Не случайно ведь Кристина и Ансис все чаще раскаиваются в своей жестокости к сыну, все сильнее тоскуют по нему и в конце концов согласны примириться с ним. И не без ведома же автора все суровее звучат слова матери об Айне: «Будто ты из дерева», «Ты же не человек!», «Она как бревно». Кристина не выдерживает, она с ужасом смотрит на дочь: «Мне жалко твоего Эдгара! Жалко, что живому сердцу приходится жить рядом с ледышкой!»

Но дело не только в Айне, которая в конце романа, изведав горе, плачет, как самый обыкновенный, немного слабый, но живой человек. И не в словах писательницы: «Несчастный человек, которому приходится много плакать; еще несчастливее тот, у которого ничто не вызывает слез». В каких-то едва уловимых деталях чувствуется, что и Эва, которая обрекла себя и любимого на страдания во имя долга, писательнице мало симпатична. А что, если от душевной бедности, а не от богатства оказалась Эва сильнее своего чувства?

Думается, что по-настоящему близок сердцу писательницы увлекающийся и

РЕШИЛИ — ДЕЛАЕМ

ЧЕЛЯБИНСК ПРОСЫПАЕТСЯ РАНО. Уже в семь часов городской транспорт заполнен пассажирами. Люди спешат к станкам, к мартенам, в лаборатории, институты, спешат и на трубопрокатный завод, который в этом году будет отмечать свой юбилей.

Этот завод в Челябинске начали строить на втором году войны, в октябре 1942 года. Рабочие возводили цеха в лютый мороз, под пронизывающим северным ветром.

И вот прошло двадцать лет. Цех № 1 — первенец завода — теперь не так-то легко найти среди многочисленных корпусов гигантского предприятия. Раньше тут изготовляли лишь 12-дюймовые цельнокатаные трубы, а сейчас выпускают трубы четырех видов.

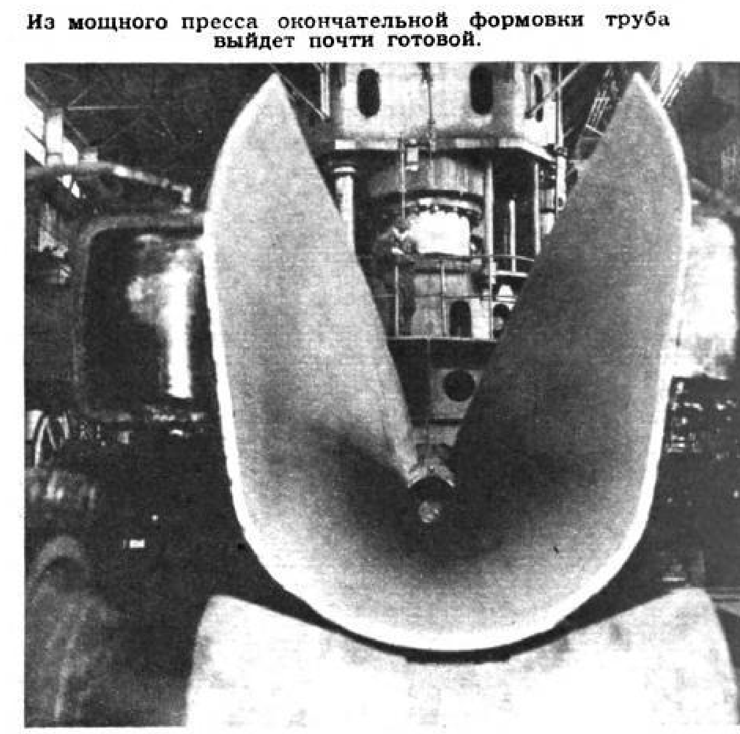
Все чаще труд людей выполняют автоматы. На сотни метров протянулась автоматическая линия сварки и отделки труб в цехе № 6. И так на каждом участке. Современная техника помогает трубопрокатчикам добиваться высоких показателей. За восемь месяцев челябинцы дали стране тысячи тонн труб и стали сверх плана.

В ознаменование 45-й годовщины Великого Октября рабочие и инженеры завода решили в этом году дать дополнительно 18 800 тонн труб и 3 300 тонн стали.

Год тому назад исторический XXII съезд КПСС принял новую Программу партии. В Программе есть такие строки: «...необходимо поднять производительность труда в промышленности в течение 10 лет более чем в два раза». Челябинские трубопрокатчики своими делами претворяют в жизнь великую Программу.

Фото М. Начинкина.

Из мощного пресса окончательной формовки труба выйдет почти готовой.

вовсе не идеально волевой (хотя и упорный, выносливый) молодой рыбак Виранауда. Он ошибается, он не всегда умеет себя вести. Ну и что с того? Все равно Виранауда, который не умеет «управлять жизнью», но самоотверженно предан работе и людям, именно Виранауда — настоящий человек. Потому что и слабости и подвиги его — от души, от сердца, от непосредственности чувств...

Дагния Зигмонте знает, как сложны человеческие чувства, это видно и в другом ее романе, напечатанном в той же книге: «Дети и деревья тянутся к солнцу»,— в центре которого формирование душевного строя, мировоззрения тоненькой, послушной девочки Илги. С глубокой психологической наблюдательностью Зигмонте раскрывает сомнения и терзания девочки, в сердце которой исподволь созревало решение отречься от любимой матери, жалкой обывательницы, связавшей свою жизнь с немецким офицером из оккупационных войск. Мать бежала вместе со своим другом в Германию, но Илга отказалась ехать с ней. 14-летняя девочка осталась в Советской Латвии по велению своего сердца.

Дагния Зигмонте пишет скупо, ее герои немногословны. Оба романа полны выразительных, почти физически ощутимых деталей. В реалистическое повествование то и дело врываются отступления, которые звучат символически: «Дети и деревья тянутся навстречу утру, заре и восходу солнца», «Ничто не остается неизменным; растут деревья, растут дети». А в «Морских воротах» море выступает почти как действующее лицо. Обращение автора к морю, к тихой, спокойной реке Венте тоже звучит как символ. Зигмонте пишет, как огромны волны в морских воротах, как беснуется, как кипит там вода и как пугается Вента. «Что же ей делать; с испугом повернуть назад? Только потому, что она ничтожна по сравнению с морем? Нет, кто хоть раз увидел эти дали, тот никогда не вернется в старое, узкое русло. Настало время и Венте принять судьбу моря». Разве не о большой и бурной жизни, полной страстей, борьбы, страданий и тревог, говорит автор? И не о том ли, что люди, хоть раз познавшие силу любви, никогда не найдут удовлетворения в искусственно созданном, тихом и спокойном мирке?

Ольга ГРУДЦОВА

ПИСАТЕЛИ И КНИГИ

БУДУЩИМ ПОКОРИТЕЛЯМ ОКЕАНА

Ребята больше всего любят точное слово, конкретное описание. Они уважают старших, которые много видели, умеют мастерски делать свое дело и обращаются с мальчишками, как со взрослыми. Очевидно, поэтому книги Сергея Жемайтиса, адресованные школьникам пятых-шестых классов, сразу находят своего читателя. Повесть «Ребята с Голубиной пади» выдержала уже три издания. «Теплое течение», «Журавлиная дорога», «Приключение Алеши Перца в стране Гомункулусов» — эти книги С. Жемайтиса, выпущенные Детгизом, известны юному читателю.

Сейчас в издательстве «Молодая гвардия» вышел новый сборник Жемайтиса, «Поющие камни», включающий повесть того же названия и несколько рассказов писателя. И опять Жемайтис пишет о Дальнем Востоке, о Советском Приморье, прочно обжитом нашими людьми. Автор родился и вырос в дальневосточном крае, он отлично знает его природу: зверей, рыб, птиц, он знает, как дышит океан, как надвигается цунами или тайфун, как трудятся в тех суровых местах советские люди. Автор в свое время работал там трактористом, ходил матросом на океанском корабле, служил в Военно-Морском Флоте. Вот почему повести и рассказы Жемайтиса достоверны в описаниях и деталях.

И еще одно важное достоинство «Поющих камней»: они по-настоящему занимательны, полны различных приключений, серьезных и забавных, случившихся с двумя друзьями на Острове Морских львов,— с Костей и Троней. Находчивость, смелость, трудолюбие вырабатывает океан в этих мальчишках, и в конце повести они уже с успехом противостоят слепым стихиям природы. Вместе со старшими — рыбаками, синоптиками, океанологами — Костя и Троня познают тайны океана, чтобы использовать все его неисчислимые богатства. «Сколько сейчас народу с морем и ветром борется! — говорит старый смотритель маяка Степан Харитонович.— На то и человек, чтобы бороться!.. Будешь всегда человеческую гордость иметь, силой своей управлять будешь — и все одолеешь!»

Как во всякой морской повести для детей, в «Поющих камнях» есть и поиски затонувшего корабля, и розыски клада, и выслеживание мнимых шпионов, которые на самом деле оказываются милой супружеской парой...

Но главное для Сергея Жемайтиса — интересно рассказать о Советском Приморье, чтобы тысячи мальчишек и девчонок полюбили этот романтический край и в будущем стали его покорителями.

В. АННЕНКОВ

Сергей Жемайтис. Поющие камни. Повесть и рассказы. Изд-во «Молодая гвардия». 1962. 200 стр.

Степан ЩИПАЧЕВ

В пустыне

Местами земля
На обожженную глину похожа,
До каменной твердости
За миллионы лет запеклась,
Геологоразведчиками
До конца не исхожена.
Тут ветер горячий
Да солнца немилосердная
власть.

Оно добела
Расплавляется в смутном небе.
Каленый песок
Заметает верблюжьи следы.
Тут столько веков
Молили глаза не о хлебе —
Тут жизнь отнимали порой
За глоток воды.

Пустыня молчит,
Раскаленной жаровнею пышет.
Недвижны барханы,
Как вечности сонный прибой.
Все выжжено, мёртво...
И вдруг — очертания вышек
И рядом совсем
Полоса воды голубой.

В нее запрокинулось небо,
И солнце стру́ями играет,
И песня о ней
На запекшихся от зноя устах.
Вот это и будет
Предвестником здешнего рая,
Но только не в райских,
А в наших земных садах.

Июль

Был мягок июнь перед зноем
июля.
Но время пришло — так у всех
бывает,—
И вас, дорогая, давно не Юлей,
А Юлией Павловной называют.

Так вот оно, лето, его середина!
Пусть в звездных ночах соловьи
замолчали,
Еще в волосах паутинок-сединок
Вы, в зеркало глядя, не замечали.

Июль. Он горяч. Он ночами
душен,
Он в грозах проходит, в глухих
зарницах.
И часто бывает, прохлада
подушек
Лица не остудит: такое
приснится!
Вы долго работою жизнь
торопили.
Кого-то любили
и недолюбили...

* * *

Недолгие были дни.
Любили, встречались, мечтали,
А глянули после — одни
Воспоминанья остались.

Годов удлиняется хвост,
И мы уж немножко устали.
Как свет от погасших звезд,
Воспоминанья остались.

* * *

Жестковат ее бровей излом,
Но глаза нисколько не сердиты.
Рыжие — тугим узлом,—
Словно в бронзу, волосы
отлиты.

Где-то кружит и его тропа.
Он придет (недалеко до
встречи!)
Этот узел растрепать,
Расплескать на плечи.

Я верить хочу

Земля, что для счастья была
создана,
Вся в шрамах окопов,
в могильных холмах.
Спасенье ее не в церковных
псалмах,
Церковных псалмов не боится
война.
Надежда Земли (пусть ей всякое
врут) —
Борьба и суровая правда идей.
Окончив свой путь, неспокойно
умрут
Еще миллионы людей.
Но время придет — не пройдет
стороной:
Навеки покончено будет
с войной.
И станет Земля всем народам
родной,
Всех звезд, что достигнуты будут,
родней.
Не гасни, надежда. Лишь ей
одной
Я верить хочу до последних
дней.

В. В. Верещагин с семьей в своей мастерской в Москве.

«Я... хотел писать солнце»

Исполняется 120 лет со дня рождения знаменитого русского художника Василия Васильевича Верещагина. Его произведения, его борьба против «зверя войны» всколыхнули совесть миллионов людей на всем земном шаре. Но, вербуя сторонников мира, картины Верещагина, разоблачавшие агрессоров, увеличивали и стан его врагов. Придворные льстецы находили недостаточно «патриотичными» выстраданные, написанные кровью произведения художника. А Верещагин был одним из самых мужественных художников-патриотов; свою любовь к родине он засвидетельствовал не только картинами, но ранами на фронтах войны и даже своею смертью в бою под Порт-Артуром на борту флагманского броненосца «Петропавловск». После смерти художника эстеты объявили живопись Верещагина «не искусством».

Теперь наследие Верещагина высоко оценено во всем мире. Даже самый эстетный из его хулителей, художник и историк искусства А. Н. Бенуа, в своих мемуарах, написанных уже за рубежом, признает свою неправоту. Творчество В. В. Верещагина широко, всенародно признано.

Когда советские люди вспоминают вместе со своими болгарскими братьями о войне 1877—1878 годов, они воскрешают в памяти картины Верещагина. Когда мы обращаемся к священной памяти 1812 года, перед глазами снова возникают образы, созданные им.

На наших вкладках показаны малоизвестные картины Верещагина, работы, казалось бы, не самой первой значимости. Но они раскрывают широту творческого диапазона художника и помогают нам шире и глубже увидеть мир.

Три из напечатанных у нас работ Верещагина относятся к так называемому среднеазиатскому циклу его произведений, созданному в 1867—1872 годах по впечатлениям от двух поездок. Загадочный край привлекал художника не только экзотикой и поразительными памятниками архитектуры.

Большая картина «Двери Тимура» воспроизводит образы средневековья: охраняемый двумя стражами вход дворца Тимура, Тамерлана, «железного хромца», знаменитого своей жестокостью завоевателя XIV века. Сложнейший резной орнамент дверей; тяжелые ткани халатов воинов, оружие — луки, стрелы, сабли, копья с крашеными конскими хвостами, щиты — все это передано художником материально ощутимо до иллюзорности. Загадочная неподвижность стражей создает впечатление жуткой и темной силы, бессмысленной и тупой, слепой и покорной. Художник сумел, не прибегая к сюжетному рассказу, раскрыть самый дух средневекового деспотизма. На первых же выставках этот шедевр верещагинского искусства был высоко оценен вождями русского живописного реализма — В. В. Стасовым и И. Н. Крамским.

Другие две воспроизводимые работы среднеазиатского цикла, «Кибитки» и «Дети солонов»,— это этюды.

В «Киргизских кибитках на реке Чу» чудесно сочетаются цвета кошмы юрты и степной травы с фигурками всадников и красочной симфонией горной цепи. С теплым сочувствием изображает художник хрупкие фигурки «Детей племени солонов» — прекрасного края, зверски опустошавшегося тогда разбойными набегами шаек кульджинско-таранчинского султана.

Как известно, после путешествий в Турнестан и выставок созданных там работ Верещагин в 1874 году отправился в Индию. «Мавзолей Тадж-Махал» (известно несколько вариантов этой темы) — шедевр индийской архитектуры, воздвигнутый в середине XVII века феодалом Шах Джеханом в Агре в память любимой жены Мумтаз Махал. Особенность этой картины — сочетание воздушности озаренного солнцем пейзажа со скульптурной четкостью архитектуры.

При первых же известиях о войне на Балканах за освобождение братского болгарского народа Верещагин устремился на фронт, верный идее дать обществу картины настоящей, неподдельной войны. Этюд «Пикет на Дунае» относится к началу войны, когда русская армия только собиралась форсировать Дунай. Вскоре Верещагин был ранен. А большинство сделанных им этюдов утеряно из-за халатности тех, кому он доверил отправить свои произведения на родину.

Этюд «Зырянин» создан в начале 1890-х годов. К этому времени относится небольшая книжка Верещагина «Иллюстрированные автобиографии нескольких незамечательных русских людей». Хитроватое лицо зырянина, едва заметная улыбка, морщины на щеках, глаза, смотрящие мимо зрителя, создают представление о скрытном человеке, вынужденном жить всегда настороже.

Осенью 1903 года, незадолго до начала русско-японской войны, Верещагин поехал в Японию.

В серии японских работ художник выступает как живописец, увлеченный задачами колорита, световыми созвучиями, которые порою сверкают, как драгоценные камни. В беседе с одним норвежским корреспондентом (Хр. Крогом) Верещагин сказал: «Я всю свою жизнь горячо любил солнце и хотел писать солнце; и после того, как пришлось изведать войну и сказать о ней свое слово, я обрадовался, что могу посвятить себя солнцу, но я был еще молод тогда... Теперь и борода моя поседела и волосы поредели, а я все еще не покончил с войной: призрак войны все еще заставляет меня изображать войну, и если мне хочется писать солнце, то я должен красть время у самого себя, как это делает школьник, когда его тянет на волю, к природе. Но фурия войны снова и снова преследует меня».

Василий Васильевич был большим художником-гражданином. Долг перед человечеством он ставил превыше всего, и поэтому всю огромную силу своего духа направил на борьбу против войны.

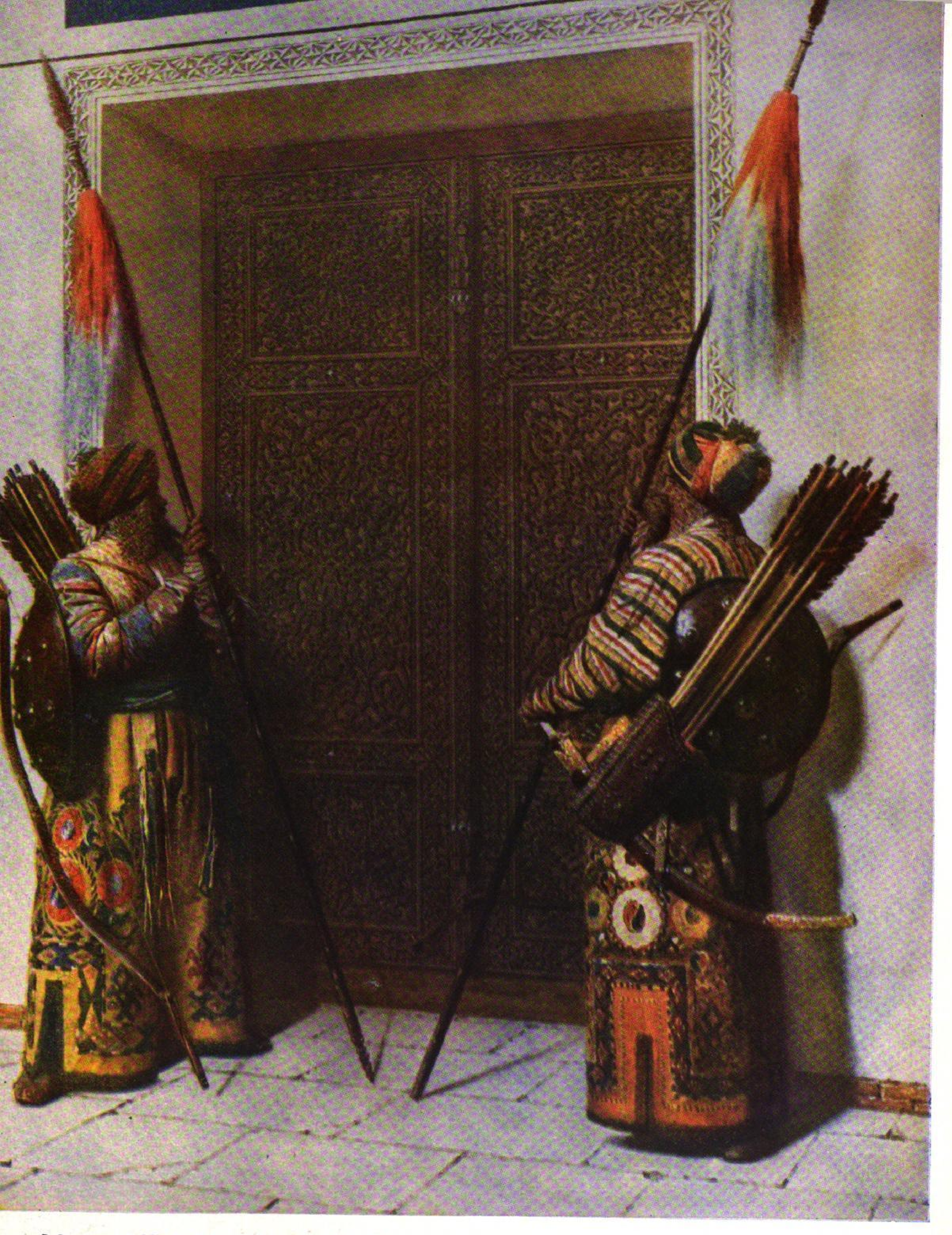
А. ТИХОМИРОВ

В. Верещагин. ПИКЕТ НА ДУНАЕ. 1878—1879 гг.

Киевский Государственный музей русского искусства.

КИРГИЗСКИЕ КИБИТКИ НА РЕКЕ ЧУ. 1869—1870.

Государственная Третьяковская галерея.

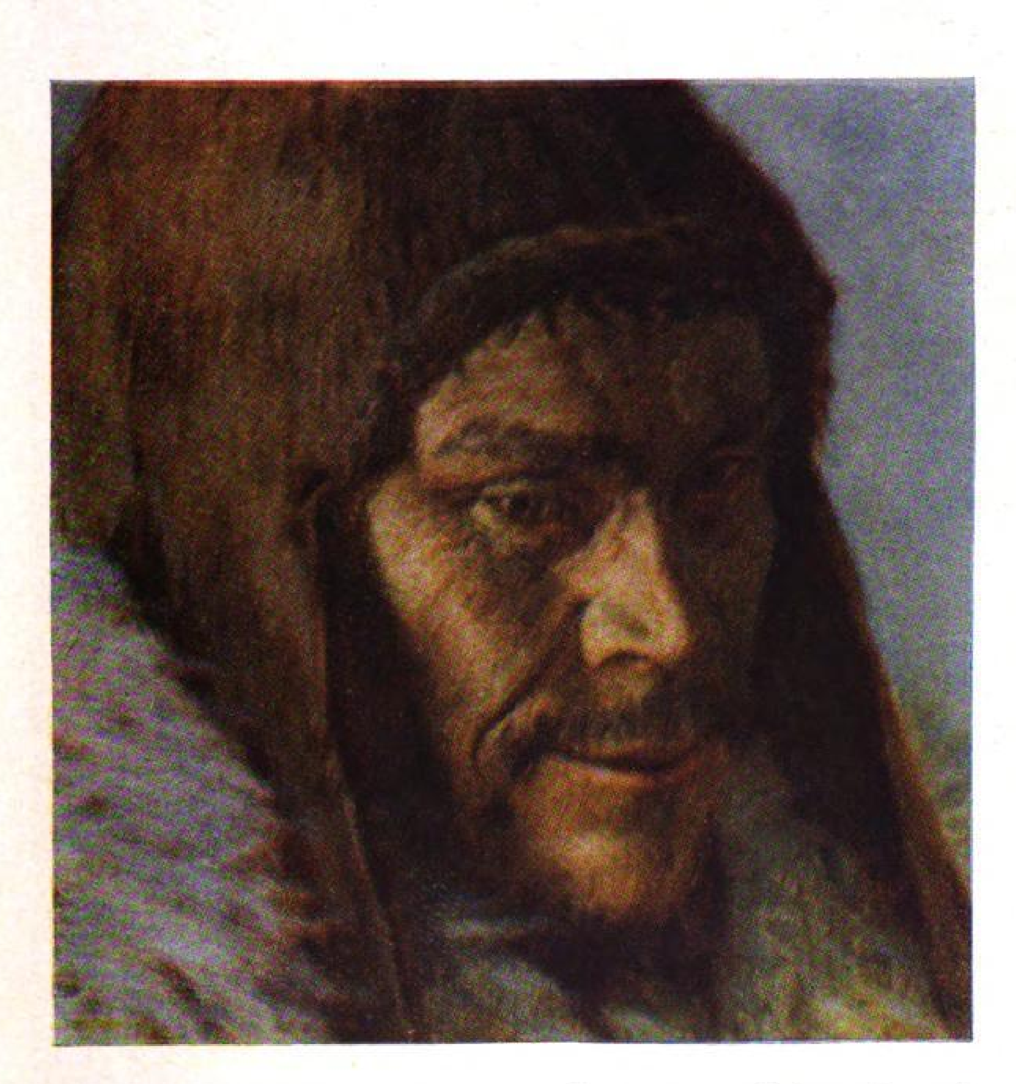

В. Верещагин. ДВЕРИ ТИМУРА (ТАМЕРЛАНА). 1872—1873

Государственная Третьяковская галерея.

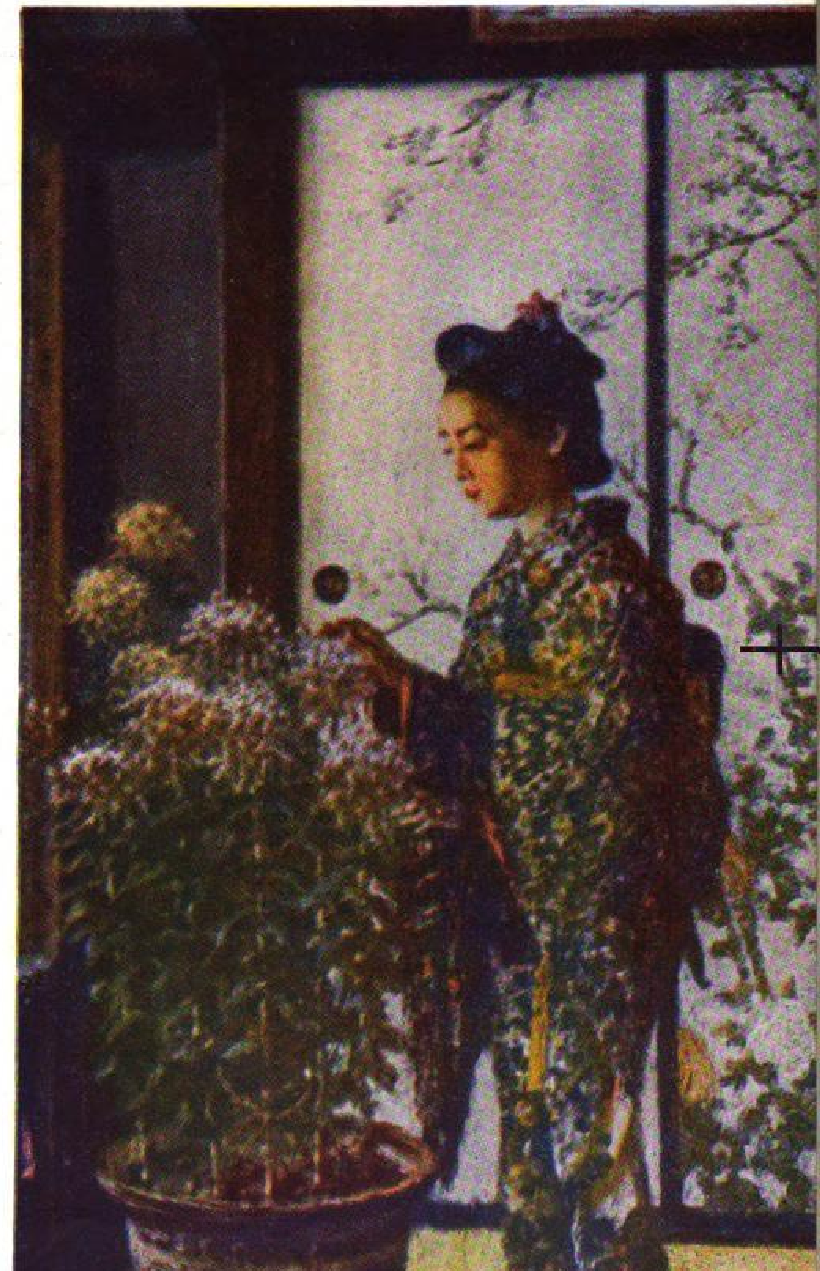
В. Верещагин. МАВЗОЛЕЙ ТАДЖ-МАХАЛ.

Частное собрание.

ЗЫРЯНИН (фрагмент). 1893—1894.

Государственный Русский музей.

ЯПОНКА.

Севастопольская картинная галерея.

В. Верещагин. ДЕТИ ПЛЕМЕНИ СОЛОНСВ. 1869—1870. **Государственная Третьяковская галерея.**

Записки озабоченного человека

В. ПРИВАЛЬСКИЙ

Говорят, пришла беда — отворяй ворота. А тут не то, чтобы беда, а просто сразу куча забот навалилась. Во-первых, необходимо отремонтировать комнату: с потолка валится штукатурка, стены потускнели, а кое-где явно кирпича просят. Во-вторых, мальчишки, эти извечные враги стекол, забили-таки гол в мое окно. В-третьих, ковер давно нуждается в чистке. В-четвертых, пора наконец привести в порядок кое-какую одежду. Есть еще и в-пятых, и в-шестых, и в-седьмых... Одним словом, забот полон рот. Что делать?

Есть, оказывается, ответ на этот наболевший вопрос. Нашлись, оказывается, добрые люди, и я с удовольствием называю их имена: А. Д. Березин и А. П. Ковалев. Первый — автор, второй — редактор рекламно-информационного справочника «Вам доставят на дом...».

Начнем с того, что этот альбомчик приятно взять в руки, так красиво, с таким вкусом он оформлен в издательстве Министерства коммунального хозяйства РСФСР. Открываю первую страницу и читаю: «В наш быт прочно вошло слово «сервис» — обслуживание... Оказывается, многое из того, что нам нужно, могут доставить на дом. Это и есть сервис! Советский сервис — благородный, не предпринимательский, стремящийся облегчить заботы трудового человека, сберечь его ценное время!»

Да, да, вот именно так и написано: «заботы... ценное время». И, конечно, недаром эти две категории поставлены рядом.

«Дорогие москвичи! — читаю я далее.— Пользуйтесь услугами предприятий по бытовому обслуживанию на дому!.. К вам придут на дом и примут заказ на изготовление мужской и женской одежды, перелицовку и починку, примут ваши вещи в химчистку, произведут необходимый ремонт квартиры, вставят стекло...»

Итак, нет больше никаких забот. С чувством огромного облегчения я снимаю телефонную трубку — и...

Далее я предоставляю вниманию читателей мои почти стенографические записи озабоченного человека.

18 сентября. Полный радужных надежд, звоню в районную контору по ремонту квартир (тел. Д 1-48-48).

— Ремонтная контора?

— Она самая,— отвечает простуженный бас.— Вам чего?

— Комнату отремонтировать.

— Что там у вас?

— Ну, знаете ли, побелка, покраска, окна, двери, кое-где поштукатурить.

— Штукатурка? Больше трех квадратных метров не делаем.

— Это, собственно, почему?

— А потому. Не делаем, и все.

— Гм... В общем, присылайте мастера.

— Хе-хе!.. Присылайте!.. Нет, сперва приходите в контору, уплатите полтора рубля, придет к вам техник, составит смету, уплатите полностью деньги, а там посмотрим.

— Позвольте, а почему бы технику не прийти ко мне и заодно уж получить эти самые полтора рубля?

— А потому. Не положено, и все.

— Так и быть, придется зайти к вам после работы.

— А мы работаем до четырех.

— Но это же крайне неудобно, не могу же я сбежать с работы!

— А нам какое дело? — Трубка повешена, поэтому собеседник не слышит моей последней реплики, и это, может быть, к лучшему.

19 сентября. Обеденный перерыв. Хватаю такси (конец неблизкий) и мчусь на 1-ю Брестскую, 15. Стрелка-указатель извещает, что ремонтная контора во дворе. Двор похож на лабиринт, и никаких указателей больше нет. Помогает случайный прохожий:

— Видите в том углу конуру? Это и есть контора.

Действительно, конура. Тесно, грязно, сыро. Сапожник — без сапог.

Грустный техник выписывает мне квитанцию. Спрашиваю:

— Почему бы эту операцию все-таки не проделывать на дому у заказчика?

— Не доверяют нам квитанционных книжек. Даже обидно.

— А когда вас ждать?

— Завтра от восьми до четырех.

— Значит, придется отпрашиваться с работы?

— И не один раз!..

20 сентября. Отпросился с работы. Сижу дома, жду техника. Проголодался. В рассуждении, чего бы поесть, листаю справочник. С удовольствием узнаю, что «в Москве свыше пяти с половиной тысяч продовольственных и промтоварных магазинов... Многие магазины принимают заказы на продовольственные товары с доставкой на дом».

Чудесно! Сейчас я сниму трубку (уйти-то нельзя: а вдруг явится техник!) и закажу себе что-нибудь полегче, скажем, молоко, овощи, хлеб. Тем более, что в справочнике написано: «Запомните: магазины торга «Мосовощ» принимают заказы (лично и по телефону) на доставку на дом», а также: «Мосхлебторг» доставляет хлеб и булки на дом из всех булочных торга».

Звоню в молочную № 67, благо она недалеко.

— Вы доставляете молоко на дом?

— Доставляем. На расстояние двести метров, не больше.

Быстро прикидываю: до моего дома не меньше километра. Плохо дело.

— А не скажете ли, какая другая молочная могла бы доставить молоко?

— Пожалуйста. Молочная № 1. У них своя машина, а у нас только тележки.

Звоню в № 1.

— Будьте любезны, привезите молоко. И кефир.

— Ваш адрес? Нет, не подходит. Обслуживаем только ближайшие кварталы. Попробуйте позвонить в молочную № 27.

Аппетит тем временем разыгрался не на шутку. Поэтому в 27-й я делаю такой заказ:

— Прошу прислать молоко, ряженку, простоквашу.

— А мы обслуживаем только соседний дом.

— Значит, если в этом доме я не живу, я ничего не получу?

— Значит, так.

Тут мне почему-то вспомнились рассказы покойной бабушки о молочницах, которые каждое утро стучались в дверь. Где-то они теперь, эти румяные женщины с гремящими бидонами? «Иных уж нет, а те далече, как Саади некогда сказал». Впрочем, все это был частный сектор... Конечно, то, что молочниц, этих крикливых и не очень-то чистоплотных торговок, больше нет,— это, безусловно, правильно. А вот то, что никто их не заменил,— это, безусловно, неправильно.

А пока я звоню в овощной магазин (тел. Д 1-04-44).

— Примите, пожалуйста, заказ...

— На сегодня кончили.

— Но ведь только двенадцать часов!

— Вас много, а мы одни. Звоните утром.

И тут я подумал: а что, если бы было так? Звонок. Вы открываете дверь. Симпатичная девушка (или, скажем, свежевыбритый мужчина в белом фартуке) сообщает, что внизу у нее мотокорзинка, и в этой корзинке есть салат, помидоры, редька, свекла, огурцы и всякая прочая петрушка.

Мои размышления прерывает звонок. Ура! Пришел техник. Знакомимся. Техника зовут Мария Трофимовна Хромова. С помощью рулетки она в два счета обмеряет мою комнату.

— Обои? Масло? Клеевая?

— Мне, знаете ли, хотелось клеевой.

— Да, нынче это в моде. Некоторые даже красят стены в разные цвета.

— Вот, вот! Давайте посоветуемся. Нельзя ли взглянуть на ваш альбом колеров?

— Альбом? Ой, насмешили! Был у одного нашего мастера такой альбомчик — одни неприятности с ними нажил.

— Как?

— А так. Альбом есть, а красок нет. У нас, гражданин, только два цвета — охра и сурик. Вот так.

— Но мне хотелось совсем другое.

— Доставайте сами.

— Ну, хорошо, хорошо, остановимся на охре. Когда придут мастера?

— Во-первых, не мастера, а мастер. Во-вторых, раньше чем десятого — пятнадцатого следующего месяца не ждите.

— Но я собираюсь в отпуск! Нельзя ли раньше? Мне было бы удобнее.

— Нет уж, придется так, как нам удобнее.

Мысли, пришедшие мне в голову, я не стал высказывать вслух. Вслух я сказал совсем другое, с отвращением ощущая в голосе просительные нотки:

— Ах, яичный цвет! Как бы хотелось! Нельзя ли все-таки?

И тут техник почти дружелюбно посоветовала:

— А вы с мастером поговорите. Он все может.

Интересно, как в руки мастера попадает то, чего не имеет государственная контора? Но и этого вслух я не осмелился сказать, а спросил, когда можно поговорить с этим чудо-мастером.

— Завтра пришлю.

Она ушла. Я ликовал.

21 сентября. Снова отпросился с работы. Начальство недовольно покосилось. Сижу дома, жду мастера. Того самого, который все может. В рассуждении, чего бы поесть, вспомнил про справочник «Вам доставят на дом». Решил начать с хлеба. Звоню в «Мосхлебторг» (тел. Г 1-98-86).

— Скажите, пожалуйста, из какой булочной я могу получить хлеб на дом?

Заметьте, я ни в чем не сомневаюсь, ведь сказано же в справочнике: «Мосхлебторг» доставляет хлеб и булки на дом из всех булочных торга».

— Звоните в свою районную контору по телефону К 4-04-31. Начальник — товарищ Епанчин.

Звоню. Голос секретаря отвечает:

— На совещании.

— Тогда не скажете ли вы...

Пауза. Приглушенный голос (должно быть, трубка прикрыта рукой) говорит кому-то:

— Слушай, тут какой-то чудак хочет получить хлеб на дом. Что ему ответить?

Смятение. Кто-то хихикает. Опять тот же голос:

— Звоните в «Мосхлебторг».

Эрнест Хемингуэй и его друзья-рыбаки.

ТАМ, ГДЕ ЖИЛ ХЕМИНГУЭЙ

Алексей ГОЛИКОВ,
специальный корреспондент
«Огонька»

Гавана! Прямоугольные коробки небоскребов, автомобильная сутолока на улицах, на бульварах темная зелень пальм и цветы, широкая набережная, окаймленная белой полосой прибоя, и безбрежный темно-синий океан, так круто посоленный, что, когда купаешься, щиплет глаза.

Все здесь пропитано духом революции. На улицах то и дело встречаешь вооруженных мужчин и женщин в голубых рубашках с короткими рукавами. Это народная милиция. Везде лозунги: «Родина или смерть!», «Товарищ, будь бдителен!». А рядом портреты передовиков производства, тружеников сельского хозяйства.

Из Гаваны я поехал туда, где жил и работал Эрнест Хемингуэй.

Наша машина оставила пригороды Гаваны, и стрелка спидометра застыла на ста двадцати километрах в час.

В небольшом селении сворачиваем с шоссе и останавливаемся у чугунных ворот. Дальше идем аллеей, окаймленной пальмами и цветущими олеандрами, к холму, на котором стоит одноэтажный дом с высокими светлыми окнами, просторной открытой верандой. Теперь здесь музей Эрнеста Хемингуэя.

Музей охраняют два вооруженных милиционера. Вход свободен, но музей — государственное достояние, и его надо беречь. Нам рассказывают, что в доме все оставлено так, как было при жизни писателя. В большой столовой на стене охотничьи трофеи Хемингуэя: голова носорога, огромные рога буйвола, шкуры львов и леопардов.

Рассматриваем многочисленные фотографии, сделанные в Африке: на одной запечатлен писатель с женой возле убитого им леопарда; на другой — Хемингуэй лечит заболевшего вождя негритянского племени. В конце альбома на фотографии изображено возвращение Хемингуэя с женой после охоты. Писатель стоит, весело улыбаясь, приветливо подняв руку.

Возле дома Хемингуэя над деревьями возвышается четырехугольная башня. Ее для писателя построила жена. По крутой винтовой лестнице поднимаемся на верхний этаж. Здесь стоит большой письменный стол, стул, качалка, полка с книгами. На полу — львиная шкура, в углу, на треноге,— медная подзорная труба.

Недалеко от башни — деревянный двухэтажный флигелек: здесь жила жена Хемингуэя. В комнате легкая мебель, много книг, охотничьи ружья различных систем.

Я прошу показать любимые места писателя в парке. По усыпанной мелкой галькой дорожке нас ведут к бассейну.

Около бассейна — решетчатый навес, весь увитый диким виноградом. Под ним деревянные топчаны, стол. Мне рассказывают, что здесь в жаркие дни писатель не только отдыхал, но и работал. В тени беседки лежит старая охотничья собака Пекинеса. Последняя собака Хемингуэя, с которой он ходил на охоту. Пеки-

---

Объясняю, что только что звонил туда и получил этот телефон.

— Да? Странно...

Долгая пауза и шуршание бумаг. Снова тот же голос:

— Вы бы лучше сами сходили в булочную... Хотя попробуйте позвонить в 173-ю.

Звоню без энтузиазма:

— Можете на дом?..

— Пожалуйста. Есть горячие булочки, ситники, батоны, хлеб черный и обдирный. Не нужен ли вам сахар и чай? Когда вам доставить?.. Алло, алло!

Я онемел. Впервые кто-то говорил со мною по телефону по-настоящему любезно. Я вдруг почувствовал себя тем самым (одним из многих), для кого существуют булочные и молочные, ремонтные конторы, ателье, химчистки, а не наоборот. Значит, можно, оказывается, и быть любезным и доставлять на дом не только булки, но и радость.

А через полчаса раздался звонок, и в квартиру с корзинкой в руках вошла милая женщина в белом халате и белой накрахмаленной шапочке.

— Моя фамилия — Тимофеева, но зовите меня просто Надя,— отрекомендовалась она.— Теперь я буду приходить к вам каждый день, а вы заказывайте то, что вам нравится. Если вас не будет дома, положите в кухне деньги, я вам и хлеб оставлю и сдачу. Многие мне даже ключи от квартиры отдают: я ведь тут уже десятый год работаю.

Одним словом, Надежда Тимофеева — живой пример того, как надо обслуживать... не хочется употреблять казенных «клиентов», «потребителей», а скажем просто: людей. В своих записках мне хочется сказать: большое вам спасибо, уважаемая Надежда Тимофеева.

Окрыленный, звоню в овощной магазин.

— Примите заказ.

— Чего вам?

— Картофель.

— Можно.

— Капусту.

— Условно...

— Но суп-то условно не сваришь!

— Будет капуста — привезем.

Затем выяснилось, что помидоров, кабачков, огурцов, грибов нет, это уж безусловно.

Между тем день подходил к концу, а мастера, который «все может», так и не было. Встревоженный, я позвонил в контору.

— И что это вы беспокоитесь? — ответили мне.— Настанет ваша очередь, придет к вам мастер, обо всем договоритесь. Он уж достанет, что нужно. Хоть из-под земли...

До сих пор я не подозревал, что парижская зелень, крон, ультрамарин добываются из-под земли...

Спал тревожно. Проснулся в страхе. С конторой и ее мастерами, которые «все могут», решил не связываться. Лучше пойти к любому хозмагу, где испокон веков толкутся дядьки с малярными кистями наперевес. Эти, как известно из опыта, придут в любое удобное для вас время. Не придется отпрашиваться с работы.

22 сентября. Сегодня обратил внимание на заманчивую рекламу в том же справочнике: «Закройщик придет на дом. Из вашего материала и материала ателье за 15—20 дней вам сошьют верхнее платье, а за 3—5 дней починят старую одежду». И еще раз: «По телефонному звонку-заказу ателье высылает на дом закройщика».

Тут меня охватили было сомнения: подумаешь, барин какой, обязательно тебе нужно закройщика на дом. А сам в ателье пойти не хочешь? Но я сразу ответил себе: не хочу. Потому что вспомнил, как однажды был уже в ателье, как томился в очереди, как был принят, словно назойливый проситель. Нет, лучше и в самом деле дома: очереди у меня наверняка не будет, а приму я закройщика как желанного гостя.

Обеденный перерыв. Звоню в ателье (тел. Е 1-90-27). Крайне удивил собеседника. Шить? На дому? Настороженно: а вы где живете? И облегченно: не наш район! Хлоп! — повешена трубка.

Роюсь в справочнике. Почему-то все указанные ателье — Первомайского района. Вот где живут счастливчики! А что делается в моем районе?

Звоню в управление коммунального и бытового обслуживания Мосгорисполкома. Получаю последовательно телефон районного управления, телефон швейной фабрики и, наконец, телефон ателье (Б 1-04-15). Далее происходит такой разговор:

— Ателье? Прошу прислать закройщика на дом.

Женский голос: — Чего? На дом?

Мужской голос: — Что вам нужно? Сшить пальто?

Другой мужской голос: — С вами говорит заведующий. Послушайте, почему бы вам не прийти самому?.. Справочник? Впервые слышу. Жаль, меня не спросили, когда его составляли... Ну, ладно, так и быть... Ждите завтра в 11. Только имейте в виду, это будет любезность с нашей стороны.

Кстати, надо починить костюм. Справочник утверждает, что и это делается на дому. Стоит только позвонить по телефону Д 3-64-24.

— Пожалуйста, почините одежду! На дому...

— Не посылаем.

Рисунки Ю. Черепанова.

неса, видимо, привыкла к посторонним и не обращает на меня никакого внимания.

Стараюсь узнать подробности из жизни Хемингуэя, но сегодня об этом рассказать некому. Человек, который долго служил у писателя, уехал в Гавану, а другие работники музея близко его не знали.

— Отправляйтесь в поселок, где писатель рыбачил,— предлагают они.

...Жизнь рыбачьего поселка, куда мы приехали, как и жизнь всей страны, изменилась после победы революции. Теперь здесь рыболовецкий кооператив. Его председатель Марсó Гонсалес встретил нас приветливо и прежде всего стал рассказывать о делах своего хозяйства. Кооператив идет в гору, его доходы растут. За последние годы приобрели тридцать новых судов.

— А Хемингуэя у нас действительно знали многие,— говорит Гонсалес.— Вот рыбак Ансельмо— друг писателя. С легкой руки одного американского репортера считали, что он послужил Хемингуэю прототипом для главного героя повести «Старик и море». Но это не так.

Есть рыбак по фамилии Сант-Яго Пунг. Он участвовал в съемке фильма «Старик и море».

Пунгу лет пятьдесят с небольшим.

— Мы, как и все здесь, потомственные рыбаки,— рассказывает он.— Отец рыбачил, дед, прадед, и меня с малых лет стали брать в море. С Хемингуэем я познакомился в 1933 году. Он с моим отцом дружил, часто вместе рыбачили, и я иногда с ними ездил. Хемингуэй хорошо ловил рыбу, знал тонкости нашего ремесла почти как настоящий рыбак.

Однажды Хемингуэй позвал меня и говорит: «Хочешь в кино сниматься? Картину делают по моей книге «Старик и море». Хочу, чтобы в фильме все правильно было, как на самом деле. Актер, который играет старика, в рыбацких делах плохо разбирается. Вот в тех сценах, где он ловит рыбу, снасти закидывает, ты будешь его подменять!».

Я, конечно, с радостью согласился. Меня загримировали так, что стою рядом с актером Спенсом Траксом, и не узнать, который я, который он. Однако играть в кино оказалось делом нелегким. Я стараюсь изо всех сил — режиссер и Хемингуэй недовольны. «Ну разве так ты на самом деле рыбу ловишь? — спрашивает Хемингуэй.— Забудь, что тебя снимают, и работай как обычно».

Это, конечно, ему было просто говорить, а мне выполнять трудно. Никак не могу им угодить. Бились, бились они со мной и уж думали, что ничего не получится. Вдруг у меня настоящая рыба попалась, да большущая. Ну, я тут про весь этот кинематограф забыл — только бы добычу не упустить. А рыба трудная оказалась. Попотеть заставила. Но я все-таки вытащил и говорю: «Дело сделано, теперь давайте продолжать для кино играть». А Хемингуэй смеется, доволен, хлопает меня по плечу: «Молодец, ты уже сейчас отлично сыграл, лучше и не требуется. Больше снимать не будем».

В этом же поселке я встретился с Григорио Фуэнтесом. Он больше двадцати лет служил на яхте Хемингуэя. Григорио, как и все, кто близко знал великого писателя, отзывается о нем с большой теплотой.

— Хемингуэй обращался со всеми людьми одинаково, независимо от их богатства или их высокого положения,— рассказывает Григорио.— Помню, как отпраздновали вручение ему Нобелевской премии за повесть «Старик и море». Торжество происходило в доме писателя, и он пригласил всех своих друзей рыбаков, с кем выходил в море. И за столом Хемингуэй сидел среди нас. А у него в гостях были и генералы, и адмиралы, и миллионеры. Они просили писателя сесть к ним ближе, но он отказался и сказал: «Надеюсь, вы меня поймете и извините. Сейчас я хочу быть среди тех, с кем рыбачил, и кто в какой-то степени помог мне написать повесть».

Григорио рассказывает, как Хемингуэй любил ловить рыбу. Вероятно, даже больше, чем охоту. Радовался удаче и по-настоящему огорчался, когда не везло.

— Однажды был такой случай,— вспоминает Григорио,— мы с Хемингуэем на рассвете вышли ловить рыбу к северному побережью Пинар дель Рио. Идем под мотором мимо порта Кабани и видим: старому рыбаку удача подвалила. Он поймал большую рыбу алуха. Старик в лодке один и вытащить рыбу никак не может. И уже приустал порядочно.

Подходим мы к нему, и Хемингуэй спрашивает: «Может быть, помочь тебе?» «Нет,— отвечает старик,— сам рыбу вытащу».

Рыбачили мы весь день, и не то чтобы хорошо, но и не плохо. Кое-что поймали. К вечеру возвращаемся домой и невдалеке от порта Кабани опять находим старика. Он все еще не вытащил рыбу. Вид у него измученный, руки в крови.

«Давай тебе поможем»,— предлагает ему Хемингуэй. «Идите вы к чертям,— отвечает старик.— Сам вытащу эту проклятую рыбу. И не с такими справлялся». «Может, тебе продуктов и воды оставить?» «Чего пристал? Проваливай! Мне помощи даже от господа бога не требуется».

Так мы и ушли, оставив старого упрямца с его рыбой. А когда ошвартовались у причала, Хемингуэй и говорит: «Чертовски хороший старик нам попался. Прямо-таки настоящий кремень».

— Вот мне и думается, что этот случай мог послужить Хемингуэю сюжетом для его повести «Старик и море»,— закончил свой рассказ Григорио.

— А в моем присутствии почините?

— Дней через десять.

...Спал плохо. Мучили кошмары. Снились мне авторы справочника А. Д. Березин и А. П. Ковалев. Они усердно шили. И все белыми нитками.

23 сентября. Воскресенье. Сегодня я отдыхаю от бытовых услуг на дому. Чувствую себя несколько лучше.

24 сентября. С утра меня огорчили сослуживцы:

— Что-то ты, брат, плохо выглядишь.

В самом деле, с некоторого времени меня одолевает нервный тик. Должно быть, начинается какое-то нервное заболевание на почве бытовых услуг... Опять пошел отпрашиваться. На этот раз начальство проявило недовольство: «Смотрите, плохо кончится». Я и сам этого опасался. Но что я, рядовой озабоченный человек, могу поделать, если все бытовые услуги на дому можно получить только в рабочее время?

Вот я и дома. В ожидании закройщика, а также в рассуждении, чего бы поесть, подумал, почему бы не позвонить в ближайшую столовую и не попросить доставить обед на дом. Правда, в справочнике об этом — ни слова.

Звоню в районный трест столовых (тел. Б 9-73-92). Получаю ответ:

— Если вы здоровы, почему бы вам не пойти в столовую самому? А если больны, так уж и быть...

Вспоминаю о тысячах вполне здоровых домашних хозяек, которые, наверно, были бы рады, если бы их избавили от забот, если б утром, сняв трубку, они могли бы заказать обед и ужин.

Пока я раздумывал обо всем этом, к телефону подошел другой сотрудник и обрадовал:

— Звоните в столовую № 19 или № 14. Они доставят. Есть такое указание.

Ага, есть, значит, указание!.. Но в 14-й про указание слышат впервые, а в 19-й опять спрашивают:

— Вы что, больной?

Вот ведь не везет: может, прикинуться больным?

Звонок! Входят закройщик и приемщица. Оба несколько смущены: справочника, полного чудес, они никогда не видели, о рекламе «Закройщик приедет на дом» никогда не слышали.

Тем не менее мне показали последний журнал мод и в два счета обмерили. Они были крайне любезны. Это понравилось мне больше всего. Ага, значит, можно, оказывается, и обслуживать на дому и быть любезным!

Неплохое пальто сшили мне. (P. S. Написано десять дней спустя.) Модно. Элегантно. Вручая его, мастер сказал: «Носите на здоровье». Очень приятно. Крепко жму вашу руку, уважаемый товарищ Куба Поженчевский! При вручении присутствовала и милая приемщица Ниночка со своей квитанционной книжкой. И хотя ее присутствие было совсем не обязательно (наверно, квитанцию мог бы выписать и сам мастер), все же я ей благодарен за труды.

Милая Ниночка! Вы, несомненно, заслужили букет цветов. Я и хотел его вам послать. Позвонил (руководствуясь все тем же справочником) в цветочный магазин и попросил отправить вам букетик астр, а счет прислать мне домой. Вот что я услышал в ответ:

— Букетов нет. Есть похоронные венки и свадебные корзины. И никаких счетов на дом. Приходите сами. Уплатите.

Вот так.

25 сентября. Решено: отдаю в чистку ковер, привожу в порядок мебель. В рабочее время (украдкой) звоню по телефону Д 5-82-04.

— Пожалуйста, пришлите за ковром, его надо почистить и реставрировать.

— Нет уж, привозите сами. Сдадите в чистку, получите обратно, потом отдадите в реставрацию.

— Но ведь ковер большой и тяжелый! Куда удобнее было бы...

Договорить я не успел: на том конце хлопнули трубкой.

Опять чувствую нервный тик. Несмотря на это, мужественно звоню в мастерскую по ремонту мебели (тел. Б 8-84-04). Оказывается, полировать мебель нельзя, можно только лакировать. Почему? А потому... Освежить можно? Можно. Когда придет мастер? Завтра в 10 утра. Но я в это время работаю, мне неудобно! «Мастер тоже работает, и ему тоже неудобно...» Так для чьего удобства, черт возьми, существует мебельная мастерская? Ответа нет.

Сослуживцы почему-то меня сторонятся...

26 сентября. Отпросился с работы. Начальство посоветовало вовсе не возвращаться... Мебельный мастер пришел вовремя. Он дышал оптимизмом. Оказывается, все можно: освежить, починить, перебить, переклеить. Он был любезен и вежлив, как король. Мне казалось, сейчас он скажет: «Мастерская — это я». Но сказал он нечто иное:

— Вы с кем хотите иметь дело: с мастерской или со мной?

Из дальнейшего я понял, что если с мастерской, то всю мебель надо везти туда, если с ним, то он придет сам и в удобное для меня время.

...Нервный озноб. Когда я открыл глаза, мастера уже не было. Он удрал, по-видимому, опасаясь, что я его укушу.

Мне захотелось что-нибудь разбить. Разбил окно. Через час, придя в себя, решил, что стекло надо вставить. Листаю справочник. Ага, вот оно: вставка и протирка стекол, тел. Б 9-77-25. Набираю номер — контора давно отсюда выехала. Куда — неизвестно. Это скажут в управлении коммунального и бытового обслуживания Мосгорисполкома. Рекомендуют позвонить в районное управление. Что скажут в районном? Советуют обратиться в районную контору (тел. К 5-45-24). Звоню в контору. Оказывается, нет ни стекол, ни стекольщиков. Спрашиваю, как же быть. Отвечают:

— Очень просто. Подойдите к любому хозмагу, там всегда полно стекольщиков.

Вот тебе и на!

И снова вспомнились мне рассказы бабушки о стекольщиках, которые ходили по дворам. Нет! Я не хочу, чтобы ходили по дворам. Я хочу, чтобы ходили по домам. По первому телефонному звонку. И вообще хочу, чтобы реклама соответствовала действительности.

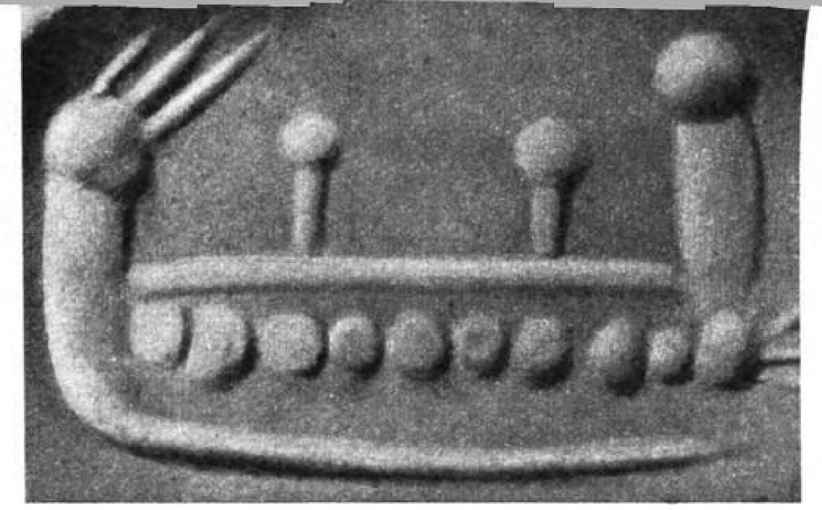

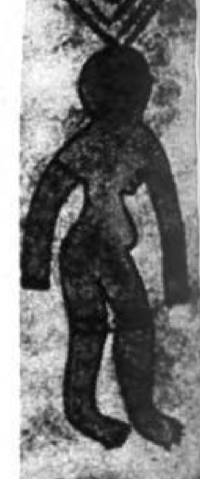
Плита в Баальбекской каменоломне.

Камея с фигурой человека в скафандре

Корабль с реактивными лучами.

Фигуры

Ко мне явился герой моего рассказа (да, да, вымышленный персонаж!) и стукнул по столу кулаком.

В своем рассказе «Пришельцы из космоса», напечатанном в журнале «Смена», я описывал его громоздким, чуть лысеющим атлетом в очках с тяжелой оправой. Он рассказывал с легкой иронией о вещах вполне серьезных и безусловно интересных.

Он выложил тогда на стол в салоне теплохода «Победа» два десятка прелюбопытнейших фотографий, которые потом обошли весь мир.

Мой герой был осторожным ученым, хотя в рассказе я и не рискнул присвоить ему ученую степень, назвав просто аспирантом. Но он с подобающей и более высоким ученым званиям беспристрастностью сразу же оговорил, что познакомит с фактами, могущими иметь *различные толкования*, из которых он произвольно выбирает лишь нужные ему, в принципе *не отвергая остальных*.

Читателю самому предоставлялось судить о том, что он видит перед собой. А видел читатель изображение отпечатка на песчанике миллионолетней давности, найденное учеными в пустыне Гоби, который походил на... след сапога. Кто ступал на Землю миллион лет назад, когда и человека на ней еще не было? Он видел фотографию костей очень древних животных, найденных в одесских катакомбах. Эти кости оказались ОБРАБОТАННЫМИ, притом МЕТАЛЛИЧЕСКИМ ИНСТРУМЕНТОМ и ПО-СЫРОМУ. Кто мог это сделать миллион лет назад? Он видел фотографии черепов неандерталоида и древнего бизона, живших сотню тысяч лет назад — один в нынешней Африке, а другой — в теперешней Якутии. На этих черепах идеально ровные круглые отверстия без лучевых трещин, словно пробиты они... пулей. Кто мог стрелять на Земле сто тысяч лет назад? И наряду с другими интереснейшими фотографиями читатель видел знаменитую Баальбекскую веранду, сложенную из исполинских плит весом более тысячи тонн, непостижимым образом поднятых из каменоломни на вершину горы. Кто мог сделать это на заре человеческой культуры? Может быть, все это связано с посещением Земли инопланетными космонавтами?

Я не говорю уже о пресловутом тунгусском метеорите (который, по всеобщему признанию, «перестал быть метеоритом»), исследуемом ныне различными группами ученых не только как ядро, может быть, столкнувшейся с Землей кометы, но и как ЯДЕРНЫЙ ВЗРЫВ (не инопланетного ли космического корабля?). Этой проблеме посвящаются теперь уже не фантастические рассказы, а статьи в докладах Академии наук СССР, доклады и выступления на собраниях ученых (например, доклад Ф. Ю. Зигеля и выступления А. В. Золотова, Л. Н. Усачева и других на Метеоритной конференции этого года в Ленинграде).

Обо всем этом пытливые читатели, судя по их письмам, всерьез задумывались, выслушав моего аспиранта. И мне казалось, что это хорошо, это заставляет по-новому взглянуть на человеческую историю, на происхождение легенд, поверий и даже верований (многие готовы видеть в этом даже подрыв основы религии), помогает увидеть во всем многообразии Вселенную.

Теоретически никто ныне, даже самые ярые скептики, не решается отвергать возможности существования разумной жизни в космосе и даже посещения Земли инопланетянами. Однако одним это кажется крайне маловероятным, а другие в полемическом азарте, как, например, М. Васильев в своей статье «Возможен ли прилет звездных космонавтов», договариваются до того, что цивилизации иных миров, дескать, столь древни и столь высоки, что им нечего общаться с такими примитивами, как мы, грешные, ибо ни нам, ни им никогда якобы друг друга не понять. Они упускают из виду при этом, что диалектическое понятие высочайшей культуры ИСКЛЮЧАЕТ «НЕПОНИМАНИЕ», ибо «ЗНАТЬ» — это «ПОНИМАТЬ».

Так неужели же все-таки ЗВЕЗДНЫЕ ПРИШЕЛЬЦЫ побывали на Земле и миллион лет, и сотню тысяч лет, и несколько тысячелетий тому назад... и даже в наше время?

Или все это только фантастика?

И вот мой герой фантастического рассказа, оперировавший отнюдь не фантастическими документами,— фотографиями, явился ко мне собственной персоной и стукнул кулаком по столу.

— Вы поставили меня в ужасное положение,— заявил он,— опубликовав мои мысли!

— Но ведь это в фантастическом рассказе! — попробовал оправдаться я.— Академик Обручев в романе «Плутония» предположил даже, что Земля полая и обитаема внутри...

Аспирант положил на стол кипу газет.

— Полюбуйтесь! Вот как реагируют на «фантастику»!..

— Здесь спорят со мной!

— Если бы с вами!.. Вас или совсем не упоминают, будто вы тут ни при чем, или вежливо с вами раскланиваются. А нападают на меня.

— На вас? Но...— Я хотел сказать, что мой аспирант — лицо вымышленное.

— Я мысль,— сказал он и сел.

Я неуверенно листал газеты, не поднимая глаз на своего героя. Я заметил, что некоторые статьи протестуют против «спекуляции» на космосе и против опошления науки.

— Видите? — с укором сказал аспирант.— Обручева ни в чем не обвиняли. А я спекулирую, я опошляю науку!

— По мнению ученых? — спросил я.

— Нет. Ученые на дискуссии по этим вопросам в Доме журналистов в Москве и по Московскому телевидению в 1961 году не высказывали таких упреков. С выпадами против меня и против других лиц, разделяющих эти взгляды, выступал, например, журналист Владимир Львов. Вам хорошо,— продолжал сердиться аспирант,— вас, писателя, по дружбе, наверное, он даже не упоминает, но он набрасывается на одного из ваших читателей, на ленинградского доцента Зайцева, который под впечатлением прочитанного усомнился в библейской легенде о Христе, подумав — нигде не написав, просто подумав! — что не влияли ли на эту легенду возможные посещения космонавтов в прошлом? Ведь в народных преданиях должны были остаться некоторые детали, вроде летевшей звезды, остановившейся над городом Вифлеемом, рассуждения космонавтов (и Христа!) об ином мире и т. д. Владимир Львов опровергает Зайцева не с помощью каких-либо аргументов, а с помощью таких выражений, как...— аспирант взял одну из газет,— «антинаучная пошлость», «монументальное невежество», «спекуляция», «фальшивка»...

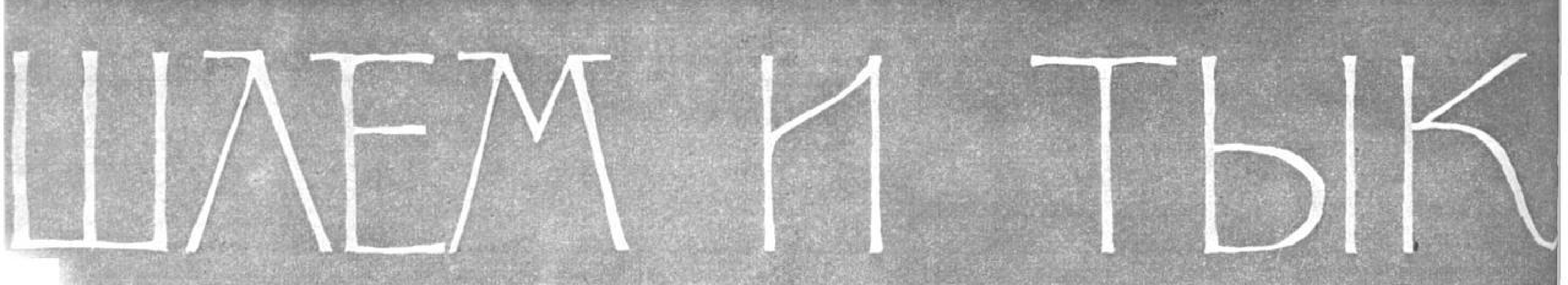
Герой моего рассказа перешел к мыслям Владимира Львова, непосредственно его касавшимся:

— Как вы помните, знакомя с фотографиями, я говорил, что они могут толковаться по-разному, и я с уважением отношусь к иным, чем моя, точкам зрения на любой из приведенных мною фактов. Но Владимир Львов ставит меня в затруднительное положение. Посмотрите, пожалуйста, на эти фотографии этрусских камей. На одной из них изображен человек в одеянии, напоминающем водолазный или космический скафандр, на другом,— казалось бы, весельный корабль, привычной древнему художнику формы, но без... весел и со странными лучами за кормой, напоминающими реактивные выбросы.

Александр **КАЗАНЦЕВ**

(Нечто совершенно фантастическое)

ПОБЕСЕДУЕМ, ПОДУМАЕМ,

антеннами.

«Великий бог марсиан».

Старинные фигурки, найденные в Японии.

— И ваш оппонент опровергает это?

— Весьма своеобразным образом. Относительно камеи с человеком в скафандре он заявил, что это вовсе не камея, потому что он такой в Эрмитаже не нашел, а «инталья», то есть вдавленная резная печать, где изображение вырезается с помощью полукруглого резца с вращающейся головкой и фигурки людей всегда получаются из вдавленных кружков разной величины.

— Позвольте,— прервал я,— но ведь на фотографии, судя по теням, не вдавленное, а выпуклое изображение?!

— Совершенно верно. Очевидно, Владимир Львов не дал себе труда посмотреть на то, что он опровергает...

— А корабль без весел с реактивными выбросами?

— Конечно, это было мое предположение,— ответил аспирант.— Я видел в нем иллюстрацию к подлинным древнеиндийскому и санскритскому описаниям реактивных кораблей, но мой оппонент опровергает это мнение, безапелляционно утверждая, что это «перья хвоста мифологического животного гиппотамта (изображением головы этого животного обычно украшалась передняя часть средиземноморских галер, а хвост украшал корму).

— Значит, это хвост гиппотамта? А где же голова?

— Головы гиппотамта даже оппонент не увидел. Вместо нее различимы какие-то шаровые разрядники, между которыми проскакивают молнии.

— Пожалуй, неубедительное у него опровержение. А как же опровергнуты остальные ваши аргументы?

— Они просто не рассмотрены и уничтожены общим заявлением, что «находятся на том же уровне». Мне кажется этот уровень неплохим... С Баальбекской верандой, о которой доцент М. М. Агрест сказал, что она не могла быть сооружена с помощью техники, известной древним людям.

ПОСПОРИМ

Владимир Львов разделался очень просто.

— Он доказал, что древние могли поднять тысячетонные плиты на гору?

— Нет. Он просто заявил, что усомниться в строительном искусстве древних людей — это нанести оскорбление человечеству, принизить его историю. А так как делать это непатриотично, то и задумываться над тем, как могли люди построить Баальбекскую террасу, «антинаучно».

— Простите, а сейчас люди могли бы построить Баальбекскую веранду?

— С помощью известных ныне технических средств? Нет, не могли бы. Посмотрите на фотографию одной из плит Баальбекской террасы, так и не отделенную от скалистого массива в старой каменоломне. Поднять на гору полторы тысячи тонн! Таких кранов нет.

— Кажется, блоки пирамиды Хеопса не превосходили двадцати тонн?

— Да.

Аспирант улыбнулся. Но настроен он был серьезно и повел атаку на меня с новой силой.

— Теперь коснемся «великого бога марсиан» — так назвал французский профессор Анри Лот шестиметровый рисунок многотысячелетней давности, обнаруженный им на скале в Сахаре. Что это? Шлем или тыква?

— Тыква? Почему тыква?

— Я высказал предположение, что рисунок сделан с натуры или по памяти древним художником, видевшим или слышавшим описание инопланетных пришельцев, побывавших на Земле.

Великий бог марсиан! Рисунок древнего космонавта! Еще бы мне не знать его! Как-то при встрече с Юрием Гагариным я показал ему этот рисунок, шутливо заметив, что это — самое древнее изображение космонавта, которое ему когда-либо предъявляли для автографа.

— И похоже... и не похоже! — сказал Гагарин и надписал фотографию.

Очень точно сказано! Это не может походить, но... что же есть общего? Об этом и стал как раз говорить мой аспирант:

— Это шлем. Обратите внимание на воротник. Шея толще головы, на воротнике горизонтальные складки. Так можно изобразить только герметический воротник, переходящий в непроницаемую, спадающую складками одежду — скафандр. Обратите внимание на усиливающие крепления шлема. Они говорят, что давление вне шлема и снаружи было неодинаково.

Я развернул одну из принесенных аспирантом газет и увидел там такую же фотографию. Член Московского общества естествоиспытателей Ю. Решетов вежливо спорил с моим героем, утверждая, что это не скафандр, а просто обрядовое одеяние жреца. Даже знаменитая фреска с существами в скафандрах, обнаруженная тем же Анри Лотом в Сахаре, с изображением параболических антенн над шлемами, кажется Ю. Решетову всего лишь головным убором, который и в наши дни можно было увидеть во время празднеств провозглашения независимости Ганы. А герметический шлем звездного пришельца, на котором можно разглядеть и отверстия для глаз и толщину этого шлема,— это... всего-навсего тыква!..

— Тыква? — вопросительно посмотрел я на своего героя.— Значит, не шлем, а тыква, из которой делали да и продолжают делать в Африке маски? И не скафандр, а маскарадный балахон?

Аспирант серьезно посмотрел мне в глаза:

— Да. Это все верно.

— Верно? — отшатнулся я. «Что это? Мои герои перестают повиноваться мне? Зачем же я их выдумал, если они «перекидываются» на сторону моих противников в споре?»

— Это все верно,— продолжал аспирант.— Действительно, и тыква могла быть на голове в виде маски и одеяние жреца могло напоминать скафандр...

— Значит, капитулировали? Никаких древних космонавтов не рисовали древние художники на скалах в Сахаре? — с горьким упреком сказал я.

Аспирант не ответил, он спросил:

— Помните знаменитый спор о курице и яйце?

— Кто появился раньше?

— Вот именно. Наскальные рисунки в Сахаре и обрядовые одеяния с масками — это просто одно и то же.

— Почему одно и то же? Рисунки и маски?

— Конечно! То и другое нужно было нарисовать или соорудить с помощью воображения, игры фантазии. А воображение, фантазия не могут быть оторваны от опыта.

— Да, да! — вспомнил я.— Даже китайский сказочный дракон был создан фантазией людей из знакомых деталей: из пасти ящерицы, крыльев летучей мыши и хвоста змеи.

— Вот именно. Человек может вообразить, нарисовать, воспроизвести в виде маски или костюма только то, что он видел, видоизменяя, комбинируя, но... только то, что ему знакомо.

— К чему вы ведете? — напрямик спросил я своего героя.

— К тому, что мой оппонент Ю. Решетов прав во всем, кроме ответа на вопрос, что было раньше. Он поместил в газете фотографию тыквы, сообщив, что это один из «прототипов космического шлема». На мой взгляд, он ошибается в том, что появилось раньше — шлем или тыква. Да, тыква напоминает космический шлем, и ее использовали для обрядовых масок, но... почему? Да потому, что не тыква породила шлем, а шлем, когда-то виденный древними, возможно, на головах у звездных пришельцев, воспроизводился потом при помощи тыквы в религиозных ритуалах. Что требовать от наших предков, когда наши современники толкуют о недосягаемой пониманию культуре иных миров? Вот и вошли в ритуалы обрядовые одеяния, напоминающие скафандры, и маски-тыквы, не прототипы, а копии космических шлемов, на протяжении тысячелетий переходившие из поколения в поколение. И совершенно так же дошли до современных жителей Ганы головные уборы, которые воспроизводят виденные когда-то прежде у гостей из космоса параболические направленные антенны.

— Ну знаете ли!..— отодвинулся я, смотря на собственное творение.— Выходит дело, мы с вами берем на вооружение аргументы наших оппонентов?

Аспирант улыбнулся:

— Оппоненты в споре всегда помогают.

Теперь настала моя очередь удивить своего героя.

— Хотите, я покажу вам древнее скульптурное изображение «великого бога марсиан»?

Я достал фотографию и показал аспиранту.

Он жадно вцепился в нее, поправляя очки и не веря своим глазам.

— Откуда это? Из Сахары? — глухо спросил он.

— Нет. Эта фигура многотысячелетней давности найдена во время раскопок на острове Хонсю в Японии.

— Непостижимо! — воскликнул аспирант.— Значит, верно предположение, что много тысяч лет назад огромный звездолет стал искусственным спутником нашей планеты, посылая во все ее населенные районы «космические шлюпки». И они побывали и в Индии, и в Японии, и в Малой Азии,

и в Африке, наконец, в Южной Америке. Недаром остались там Ворота Солнца с неземным календарем, в котором не 365, а 290 дней в году. Недаром так схожи древний рисунок в Сахаре и древняя японская скульптура космонавта...

— Не знаю, так ли все это, но... во всяком случае, это возможно,— осторожно сказал я.

— Откуда у вас эти фотографии? — взволнованно спросил аспирант.

— Один из зарубежных читателей, американец Курт В. Зейсиг, живущий в Калифорнии, прислал мне серию фотографий этих древних скульптур, в которые стоит всмотреться.

И я выложил перед своим героем фотографии, присланные мне уже отнюдь не вымышленным лицом.

— Поразительно! — шептал мой увлеченный герой.— Это же шлемы, скафандры!..

— Если прототипами этих фигур были неведомые гости Земли, которые, по многим легендам, прилетели с какой-то звезды, то... посмотрите на любопытное, нечеловеческое устройство их глаз.

— В самом деле! — вскричал аспирант.— Их глаза закрывались не веками, как у людей, а затягивались пленками сверху и снизу, смыкающимися посередине.

— И если размер глаз не стилизован,— обратил я внимание аспиранта,— то, надо думать, глаза их были рассчитаны на куда меньшее освещение, чем на Земле...

— Да, да... И они смотрели на Землю сквозь узкие щелки.

— Прищурившись...

— Но ведь это надо исследовать! Нужно, чтобы этим вопросом занялась не только фантастика, но и наука!

— Дорогой мой герой, именно это и есть наша цель. Наука занялась тунгусской проблемой в фантастическом плане, наука должна заняться и проблемой «следов из космоса», рассматривая их не оторванно, а в комплексе. Можно заподозрить стилизацию рисунков или скульптур, но нельзя это сделать оторванно, скажем, от календаря Тиагуанако, не объяснив, почему на Воротах Солнца высечен неземной календарь, не вдумавшись в описание на древнеиндийском и санскритском языках реактивных кораблей, не исследовав (внутри! — как предлагал доцент М. М. Агрест) Баальбекскую веранду,— словом, отмахиваясь от всего того, на что обратил внимание человек под влиянием вторжения своего в космос.

— Это верно. Никогда мы не задумывались бы над следами гостей из космоса, если бы сами не становились ныне гостями в космосе.

— Значит, гости из космоса все же существуют бесспорно. И, по крайней мере, четырех из них: Гагарина, Титова, Николаева и Поповича, этих богатырей Вселенной,— мы считаем своими героями, героями Знания, героями Земли.

Мой собеседник исчез. Но фотографии и письмо американца остались на столе.

Конечно, все это очень фантастично, но... может быть, стоит заняться этим всерьез?

ПОЗНАКОМИМСЯ С Л

В. ЗАЛЕССКИЙ

Афиша, пожалуй, походила на все другие, но в чем-то и отличалась... Отличалась своим особым почерком, сложившимся, или, вернее, выработавшимся в результате художественного своеобразия актерских и режиссерских индивидуальностей, характера ансамбля, театральных и литературных традиций.

Это сказывалось на репертуаре и обостряло интерес к спектаклям.

Для начала мы отправились в Театр имени Пушкина. Нам предстояло смотреть «Оптимистическую трагедию» Вс. Вишневского и «Бег» М. Булгакова. Это — одна эпоха, а точки зрения на события и людей у авторов разные. Разное и понимание героизма, справедливости, простого человеческого счастья.

М. Булгаков по-своему увидел эпоху революции, увидел через юношеские впечатления, через представления о жизни той части русской интеллигенции, которая не сразу нашла свое место в обновленной стране.

В «Беге» Булгаков, с одной стороны, осуждает старые девизы и догматы этой интеллигенции, с другой — сочувствует и болеет за тех интеллигентов-одиночек, которые попали между молотом и наковальней классовой борьбы.

Пьеса Булгакова несет в себе отсвет настоящего таланта. И вместе с тем время еще более отчетливо показало историческую ограниченность ее замысла. В тот вечер, когда я смотрел «Бег» (ставил его Л. Вивьен, роль генерала Хлудова неизменно играет Н. Черкасов), мне показалось, что играли пьесу бездушно, без того артистического подъема, который всегда ощущаешь, когда возникает волнение от глубокой мысли, от больших и искренних чувств, заложенных в самой драматургии. Жалко было смотреть на злоключения несчастной, но милой женщины Серафимы Корзухиной (Г. Инютина), мерзким выглядел капитан-контрразведчик Тихий (Г. Соловьев), каким-то никудышным казался приват-доцент от философии Голубков (А. Дубенский), и совсем наивным выглядел весь эпизод с незадачливым начальником станции, которому грозил неминуемый расстрел.

И только эпизод в Париже: «Три карты, три карты, три карты»,— где бывший белый генерал Чарнота (Ю. Свирин) с таким вдохновением обыгрывает подлеца и спекулянта из министров Корзухина (В. Янцат), смотрелся с подлинным интересом. Играли эту сцену с блеском, что называется, концертно. А в целом спектакль оставался серым, бесцветным.

На следующий день мы смотрели пьесу почти о том же времени, но раскрывающую исторические события совершенно в ином аспекте. Это «Оптимистическая трагедия» Вс. Вишневского в постановке Г. Товстоногова с выразительной игрой Ю. Толубеева (Вожак) и А. Соколова (Сиплый).

Когда-то эта пьеса, поставленная на сцене Московского камерного театра А. Таировым, вызывала и шумные восторги и страстные споры. Именно этой пьесой Вс. Вишневский утвердил себя как художник вдохновенный, ищущий и находящий и новые формы и новое содержание. Таиров был первым — и это не следует забывать,— кто нашел ключ к точному, пластически совершенному сценическому прочтению «Оптимистической трагедии». Вершиной спектакля была игра Алисы Коонен в роли Комиссара — актрисы своеобразной, необыкновенно подошедшей к этой роли. Сейчас шедевром стала игра Ю. Толубеева и А. Соколова. Что ж, скажет читатель, сместились акценты в трактовке пьесы? Ничуть. Нисколько не умаляя превосходной режиссерской работы Товстоногова, многое допонявшего по сравнению с другими истолкователями трагедии, глубоко проникшего в подтекст, мы погрешили бы против истины, если бы не заметили некоторых сходных (это не значит заимствованных) мизансцен обеих постановок. Хотя есть и существенная разница: Таиров трактовал спектакль в приподнято-романтических тонах, чему во многом как раз и способствовала игра А. Коонен; Товстоногов же обратил больше внимания на психологически-углубленную характеристику действующих лиц. Вот почему с такой силой раскрылся страшный оскал Вожака и Сиплого. Игра Ю. Толубеева и А. Соколова достойна самой высокой оценки.

Режиссер стремился показать характеры и других героев в движении. В этом отношении ему многое удалось в работе над образами Алексея (И. Горбачев), Вайнонена (А. Ян). Но вот Комиссар!.. При всем стремлении драматурга противопоставить анархической стихии организованную, аккумулированную в едином образе, сознательную силу революции в лице Комиссара эта роль в пьесе все же оказалась статичной. Характер почти не развивается. В исполнении А. Коонен его одухотворяла поэзия романтики. В постановке Товстоногова, где многое реалистически обнажено до самых тонких подробностей, задача исполнительницы оказалась особенно сложной. Правда, опыт, обаяние, мастерство такой артистки, как О. Лебзак, обычно тушевали неполноту образа. Но в тот вечер, когда мы смотрели спектакль, роль Комиссара играла Л. Петухова. Играла профессионально уверенно, но без особого вдохновения, как-то прозаически подробно. И это навевало холодок на весь спектакль...

В те же дни мы смотрели и другой спектакль Г. Товстоногова, «Пять вечеров» А. Володина, в Большом драматическом театре. Эта пьеса о нашем времени и наших современниках. Впрочем, о современности этой пьесы некоторые спорят. Главным образом спорят по поводу личности Ильина, героя пьесы. Говорят, нет в нем цельности, душевной чистоты, такой, например, какую мы находим в простой колхознице-молдаванке Василуце из пьесы «Каса Маре». Она «посмела» полюбить человека много моложе себя, но по тому, как она любит, как глубоко и цельно ее чувство, мы можем судить не только о сугубо интимной жизни героини, но обо всем, что ее касается. Даже о том, как она работает на винограднике, какова ее моральная ответственность перед обществом. Другое дело — Ильин. Когда-то он любил девушку, но внезапно с ней расстался. После многих лет отсутствия вернулся в тот город, где зародилась его любовь, но прежде чем увидеть свою любимую, случайно «завернул» к другой. Смутил ее, заставил на что-то надеяться. Потом вспомнил старый адрес и снова смутил старую любовь...

Ильин не только перепутал пути-дорожки, но еще и расхвастался, как мальчишка, своими мнимыми свершениями: мол, окончил институт, стал главным инженером на крупном предприятии, а все это было чистой фантазией: дальше профессии водителя Ильин не пошел. Имел способности, но не использовал их.

Некоторые во «лжи» Ильина видят нечто трагическое. В биографии Ильина мерещатся им тюрьма, ссылка. Ильин — жертва культа личности. Какая чепуха! Я еще не видел в жизни человека, который стеснялся бы своих несчастий. Но если б даже подобное случилось с Ильиным, а он умолчал об этом перед любимой, это была бы та же ложь!.. Говорят еще так: Ильин — «новый» тип мужчины, который не очень дорожит чистотой своего сердца. Может быть, здесь есть доля правды. Но как же тогда, право, далеко все это от идеалов советского характера!

Какую же проблему драматург ставит в своих «Пяти вечерах»? Может быть, проблему одиночества Тамары — проблему трудной, несправедливой (опять-таки из-за легкомыслия Ильина) женской судьбы?..

Г. Товстоногов увидел в «Пяти вечерах» трудную судьбу Тамары. И актриса З. Шарко удивительно тонко, деликатно понимает внутренний мир Тамары, так долго ждавшей своего счастья. Ее игра, вернее, жизнь в образе,— целый мир сложных, порой мучительных, порой радостных чувств. Ценою нравственного компромисса — в чем-то она «отрицает» своего

...енинградской афишей

Ильина — Тамара (Шарко) все-таки добивается позднего счастья, многое прощая Ильину, и прежде всего его малодушие, непоследовательность, слабость.

Идя от образа Тамары, режиссер как бы закрыл глаза на некоторые стороны характера Ильина, словно притушил их. Подчиняясь режиссерскому видению спектакля, и артист Е. Копелян, играющий роль Ильина, снисходительно подошел к своему герою. Он не то что сочувствует ему, но и не казнит его. А просто говорит: и так бывает. Понятно, это не героизм — куда там! — но все-таки с Тамарой Ильину будет лучше. А ложь? Это действительно нехорошо. Но, возможно, Ильин не будет больше лгать... Своим гуманным отношением к героям режиссер скорее стремился компенсировать некоторые просчеты драматурга. Возможно, этот же путь он избрал и для того, чтобы раскрыть центральный образ в пьесе К. Симонова «Четвертый».

Герой «Четвертого» у автора не имеет имени, а просто называется «Он». Биография его не так уж исключительна. Это путь сначала почти незаметных, а затем все более очевидных лживых уверений, моральных падений и даже предательства. Путь среднеамериканского, а может быть, и среднеевропейского мещанина-обывателя, любящего в жизни мелкие радости и большие удобства. Я читал, смотрел, анализировал эту пьесу и никак не мог понять, как многие, писавшие и высказывавшиеся о «Четвертом», могли видеть то, чего в пьесе нет. Он, Четвертый, пройдя трудный путь сурового, бескомпромиссного психоанализа, поняв все свои преступления перед совестью, идет на риск, даже на гибель ради того, чтобы предотвратить войну. Но откроем последнюю страницу пьесы, прочтем заключительные реплики.

«ОН. Пусть будет так. На этот раз я пойду с ними, Четвертым...

ОНА («Женщина, которую он любил»). Ты не боишься?

ОН. Я боюсь, но пусть будет так...»

В течение почти двух часов шло развенчание «Его», не оставлявшее никакого, повторяю, никакого сомнения в том, что «Он» — трус, мещанин, карьерист, а точнее, слизняк, предатель. Где же залог того, что и на этот раз он не испугается, не захочет опять жить, жить любой ценой?.. Нет у нас такой уверенности! Слизняки не перерождаются, не становятся героями. Мир спасут — должны спасти — другие... Именно так и только так можно отнестись к поставленной проблеме. Всякое иное решение окажется заблуждением.

Товстоногов поверил в возможность раскаяния и перерождения Четвертого. И создал спектакль, нравящийся многим зрителям. Многие персонажи, целые куски пьесы нашли убедительное актерское и режиссерское решение. Но «Он», — он все-таки был и остался мертвецом.

Иное впечатление оставляет постановка «Океана». В этой работе Товстоногов проявил большую чуткость, тонкое воображение. Он увидел в первой картине молодость, «серьезную» молодость Платонова. В других постановках Платонов всегда, или почти всегда, кажется слишком серьезным, слишком взрослым. Между ним и его другом Часовниковым с самого начала существует разрыв: первый серьезен и значителен, второй юн и увлекается до безрассудства. Но когда в ленинградской постановке раздвигается занавес и мы впервые видим Платонова (К. Лавров) и Часовникова (С. Юрский), нас поначалу даже удивляет незначительность, вернее, неяркость первого и петушиный задор второго. Но по ходу действия все образуется: Платонов становится тонким, чутким, смелым воспитателем своего друга, а друг раскрывается как талантливый, несколько неуравновешенный молодой человек. В нем все естественно, правдиво, достоверно, даже когда он пускается в мальчишескую авантюру: уйду, демобилизуюсь любой ценою! Товстоногов талантливо раскрыл смысл и значение поступков героев в умной пьесе А. Штейна.

На этом кончилась наша встреча с Большим драматическим театром, и мы снова пришли на спектакли Театра имени Пушкина — «Потерянный сын» А. Арбузова и «Друзья и годы» Л. Зорина.

В Ленинградском театре драмы много превосходных, высокоталантливых актеров: это Н. Симонов, создатель страстных, романтических образов; Ю. Толубеев, автор выразительных портретов героев, всегда необычных, сложных. Это выдающиеся мастера — А. Борисов, Н. Черкасов, В. Меркурьев. Это и более молодое поколение — В. Честноков, А. Соколов, И. Горбачев, П. Крымов, О. Лебзак, Л. Штыкан. Это и совсем юные — Е. Миллер, А. Волгин, Б. Тетерин, артисты, пришедшие в последние годы...

Труппа Театра имени Пушкина способна создавать образцовый репертуар. И если это не всегда случается, то причину надо искать либо в недостатках драматургии, либо в неточности режиссерского прочтения пьесы.

Те спектакли, о которых пойдет речь, мы без колебаний причислим к удачам театра.

«Потерянный сын» А. Арбузова вызвал особое недовольство театральной критики. Автор назвал свою пьесу мелодрамой, и критики хором воскликнули: какое «снижение» после «Иркутской истории»! Как будто при желании нельзя и «Иркутскую историю» назвать мелодрамой.

В «Потерянном сыне» много такого, что ни на минуту не оставляет вас равнодушным.

В коллизиях пьесы — назовем ее все-таки скорее драмой с комедийным финалом, а отнюдь не мелодрамой — есть и точные, верные мысли и живые люди, любящие, заблуждающиеся, разочаровывающиеся и вновь очарованные любовью, ясностью жизненных перспектив... В этом спектакле все находятся в тонких внутренних взаимоотношениях.

Режиссер и постановщик спектакля А. Музиль раскрыл лирический подтекст пьесы, окрашенный часто драматической интонацией. Именно это и стало внутренней музыкой спектакля, стало удачей постановщика, всех исполнителей.

Прозвучал и другой спектакль — «Друзья и годы» Леонида Зорина в постановке Л. Вивьена и В. Эренберга.

Зорина иногда упрекают в рассудочности, в назидательности. Может быть, в чем-то справедливо. Но меньше всего относится это к его новой пьесе. Названная драматической хроникой (хотя скорее ее следует назвать драматической повестью), пьеса по-настоящему трогает. Показано в ней жестокое дыхание культа личности, стоящего над людьми, над страной. Дружба раскалывается, любовь сжимается и замирает, словно раковина жемчужины. Возникает,— как проклятие старого, дряхлого мира,— безверие, лживость, карьеризм, трусость, предательство...

Судьба то разбрасывает в разные стороны старых друзей, то вновь их собирает, сталкивает — иногда как чужих, иногда как врагов, нераскрытых, затаенных. И милая, робкая, хотя в чем-то всегда настойчивая девочка-подросток Надя — ее талантливо играет Л. Штыкан,— вдруг раскрывается умной, способной, но до чего же подлой и лживой женщиной, авантюристкой без чести и совести.

Пьеса заканчивается новыми временами. Рассеялись тучи, и люди стали раскрываться, а некоторые негодяи и разоблачаться. Сорвалась карьера блистательного «юриста» Надежды. Уделом ее стали семейные обязанности, объятия Куканова, тупого, безнадежного хама, человека с мелкой, завистливой душонкой. Его с точным прицелом играет К. Калининс.

И вот мы снова в том же городе, где впервые встретились с юными друзьями. Теперь побелели их виски. Но жизнь звучит и звенит в молодых голосах их детей. Жизнь продолжается... Надежды не умирают, вера остается. Финал пьесы немного элегичен, но перспективен: люди продолжают свой путь в будущее...

Мне кажется, что и постановщики и актеры достаточно глубоко разобрались в несколько сложной архитектонике пьесы Л. Зорина. Режиссура не стеснялась мрачного колорита некоторых сцен и весьма удачно высвечивала те места, где утверждается правда нашей жизни, наших принципов.

Бывали в последних сезонах Театра имени Пушкина и неудачные постановки. На этом основании некоторые критики проявляли повышенное беспокойство. Нам кажется, эти опасения были поспешными и неосновательными.

На театральной афише Ленинграда много интересного. Но мы ограничены местом и временем и не успеем везде побывать. Потому посмотрим в Театре комедии еще сатирический спектакль «...Опаснее врага». Авторы — Д. Аль и Л. Раков, режиссер — Н. Лившиц.

Сатирический спектакль «...Опаснее врага» активно, с большим интересом принимается зрителем. В какой-то мере он продолжает линию такой сатирической пьесы, как «Добряки» Л. Зорина, несколько лет назад поставленной в Москве, в Центральном театре Советской Армии.

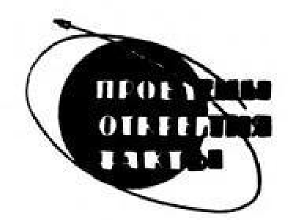
Многие актеры играют с блеском, с упоением, издеваясь над глупостью человеческой, которая и впрямь опаснее врага. Но смех — дело нешуточное: надо, чтобы сатирические стрелы поражали тех, против кого они направлены.

Сатирическая комедия часто проигрывает оттого, что в ней присутствуют «положительные» герои, являющиеся не чем иным, как персонификацией авторской боязливости. В самом деле, ведь Допетровский, директор института кефира, или ученый секретарь Хеопсенко, или Мальков, начальник кадров, вызывают гнев, возмущение. Здесь сатира бьет в цель! Все эти роли находят яркое актерское исполнение... Но авторы вдруг вводят в сатиру «поправочные коэффициенты» в лице постно-добродетельных «положительных» персонажей, абсолютно «бездейственных» и скучных. Присутствие их в обществе дураков не столько разоблачает последних, сколько компрометирует первых. Смешными и нелепыми становятся не только все эти Допетровские и Мальковы, но и самое учреждение, которое они возглавляют.

Постановке, а прежде всего пьесе «...Опаснее врага», недостает дыхания подлинной художественности, отсюда и все просчеты.

...Нетрудно заметить, что репертуар ленинградских театров достаточно разнообразен. Заметно и активное стремление театров к творческому сотрудничеству с драматургами - ленинградцами («Проводы белых ночей», «Рождены в Ленинграде», «У стен Ленинграда» и др.). Сейчас, более чем когда-либо, ритмично бьется пульс творческой жизни. В театры пришла и новая режиссура. Все это радостно.

Но если просмотреть театральные афиши хотя бы за последний год, мы все-таки мало найдем спектаклей, прямо отвечающих на зов современности, на желание зрителей видеть центральных героев нашей жизни, тех, кто определяет время и создает эпоху. Вот об этом стоит крепко подумать.

АВТОПОКРЫШКИ И КАЛОШИ ИЗ... ГРИБОВ

Съедобные грибы могут быть использованы не только в супе, пирогах или приправах. Как сообщили японские ученые из института ферментационных процессов в городе Тиба, из грибов можно получать такой же каучук, как из каучуконосных деревьев. Он не отличается от обычного сырого каучука ни по цвету, ни по другим качествам.

Как его добывать? Японские ученые высушивали и размалывали грибы в порошок. Затем обрабатывали его спиртом и ацетоном, в результате каучук растворялся и переходил в жидкое состояние.

У этого открытия есть, однако, крупные недостатки: выход каучука от общего веса грибов составляет всего лишь два с половиной процента. Беда заключается еще и в том, что съедобные грибы трудно разводить. И все же японские исследователи не отчаиваются. Они пробуют освоить выращивание не самих грибов, а их спор. По своей интенсивности процесс разведения спор грибов, очевидно, может конкурировать с выращиванием всем известной хлореллы.

Реально ли промышленное производство каучука из съедобных грибов, покажет ближайшее исследование.

НУ И ПУСТЬ ЛЬЮТ ДОЖДИ

Научный эксперимент, поставленный сотрудниками Всесоюзного института физиологии и биохимии сельскохозяйственных животных, способен был вызвать у не посвященного в суть дела человека естественное чувство протеста. В осеннее ненастье под открытым небом было насыпано несколько куч фуражного зерна: много десятков тонн...

Около зерна неотлучно дежурили контролеры. Дожди лили вполливную, влажность в кучах повышалась с каждым днем, а зерно оставалось свежим, без единого признака самосогревания или прорастания.

На 36-й день опыт был прекращен. Зерно отдали на корм жеребятам, которые по достоинству оценили «мужественное» поведение овса: все зернышки были подобраны до единого.

Но почему зерно не погибло? На этот вопрос отвечают инициаторы создания нового метода консервации зерна и силоса Макар Тимофеевич Таранов и Николай Александрович Шманенков.

У зерна был невидимый сторож — химия.

В очень небольшом количестве к зерну было примешано консервирующее вещество — пиросульфит натрия. Этот «сторож» выполняет сразу несколько работ: уничтожает плесень, грибки, гнилостные микроорганизмы. Одновременно он затормаживает в каждом зернышке развитие его зародыша. Целый месяц способен он охранять под дождем кучи зерна или зеленой массы. Это означает, что в напряженный момент уборки урожая, когда элеваторы не успевают справляться с поступающим зерном, часть зерна без опасения можно оставить дожидаться своей очереди под открытым небом.

Но это еще не все. Известно, что некоторые растения плохо силосуются, например, клевер. Новый консерват полностью изменяет положение. Он способен работать здесь в роли «сторожа» уже не один-два месяца, а многие годы.

Новый подарок химии — пиросульфит натрия — придется нашему сельскому хозяйству по душе.

И. ВОЛНОВ

Поль Вайян-Кутюрье

МАКС ЛЕОН,
французский журналист

ОН И СЕГОДНЯ С НАМИ

К 25-летию со дня смерти Поля Вайяна-Кутюрье

В 1937 году мы были еще слишком юными, чтобы знать Вайяна-Кутюрье, и даже когда Париж устроил ему грандиознейшие похороны, мы еще не знали всего о нем. Единственное воспоминание, сохранившееся в моей памяти об этом событии,— это огромные массы людей, которых Вайян объединил даже своей смертью. Тысячи и тысячи борцов Народного фронта, антифашистов. Я вспоминаю растянутые полотнища испанских знамен — люди бросали туда монеты в сто су — в знак солидарности с женщинами и детьми Мадрида, о муках которых говорил Вайян.

Я не знал лично Вайяна-Кутюрье при жизни и долгое время испытывал глубокое чувство сожаления и боль в сердце каждый раз, когда возникал его образ. Я вспоминаю о моей первой «встрече» с ним в 1942 году. Париж был оккупирован. Я еще был студентом и, хотя, как многие молодые люди, не понимал хода истории, чувствовал, что моя душа наполняется возмущением и во мне мало-помалу созревает желание сделать что-то... Присутствие гитлеровцев в Париже, их вмешательство в дела университета были для нас невыносимы. Приходилось следить за тем, что говоришь, прятать запрещенные книги. Фашисты перерыли библиотеки, и после их чистки множество книжных полок оказалось пустыми и сотни произведений были сожжены.

Случай, о котором я расскажу, также произошел в библиотеке Сент-Женевьев, что на площади Пантеон. В зале, куда из высоких окон падал серый свет, я любил проводить долгие часы, вслушиваясь в шорох страниц. Однажды — не знаю по чьему совету — я заказал целую стопку журналов «Кайе дю большевисм»[1]. Каждый миг я ждал, что появится офицер СС или полицейский в штатском. Мое сердце громко стучало. Тогда я и не представлял себе полностью, что может вызвать этот мой шаг: Компартия Франции была запрещена уже в течение трех лет, как и ее прошлые, настоящие и будущие издания. Я пытался принять самый естественный вид, но, видимо, мое волнение было очень заметным, так как рыжеволосая студентка, сидевшая напротив, не спускала с меня глаз.

Наконец библиотекарь пришел. Его лицо ничего не выражало. Он вручил мне огромный пакет с журналами. Я был ошеломлен.

Долгие часы я читал их с жадностью, как читают захватывающий роман. Это была история Народного фронта, драма чуть ли не ежедневной борьбы против опасности войны, против прихода фашизма к власти. Я не помню, какие именно статьи Вайяна-Кутюрье я обнаружил в этих старых изданиях «Тетрадей», но я помню, что эта встреча с ним, в то время, когда уже прошло пять лет после его смерти и когда нацистские патрули не только гасили свет в городах, но и душили мысль человека, эта встреча была для меня лучом солнца, словом друга, советом старшего брата. Возможно, эта встреча была решающей для моего будущего. Я вскоре вступил в подпольную группу комсомольцев, а затем в отряд партизан. В подвалах Латинского квартала, где мы собирались, звучали песни, слова которых были написаны на мелодии советских песен.

Накануне праздника 14 июля мы развешивали трехцветные знамена на деревьях Бульвара Сен-Жермен, мазали синей, белой и красной краской стены домов. Делали мы это ночью, почти бегом, чтобы избежать встреч с патрулями. Мы знали, что завтра прохожие будут вздрагивать от радости: Франция продолжает жить.

В этом был Вайян-Кутюрье, который вел нас дорогой славы, это был он, заявивший в октябре 1936 года: «Мы сохраним Францию, отважную Францию, приветливую, все понимающую, сияющую, ее народ, отличающийся большим тактом и вкусом. Мы сохраним Францию, которая не будет знать расизма... Мы сохраним эту Францию, потому что мы хотим спасти культуру. И поэтому мы обращаемся к интеллигенции, к молодежи, к ее боевому духу, к ее желанию «чтобы это изменилось», к ее чувству самопожертвования, к ее бескорыстию, чтобы заставить людей понять опасность и чтобы пытаться вместе с Францией поставить все в мире на свои места».

Гораздо позднее, спустя десять лет после его смерти, я встретился с живым образом Вайяна-Кутюрье в «Юманите», редактором которой он был с 1926 года до последних своих дней. И в дни радости и в дни бурь, в часы побед и тревог всегда находились люди — или корреспондент, или старый типографский рабочий,— которые воскрешали в памяти образ Вайяна-Кутюрье, его жизнерадостность, его феноменальную работоспособность, человечность, с которой он руководил редакцией и помогал советами молодым журналистам. Вместе с ними он склонялся над талером, следя за версткой, изменял заголовки, точнее формулируя призывы к рабочим Франции.

Марсель Кашен, говоря с нами о Вайяне-Кутюрье, с трудом скрывал свое волнение, порой и слезы. Он любил вспоминать, как его друг, будучи еще очень молодым, был в первых рядах борцов за создание Французской коммунистической партии на съезде в Туре. Своим блестящим и полным огня выступлением на съезде Вайян увлек за собой колеблющихся, на которых Блюм и другие раскольники оказывали давление. Именно он написал окончательный вариант декларации, утвердившей рождение партии.

«Съезд в Туре будет знаменовать историческое событие в жизни давно существующего и победоносного социализма Франции. Он заново укрепил среди нас идеи Маркса и Энгельса. Он применил их к задачам нового времени... Пусть наша партия станет многочисленной, сильной и дисциплинированной, руководителем своих борцов! Пусть в рядах Интернационала, возникшего на заре первых великих социалистических революций, она будет достойна своего прошлого! Пусть решения съезда в Туре станут высшим призывом для всего французского пролетариата!»

С 1920 года в течение 17 лет Вайян-Кутюрье активно участвовал в борьбе за дружбу со страной, созданной Лениным, против колониальных войн, он всегда был на стороне бастующих рабочих, уделял много внимания интеллигенции.

Он был замечательным журналистом и талантливым писателем, музыкантом и художником. Он был настоящим коммунистом, ненавидел войну и любил людей. Он принадлежал к числу тех, чьи дела и после их смерти продолжаются новыми поколениями. Его словами, его песнями мы провозглашаем свое отношение к человечеству, борьбе и социализму.

Его вера в человека была огромной: «Коммунисты провозглашают свободу личности. Они связывают эту свободу со свободой общества. Они освобождают личность. И чтобы помочь личности проявить себя, коммунисты не ограничиваются ожиданием: они строят новое общество».

Можно сказать, что его жизнь была постоянной борьбой за мир, за его обеспечение и сохранение. Он страдал от сознания того, что «немыслимое количество энергии и богатств» тратится на гонку вооружений. «Самое горячее желание народов,— говорил он,— это всеобщее и одновременное разоружение, за которое мы боремся, т. к. любое одностороннее разоружение означает обман».

Его призыв, выдвинутый более четверти века тому назад, не потерял своего значения. «Мы всегда готовы обсудить вопросы разоружения со всеми народами, со всеми теми, кто подтверждает готовность уважать свою подпись под статьями международного соглашения. Когда речь идет о сохранении мира, мы мало придаем значения общественному строю той или другой нации, к которой мы обращаемся. Мы не питаем ненависти ни к какой нации, ни к какой расе великой семьи человечества».

Это слова патриота, гуманиста, борца. Слова человека, который и сегодня в наших рядах.

[1] Теоретический журнал Коммунистической партии Франции. В настоящее время называется «Кайе дю коммунисм».

Заслуженная артистка МНР Н. Норовбанзад исполняет песню «Над просторами веет аромат». Ей аккомпанирует на народном инструменте лембе заслуженный артист МНР М. Дорж.
Фото Е. УМНОВА.

НА КОНЦЕРТЕ АРТИСТОВ МОНГОЛЬСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

«Встреча» — танец по монгольской легенде «Цветок-невеста». Исполняет ансамбль артистов музыкально-драматического театра.

ЛЕБЕДИНОЕ ОЗЕРО

Да, такое удивительное озеро есть в Литве. Его называют в обиходной речи лебединым озером, а официально — озером Жувинтас. Здесь крупнейшая в нашей стране колония гнездующихся лебедей-шипунов.

Встречая на озере восход солнца и любуясь закатами, я видел лебедок на гнездах и охраняющих их лебедей. Подвергался «психической атаке» старого самца, с угрожающим видом, шумом и плеском полубегущего, полулетящего прямо на нашу лодку. Лебедь-мать уплывала в камыши со светло-бурыми комочками отдыхающих на спине птенцов. Плавали перед нами стаи «холостяков» и «молодоженов», у которых на следующий год будут свои гнезда.

Лебединое озеро находится в густонаселенной части Прибалтики. Но гордых красивых птиц охраняют не только несколько человек из заповедника, а все жители. Они любят природу и берегут чудесную сказку жизни.

Н. НЕМНОНОВ
Фото автора.

КИПУЧИЙ АХИЛЛЕС

В. ВЛАДИМИРОВ

«Трио фон Мекк». Слева направо: П. А. Данильченко — виолончелист, В. А. Пахульский — скрипач, Клод Дебюсси — пианист. Редкий снимок из фонда Дома-музея П. И. Чайковского в Клину.

Этому редкому снимку восемьдесят два года. На нем фотограф Мишель Шембо запечатлел в 1880 году музыкальное трио, созданное Н. Ф. фон Мекк, известной любительницей музыки, поклонницей П. И. Чайковского.

Трио, существовавшее лишь несколько месяцев, нигде с концертами не выступало и служило только для домашнего музицирования. От него, конечно, не осталось бы никаких воспоминаний, если б не молодой человек, справа на снимке. Это Клод Дебюсси — впоследствии знаменитый французский композитор.

В то время Дебюсси было восемнадцать лет. В Россию он попал при случайных обстоятельствах. «...Я его выписала для летних занятий с детьми, — писала фон Мекк П. И. Чайковскому,— для аккомпанирования Юле для пения (Юля — дочь фон Мекк.— **В. В.**) и для игры со мною в четыре руки. Этот юноша играет хорошо со стороны виртуозности, техника у него блестящая...»

Н. Ф. Мекк неоднократно напоминала Чайковскому о своем «домашнем музыканте», называя его то «де-Бюсси», то просто «Бюсси» и даже ласкательно «Бюссик». Она находила, что он пишет «очень миленькие вещи», и предсказывала ему «хорошую будущность, потому что он предан своему делу всем существом и только им и интересуется в жизни».

Фотография «домашнего трио» была послана Чайковскому. Петр Ильич отвечал: «...У Бюсси есть в лице и в руках какое-то неопределенное сходство с Антоном Рубинштейном в молодости. Дай бог, чтоб и судьба его была такая же счастливая, как у «царя пианистов»...»

Юный «Бюсси» вскоре стал своим человеком в большой семье фон Мекк, дружил с ее сыном Николаем, который и называл музыканта кипучим Ахиллесом (второе имя Дебюсси было Ашиль).

В то время Франция знала русскую музыку очень поверхностно. В доме фон Мекк в России Дебюсси прежде всего познакомился с новыми произведениями Чайковского: фон Мекк показывала все, что выходило из-под пера великого композитора своему питомцу. «Он в восторге от Вашей музыки», — сообщала она Петру Ильичу. Это относилось к симфониям, операм и балетам. Дебюсси переделал для фортепьяно три национальных танца из третьего акта балета «Лебединое озеро», и они были изданы без упоминания его имени.

Трудно определить точно, какие именно еще русские композиторы были в числе «духовных отцов» рождавшегося таланта. Иные французские историки музыки считают, что симфоническая картина Бородина «В степях Средней Азии» послужила Дебюсси толчком к созданию «Иберии»; другие находят следы влияния Бородина в «Сентиментальном пейзаже». Некоторые указывают на фортепьянное сопровождение песен Бородина «Морская царевна» и «Спящая княжна», как на источник аккомпанемента к романсу Дебюсси «Игра воды» на слова Бодлера. Подчеркивают, что Н. Ф. фон Мекк писала карандашом на нотах переводы текстов романсов Бородина на французский язык — специально для своего «Бюссика».

Дебюсси восхищался Мусоргским, изучал мастерство инструментовки Римского-Корсакова.

У нас часто исполняются «Облака» из «Ноктюрнов» Дебюсси. Программа этой вещи, по словам самого автора, — «неподвижный образ небес с медленно и меланхолично плывущими облаками, уходящими в серой агонии, нежно оттененной белым светом...» Главная тема взята из фортепьянного аккомпанемента к песне Мусоргского «Окончен праздный шумный день».

Но при всем этом Дебюсси — глубоко национальный французский композитор. Достаточно послушать менуэт из «Маленькой сюиты», чтобы отчетливо представить себе чисто французский танец с его несколько наивным изяществом. Остроумная фортепьянная пьеса «Мандолина» возрождает в нашем сознании напевы парижских бульваров. Оркестровое «Празднество»,— несомненно, день 14 июля, годовщина взятия Бастилии, национальный праздник Франции, с шумной процессией, эффектным фейерверком и замирающим звуком шарманки.

Дебюсси был новатором. Он смело нарушал классические каноны. Он выводил из себя музыкальных консерваторов неожиданными диссонансами, странной сменой тональностей, мимолетными образами, расплывающимися, словно отражение в воде.

У нас в стране Дебюсси признан давно. В 1913 году он, став знаменитым композитором, вновь приехал в Россию, знакомую и близкую ему по дням юности. Все петербургские газеты сообщили о предстоящем концерте оркестра С. Кусевицкого под управлением Дебюсси с краткой ремаркой: «Все билеты проданы». В Петербурге Дебюсси встретили и проводили бурными аплодисментами. Газета «Русские Ведомости» сообщала, что в числе лиц, встречавших Дебюсси на вокзале в Москве, был Брюсов, приветственную телеграмму прислал Рахманинов.

Это было накануне первой мировой войны. А в марте 1918 года под разрывы снарядов немецкой «Большой Берты», калечивших Париж, композитор скончался почти в полном одиночестве.

«Из всех музыкантов «молодой Франции», — писала в некрологе «Русская Музыкальная газета», издававшаяся в Советской республике, — Дебюсси наиболее интересовал и привлекал русскую публику... Его поиски новых средств музыкального выражения роднят его с нашим Мусоргским, влияние которого на себя признавал сам покойный художник».

Встреча с болгарскими артистами

Впервые на гастролях в Советском Союзе будет выступать старейший театральный коллектив Болгарской Народной Республики.

Начало истории болгарского национального театра, носящего ныне имя Ивана Вазова, положила небольшая профессиональная труппа из Пловдива. Успешно выступив в Софии в 1887 году, она навсегда осталась там жить и работать.

Много лишений и невзгод пришлось преодолеть участникам софийской труппы, но, окрепнув в борьбе за существование, она сумела вписать не одну славную страницу в свою творческую биографию.

Талантливые артисты первого поколения болгарского театра всегда были тесно связаны с русской и советской культурой, все они воспитанники русских театральных школ. Талантливую Адриану Будевску, ученицу Ленского, окончившую училище Малого театра в Москве, по праву называли болгарской Комиссаржевской.

Очень много сделал для дальнейшего становления театра, для воспитания актеров ученик К. С. Станиславского и В. И. Немировича-Данченко талантливый актер МХАТа Н. Массалитинов. С 1925 года он работал главным режиссером Национального театра.

На сцене театра ставились пьесы Грибоедова, Горького, Корнейчука, Афиногенова — многих русских и советских драматургов. Для родного театра творят, конечно, и лучшие болгарские писатели. За последние 16 лет коллектив поставил 44 пьесы современных авторов.

Сейчас на сцену выходит новая смена артистов, зрелых мастеров болгарского искусства. Их и увидят москвичи на спектаклях в Кремлевском театре.

В. БЕЛЯКОВ

Сцена из спектакля «Глас народный». Рачко Ябанджиев в роли Тончо. Виолета Бахчеванова в роли Марии. Спектакль «Иван Шишман». (Правый снимок).

ПОЧЕМУ «К
уступает

Вл. ПАВЛОВ

Рисунки В. Черникова.

ХОЖДЕНИЕ ПО МУКАМ

Толчком к раздумьям послужила моя девятилетняя дочка.

Еще в то время, когда она попискивала в пеленках, я мечтал: вырастет — непременно будет заниматься спортом. Не затем, чтобы сменить на пьедестале Ларису Латынину и защищать цвета нашей сборной на международных соревнованиях (хоть, признаться, и этой мысли я был не чужд), а затем, чтобы стать здоровым и гармонично развитым человеком, сохранять при всех обстоятельствах бодрость духа и хорошее настроение и т. д. и т. п.— словом, вобрать в себя все то, что обещают врачи и энциклопедия всякому приобщившемуся к физкультуре человеку.

Разумеется, мне и в голову не приходило, что на пути к претворению моей мечты в жизнь могут встать неодолимые препятствия. А между тем случилось именно так.

Препятствие выросло передо мной в виде симпатичной немолодой уже женщины — тренера по гимнастике одного из московских спортивных клубов.

Голосом, в котором звучала отцовская гордость, я сказал ей, что соглашаюсь отдать свою дочь в гимнастическую группу.

— Что у вашей дочери? — деловито осведомилась тренер.— Откуда она?

— Как откуда? Перешла во второй класс... Обыкновенная девчонка.

С минуту моя собеседница разглядывала меня таким изумленным взглядом, какого не вызвало бы и появление в спортклубе марсианина.

— Вы хотите сказать, что ваша дочь не занималась в хореографическом училище?

— Нет... Не занималась...— растерялся я, чувствуя, что уличен в чем-то очень нехорошем.

— И не состояла в кружке фигурного катания?

— Нет, не состояла...

— Ну, тогда надежд никаких нет. Не стоит и приводить!

— Вот когда будешь таким, тогда приходи!

Потерпев фиаско в гимнастике, я решил попытать счастья в плавании. Выбор на этот вид спорта пал не случайно: один из крупных тренеров по плаванию — мой друг по войне, и тут — в этом я был уверен — отказа никак не могло быть.

Мой друг, когда я обратился к нему с просьбой, вскочил на ноги и в страшном волнении заходил из угла в угол.

— А плавать твоя дочь умеет?

— Нет. Ее надо научить.

— А когда она учится? Утром?

— Утром. В первую смену.

— Ты... Ты прости меня, пожалуйста. Если б она могла приходить в бассейн утром, я б сверх всяких норм, пожалуй, смог с ней позаниматься. А вечером нет, не могу... Ей-богу, не могу!..

— Но почему обязательно ты? Разве нет возможности устроить ее в группу к другому тренеру?

— Что ты, что ты! — замахал на меня руками мой друг.— Что ты, с луны свалился? Все забито до отказа! Мы принимаем только тех, кто умеет плавать, и то с большим выбором...

Один стадион или десять спортплощадок!

Между директором одного из предприятий Днепропетровска и руководителем коллектива физкультуры Николаем Елисеевичем Ламышевым произошел спор.

Директор говорил:

— Мы в состоянии развить нашу спортивную базу. Мы можем построить зимний плавательный бассейн, отличный стадион с раздевалками, тренировочными залами, душевыми...

Ламышев возражал:

— А по-моему, зимний бассейн нам ни к чему. В Днепропетровске зимы почти нет. Вполне можно обойтись открытыми бассейнами с подогревом воды. Зато вместо одного построить два. То же и со стадионом. Будет у нас большой стадион с трибунами — завладеет им наша футбольная команда да мастера-легкоатлеты. А вот остальным на стадион путь будет, по сути дела, закрыт. Так не лучше ли нам построить несколько площадок для тренировок? Зато дадим возможность заниматься всем желающим!..

С приходом Николая Елисеевича Ламышева в этот физкультурный коллектив все показатели, по которым обычно оценивают спортивную работу, значительно улучшились.

Все это достигнуто трудом общественных тренеров, подготовке которых в коллективе уделяют очень большое внимание, и энтузиастов спорта.

Казалось, чего еще желать — показатели хорошие, все довольны...

— И все-таки,— покачивает головой Николай Елисеевич,— могло бы быть гораздо лучше, если бы у нас была настоящая спортивная база! Меня, как только я появляюсь в цехах, прямо-таки осаждают юноши и девушки: «Запишите в секцию плавания, в секцию легкой атлетики, в секцию гимнастики!..» А я только руками развожу...

Да, для того, чтобы по-настоящему заниматься спортом, нужна база. Легкоатлетам — гаревая дорожка, место для прыжков в длину и в высоту, секторы для метания диска, копья, молота. Пловцам нужен бассейн, гимнастам — гимнастический зал с соответствующим оборудованием. Конечно, все это (кроме бассейна) в коллективе, где руководителем товарищ Ламышев, имеется.

Но и стадион (кстати сказать, весьма примитивный) и гимнастический зал не могут вместить и десятой доли желающих. К тому же здесь немало мастеров спорта и перворазрядников, которым надо больше заниматься, чтобы не потерять форму. Спортсменам второго и третьего разрядов и новичкам приходится тесниться.

В Днепропетровске есть лишь один зимний бассейн. Занятия в нем проходят до глубокой ночи.

У воды — и... без воды.

...чи. И уж, конечно, за получение воды в этом бассейне между тренерами, не прекращаясь, идет форменный бой. Что же удивительного, что даже на самых крупных предприятиях города секции плавания насчитывают всего по нескольку десятков человек.

Остальные любители этого вида спорта вынуждены довольствоваться самодеятельными занятиями на открытой воде, но добраться до нее в Днепропетровске так сложно и так долго, что можно навсегда потерять охоту плавать.

— Позвольте! — возразят мне.— В Днепропетровске — Днепр! Стоит пройти километр от центральной улицы — и, пожалуйста, ныряйте в воду!

В том-то и дело, что в Днепр можно нырнуть далеко не везде и далеко не всегда. Крупные промышленные предприятия Днепропетровска и Днепродзержинска сбрасывают в реку отходы, и в некоторых местах стоит выкупаться, и сразу же надо отправляться в баню. Подходящая для тренировок температура воды держится самое большее пять месяцев в году, В остальное время заниматься плаванием на открытой воде нельзя: холодно. Наконец, Днепр в Днепропетровске очень широк, весной и осенью на нем бывают настоящие штормы и бури, которые иной раз в течение нескольких минут в пух и прах разносят деревянные ограждения для тренировок по плаванию... И всякий раз их ремонт и восстановление обходятся в 1 200—2 000 рублей.

Выходит, в большом городе и на Днепре не обойтись без наливного бассейна. К тому же он быстро окупится. Именно поэтому спортивные руководители, которые, как и Ламышев, озабочены массовым развитием спорта и привлечением к занятиям как можно большего числа людей разного возраста, считают, что необходимо строить не уникальные сооружения, а небольшие спортивные площадки, открытые бассейны с подогревом воды. Тем более, что их можно построить руками общественности — физкультурников и молодежи, с незначительными затратами государственных средств.

И, следовательно, в споре с директором Ламышев прав.

К сожалению, и существующие спортивные сооружения используются далеко не всегда верно. Прежде всего потому, что они, как правило, принадлежат тем или иным коллективам физкультуры и члены этих коллективов пользуются ими в первую очередь, в то время как «чужаки» вынуждены довольствоваться неудобным временем, которое отпускается к тому же в гомеопатических дозах. Немалой препоной к более полной загрузке стадионов, водных станций, бассейнов и гимнастических залов служит и непомерно высокая арендная плата. За аренду стадиона, например, в некоторых городах нужно платить около девяти рублей в час.

ОРОЛЕВА»

престол

Гимнастический зал обходится в шесть рублей!

Занятия, как видите, стоят слишком дорого, и поэтому коллективы физкультуры арендуют стадионы и гимнастические залы не всегда и не для всех. Вот и получается, что лишь крупные коллективы могут обеспечить занятия своих членов в секциях легкой атлетики, плавания и гимнастики, да и то не всех, кто хочет заниматься этими видами спорта. Что же касается других, более мелких организаций, там этих возможностей почти нет.

Однако есть и другие причины, из-за которых спортом могут заниматься далеко не все желающие. Об этих причинах хочется поговорить особо...

Нужна ли такая «специализация»!

— Нет,— покачал головой заместитель херсонского областного совета спортивного общества «Авангард» Николай Кузьмич Лукашевич.— Нет. Насчет плавания, гимнастики, легкой атлетики и не спрашивайте... Вот насчет гребли на каноэ и байдарках,— пожалуйста. Тут мы короли!

Да, это именно так. Ни плавание, ни гимнастика, ни легкая атлетика не принадлежат к числу тех видов спорта, которыми смогли бы похвастаться на Херсонщине.

Официально считается, что уровень лучших спортсменов области по этим видам — в среднем первый разряд. Но, положа руку на сердце, такой разряд числится только на бумаге. А на соревнованиях вне области спортсмены херсонской команды показывают результаты куда более низкие: лишь немногие из них соответствуют второму разряду.

Зато в гребле на байдарках и каноэ херсонцы не имеют себе равных. Именно тут, в Херсоне, выросли такие знаменитости, как чемпионы Олимпийских игр, Иван Сотников, Иван Головачев, чемпион СССР Николай Конников, замечательные мастера Люба Синичкина, Екатерина Марченко, Юрий Зеленский, Владимир Земляков, Александр Куракин, Владимир Середов.

Многие мастера давно уехали из Херсона и нынче защищают цвета клубов и обществ в других городах. Тем не менее число первоклассных гребцов в Херсоне не уменьшается и даже все время возрастает.

В чем же дело?

В Херсоне, на одном из притоков Днепра — реке Конке, есть прямой участок длиной около трех километров. Участок хорошо защищен от ветра густым лесом, растущим по обоим берегам, и вода здесь всегда, как зеркало. Словом, лучшего места для соревнований по гребле не найти.

На Конке не раз мерялись силами сильнейшие гребцы Советского Союза. Каждое такое соревнование для Херсона — огромное событие. Весь город выезжает в эти дни на Конку. Победителей узнают на улице. И, разумеется, очень многие юные херсонцы, мечтая о лаврах чемпионов, берутся за весло...

Перечеркнули...

Все это, казалось бы, очень и очень хорошо...

Но и в этой бочке меда есть, оказывается, ложка дегтя! Республиканские организации требуют от херсонцев одного: дайте побольше мастеров спорта по байдарке и каноэ. Это главное, что от вас требуется. По остальным видам — пусть хоть трава не растет, а по этим — давай!

Республиканские организации при этом, видимо, рассуждают просто: «Пусть в Херсоне готовят гребцов для сборной. А легкоатлетов и гимнастов добудем в другом месте».

Таким образом, в Херсоне все внимание приковано к гребле. И детские спортивные школы, действующие в области, и лучшие тренеры — все служит этой задаче. Зато остальные виды спорта находятся в загоне. Ими занимаются «абы как», только для галочки в отчетах, а их, к слову сказать, заведено теперь столько, что штатные руководящие спортивные работники, фигурально выражаясь, не имеют времени оторвать голову от бумаги и посмотреть на занятия физкультурников...

Между тем нет никаких сомнений, что в городе и в области есть талантливые спортсмены и в других видах спорта. Примером тому может служить знатная уроженка Херсона замечательная гимнастка Лариса Латынина. Среди маленьких девчонок с косичками, которые заполняют сейчас единственный в городе гимнастический зал (кстати, оборудованный в плохо приспособленном помещении), и среди тех, которые не получили возможности ходить в этот зал, наверняка можно было бы отыскать достойную смену знаменитой землячке.

Но для этого нужно немало потрудиться, оценить возможности каждой из многих сотен и тысяч... Иными словами, надо, чтобы гимнастика (как и легкая атлетика и плавание) стала в Херсоне массовым видом спорта. Для этого херсонцам надо помочь. Помочь опытными тренерами, инвентарем, расширением базы... А помощи-то республиканские организации и не оказывают. «Готовьте гребцов, и с вас хватит! — видимо, рассуждают в этих организациях.— Если нужна для этого помощь,— пожалуйста. А в другом — не взыщите. Такая ваша планида!»

Главным критерием для оценки того или иного спортивного коллектива служит число подготовленных мастеров. С руководителя спортивного клуба почти ничего не спросят, если он не «дотянет» план подготовки третьих разрядов, слегка пожурят за недостачу второразрядников. Но пусть только попробует не обеспечить записанного в плане числа спортсменов, способных выполнить норму мастера!

В результате получается, что спортсмены низших и юношеских разрядов очень часто оказываются предоставленными самим себе, слабо совершенствуют мастерство и даже наиболее способные и многообещающие из них не замечаются вовсе или замечаются с таким опозданием, что по-настоящему овладевают техникой в возрасте для спорта предельном...

Мне кажется, что всего этого можно было бы избежать, если бы удалось избавиться от ненужной территориальной специализации и повсюду равномерно готовить физкультурников по всем видам спорта, как это делается во многих крупных городах, и если бы наши физкультурные руководители и лучшие тренеры уделяли больше внимания начинающим спортсменам.

x x x

Мы говорили здесь о причинах, задерживающих расширение массового спорта.

Разумеется, массовый спорт — это прежде всего здоровье наших людей, всестороннее и гармоничное их развитие. Однако оттого, насколько широко развернуто у нас физкультурное движение, зависят и спортивные успехи на международной арене.

В этой статье речь шла в основном о трех видах спорта: о легкой атлетике, плавании, гимнастике.

В международных соревнованиях во всех трех видах мы имеем бесспорные успехи.

Но если отвлечься от подсчета медалей, завоеванных в последнее время, мы увидим, что и в большом спорте не все благополучно.

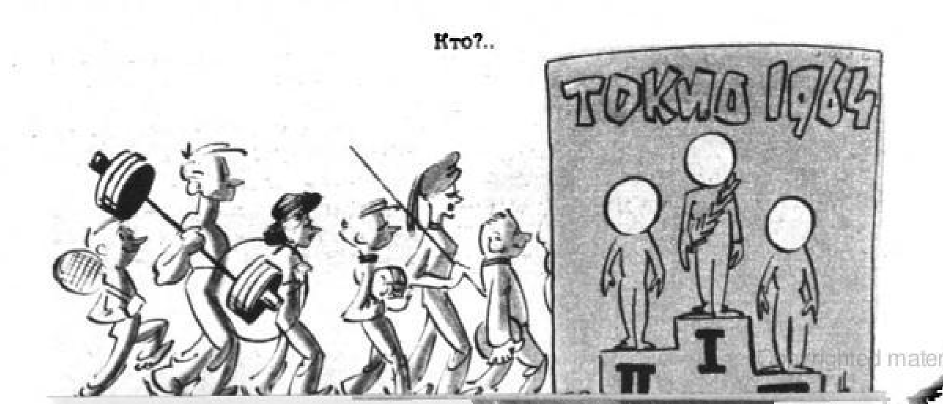
В легкой атлетике, признанной сердцевиной которой является бег, почти все наши бегуны на соревнованиях в Белграде показали весьма слабые результаты. Среди спринтеров не слышно новых имен — всё «старички». А ведь известно, что выдающиеся результаты в беге на короткие дистанции показывают, как правило, люди «золотого» спортивного возраста — в 21—24 года.

В плавании у нас нет спортсменов, которые могли бы достойно представлять нашу страну на подавляющем большинстве дистанций.

По гимнастике мы, правда, удерживаем мировое первенство. Но вплотную к нашим гимнастам приблизились спортсмены Японии, и вопрос «кто — кого» уже сейчас весьма спорен. Тем более, что начиная с 1958 года численность наших гимнастов сократилась почти на сто тысяч!

Нет никакого сомнения, что такое положение в большом спорте — прямое следствие слабого внимания к новичкам, к спортсменам среднего уровня. И чтобы не проиграть на предстоящих в Токио Олимпийских играх, надо уже сегодня позаботиться о расширении и упрочении этого резерва!

Кто?..

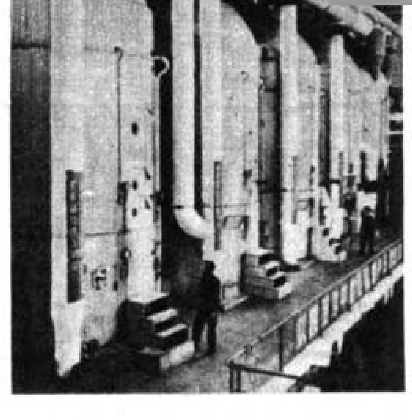
«Стоячие» места в одном из родильных домов Рима.
Фото Пэ и Сартарелли.

ПИКЕТЫ ЗАБАСТОВЩИКОВ возле аэропортов. И так в течение нескольких месяцев... Бортмеханики и наземный технический персонал компании «Истерн эр лайнз» отказались выйти на работу, пока не будут удовлетворены требования, предъявленные администрации. В ответ на забастовку компания уволила четыре тысячи человек. Самолеты «Истерн эр лайнз» поднялись в воздух, подготовленные к вылету штрейкбрехерами и со штрейкбрехерами на борту. Но борьба продолжается!

Фото из журнала «Юнайтед Стейтс ньюс энд Уорлд рипорт».

В КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ успешно развивается промышленность. Предприятия оснащаются современным оборудованием. Снимок, который мы публикуем, сделан в одном из цехов Цзянмыньского сахарного завода в провинции Гуандун.

Фото Синьхуа — ТАСС.

В НЬЮ-ЙОРКЕ, возле здания Организации Объединенных Наций, состоялась многолюдная демонстрация. Ее участники — кубинцы, проживающие в США. Они пришли к небоскребу ООН с лозунгами: «Руки прочь от Кубы!», «США должны заплатить за ущерб, причиненный апрельской агрессией».

Фото Пренса Латина — ТАСС.
(Снимок принят по радио.)

КОГДА ТАКСИ ОСТАНОВИЛОСЬ у ворот родильного дома, Ида Сугамосто и ее муж, рабочий-строитель, приехавшие в столицу из местечка Неттуно, что в сорока километрах от Рима, вздохнули с облегчением: «Теперь все будет в порядке».

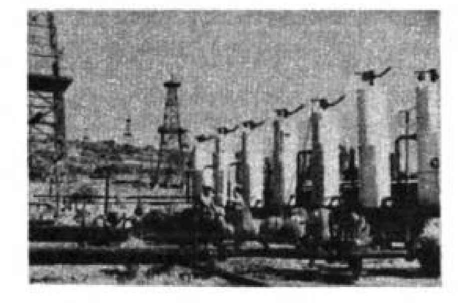
Но свободных мест не оказалось. Иде предложили только «стоячее» место, то есть ей предстояло стоя ожидать начала родов. После родов в ожидании свободной койки ей могли предоставить только носилки в коридоре. Супруги снова взяли такси, и лишь к вечеру удалось найти место в родильном доме. Такой случай не редкость в Италии. Вот что писала об этом одна итальянская газета:

«Мы имели возможность посетить родильный дом. Обстановка напоминает дни войны. Койки в коридорах, палаты, рассчитанные на троих, заставлены семью койками, койки стоят также в хирургических и других лечебных кабинетах, женщины лежат на носилках, стульях, в двух шагах от родильного отделения, откуда слышатся стоны и крики рожениц. Мы разговаривали с врачами и акушерками. Они все говорят одно и то же: «Так дальше продолжаться не может. К нам приезжают со всех концов страны. У нас имеется только триста коек, а требуется в два с лишним раза больше. Мы используем даже носилки».

Конечно, все это касается только бедных людей. Для богатых же есть частные, оборудованные по последнему слову техники клиники и родильные дома. Если бы Ида Сугамосто располагала двадцатью тысячами лир в день, она без труда получила бы место в отличной частной клинике.

Альберто ЯКОВЬЕЛЛО

Рим.

НЕФТЬ — НАЦИОНАЛЬНОЕ БОГАТСТВО РУМЫНИИ. В октябре страна отмечает День нефтяника. Агентство Аджер Пресс прислало нам фотографии, которые запечатлели труд и отдых румынских нефтяников. Первый снимок сделан на промыслах Болдешти, второй — в клубе завода нефтяного оборудования имени 1 Мая в Плоешти.

Короткое сообщение из Парижа: совершено нападение на представительство «Интуриста». Группа бандитов разбила булыжниками витрину и оставила листовку с грязными антисоветскими выпадами.

Мы позвонили в Париж. К телефону подошел представитель «Интуриста» во Франции тов. А. М. Дудин.

— Анатолий Михеевич, в момент, когда было совершено нападение, находился ли кто-нибудь из сотрудников в помещении?

— Нет, никого не было. Бандиты совершили налет ночью.

— Чьих рук работа — этот налет?

— Оасовцев. Листовка, которую мы обнаружили, начинается словами: «Секретная вооруженная организация бодрствует!» Подписана: «13-я зона».

— Удалось ли полиции обнаружить преступников?

— Насколько мне известно, пока нет. Полицейские были у нас, составили акт. «Фигаро» сообщает, что полицейский комиссар района Монмартр отдал приказ начать расследование.

— Ну, а как выглядит бюро после налета?

— Сейчас уже все хорошо. Стекло в витрину вставили, помещение привели в порядок. Работаем нормально.

— А дел хватает?

— Еще бы! Через наше представительство в этом году было оформлено более шести с половиной тысяч туристских поездок французских граждан в СССР.

— Ну что ж, желаем успехов. И пусть вам больше не мешают работать!

— Спасибо. Привет родной Москве.

«У НЕГО БЫЛ СРАВНИТЕЛЬНО СПОКОЙН

«Сравнительно спокойный день»...

Такую подпись к публикуемому нами снимку дало американское агентство Юнайтед Пресс Интернейшнл.

Джеймс Мередит, единственный негр — студент университета штата Миссисипи, под охраной солдат и судебных исполнителей несет белье в университетскую прачечную.

В этот день, 11 октября, сообщает ЮПИ, Мередит присутствовал на трех лекциях. Расистских нападений на этот раз не произошло.

У него был сравнительно спокойный день...

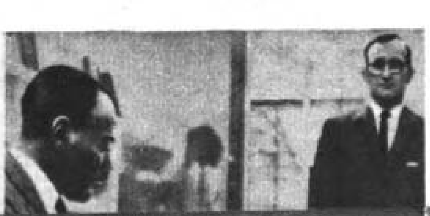

Армия США участвует в «операции Мередит».

А ТАК ВЫГЛЯДЯТ «НЕСПОКОЙНЫЕ» ДНИ...

Судебные исполнители доставили Джеймса Мередита на вертолете в Оксфорд.

Впервые в истории университета штата Миссисипи негр зарегистрирован студентом.

Баррикады расистских мракобесов на улицах Оксфорда.

«КТО СПАСЕТ ГЕРМАНСКУЮ МАРКУ?» — этот вопрос задает в одном из последних номеров выходящий в ФРГ журнал «Квик».

Сославшись на подсчеты экономистов, журнал пишет: «Наш уровень цен с 1950 по 1962 год поднялся почти на пятьдесят процентов, а покупательная способность марки упала на 33 процента. Следовательно, каждый год марка становилась на три пфеннига дешевле. И каждый год обещают, что инфляции не будет. Можно ли еще в это верить? Ведь если дело будет идти так же, то в 1970 году марка будет стоить самое большее 50 пфеннигов. Вопрос, мучающий каждого, кто думает о будущем: что нужно, что можно сделать против этого?»

«Квик», оказывается, знает рецепт. Он более чем прост. «Спасайте вашу марку сами!» — рекомендует журнал. Так сказать, спасение утопающих — дело рук самих утопающих.

«У вас есть шансы»,— внушает «Квик». Какие же? Журнал называет их.

Во-первых, можно скупать золото, во-вторых,— земельные угодья, в-третьих, — специальные серии почтовых марок. Поступайте так, и ваше будущее безоблачно!

Неплохо, считает «Квик», приобретать также акции. Правда, пишет журнал, «биржа переживает плохие времена», но «это не должно вас пугать».

Wer rettet die Deutsche Mark? Im Augenblick ist sie nur noch 66 Pfennig wert. Denn seit 1950 sank ihre Kaufkraft von Jahr zu Jahr. Wie soll das weitergehen? Niemand weiß es. Doch QUICK macht Ihnen einen Vorschlag:

Retten Sie Ihre Mark selber!

Seite 8

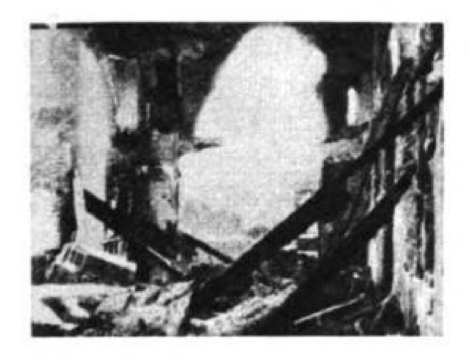
«Спасайте вашу марку сами!».

Есть и еще один способ: спекуляция на произведениях искусства. «Действовать нужно быстро: покупать и снова продавать,— поучает «Квик».— Как на скачках: ставьте на тот или иной стиль, на того или иного художника, рассчитывая, что он придет первым...»

Неизвестно, ринулись ли жители ФРГ скупать земельные угодья, полотна абстракционистов или почтовые марки, прочитав рекомендации «Квик». Но одно им, должно быть, стало ясно: рассчитывать на то, что правительство боннской республики решит их экономические проблемы и трудности, не приходится.

И сколько бы ни бодрился «Квик», в его рекламных призывах явственно слышится: «Спасайся, кто может!»

Г. ГУРКОВ

Взрыв потряс стены королевского дворца...

Жители столицы Йемена приветствуют ас-Саляля, главу республиканского правительства.

«САУДОВСКИЕ И ИОРДАНСКИЕ ВОЙСКА в Сааде и Марибе окончательно разбиты... Йеменская армия может отразить любое новое нападение на наших границах».

Эти слова принадлежат премьер-министру Йеменской Арабской Республики Абдалле ас-Саляль. Заявление он сделал 15 октября — на девятнадцатый день существования новой республики, которая, родившись, сразу попала в водоворот бурных событий.

В конце сентября взрыв потряс королевский дворец в Сане, столице страны, и вместе с его стенами рухнул феодально-абсолютистский строй йеменского государства. Пробудившийся Восток одержал еще одну победу. Демократические реформы республиканского правительства обеспечили ему поддержку йеменского народа.

Но соседние государства — Саудовская Аравия и Иордания,— где хозяйничают империалисты, вмешались во внутренние дела Йемена, послав свои войска на чужую землю и поддержав контрреволюционеров.

Так с первых дней своего существования молодая республика вынуждена с оружием в руках защищать себя.

На стороне йеменского народа — симпатии мировой общественности, которая приветствует его борьбу.

ЫЙ ДЕНЬ»

Белые лица, черные души. Звериный облик американского расизма.

Гражданская война через сто лет после прокламации Линкольна об освобождении негров?..

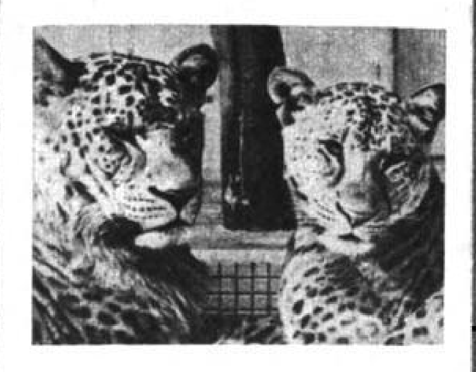

Фото ЮПИ.

Слово «леопоны» появилось в обиходе у зоологов три года назад — тогда же, когда появилось на свет потомство львицы по кличке Санока и леопарда Канио. «Леопонами» японский ученый Хироюки До назвал животных, полученных в результате необычного скрещивания. Этот интересный опыт впервые был проведен в токийском зоопарке.

НЕОБЫКНОВЕННЫЙ ГОРОД

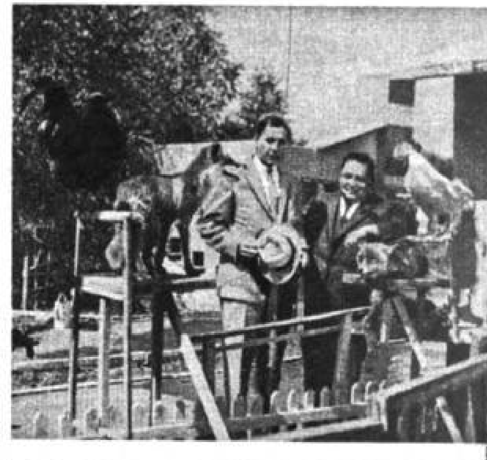
Под Москвой, недалеко от Шереметьевского аэродрома, среди молодого березняка, вырос удивительный город. На его просторных, асфальтированных улицах выстроились длинные кварталы красивых домов, городской кинотеатр, школа, больница, кафе, парикмахерская, «Гастроном» и железнодорожный вокзал с подъездными путями, тепловозом и вагонами. А прописались в этом городе животные: слон, белые мыши, бегемот, морские свинки, кенгуру, кролики, верблюд, морские львы, гуси, куры, пеликаны и даже пингвины, приехавшие из далекой Антарктики.

Над городом шефствует известный дрессировщик народный артист РСФСР Владимир Дуров. Он снимается со своими питомцами в фильме «Необыкновенный город» (киностудия имени Горького). О том, как иногда под натиском влиятельных рекомендаций у нас принимаются на работу недостойные люди, как эти люди разваливают порученное им дело и как их наконец снимают с работы «по собственному желанию», рассказывают авторы сценария Николай Эрдман и Николай Зиновьев. Ловкий делец Аблапошкин поступает на службу в Дуровский город администратором. Уезжает Дуров, и Аблапошкин вместе с предприимчивой женой устанавливает в городе свои порядки. Они занимаются взяточничеством, воровством. В городе царят бесправие, произвол, пьянство, возникает пожар. Не в силах мириться дальше с распоясавшимся администратором, жители Необыкновенного города с позором изгоняют Аблапошкина.

Можно представить, как трудно работать режиссеру В. Эйсымонту и оператору Д. Суренскому. Приученные к цирковому манежу, животные теряются в новых условиях, отказываются выполнять усвоенные трюки.

Вот спускается по лестнице гепард, подходит к Дурову и артисту Новикову, играющему Аблапошкина. Новиков на редкость естественно пугается гепарда. Так было на репетиции. Но стоило с треском лопнуть какой-то лампе, как картина в павильоне мгновенно изменилась: вся съемочная группа оказалась на высоких лесах, а перепуганный гепард забился в угол под декорацию. Много потом пришлось затратить труда и времени, чтобы снять этот эпизод!

Немало хлопот доставил и дрессированный бегемот, который снимался в роли школьного учителя. Как только пускали мотор съемочной камеры, бегемот убегал из кадра и прыгал в свой бассейн. Четыре дня снимали этот эпизод, пока наконец Дуров не включил магнитофон с бравурной музыкой. Бегемот почувствовал себя в знакомой цирковой обстановке, и кадр был получен.

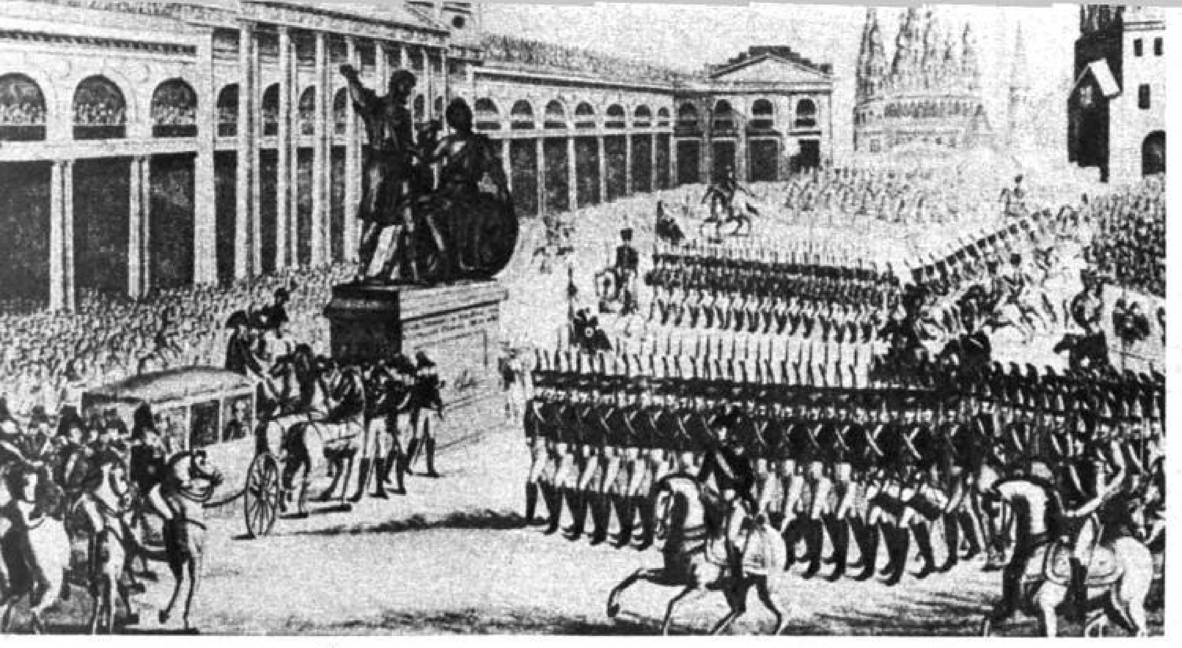
Капризничают звери, капризничает подмосковная погода. Только установят кадр, отрепетируют с животными — ушло солнце. Появилось солнце — исчезла лиса. Поиски «артистки», паника... В результате огорчение — пропажа цыплят в соседней деревне. Только на четвертые сутки голодная лиса вернулась в Необыкновенный город — к хозяину, к сытной пище.

Эпизод ночного пожара. Медведи-пожарные поднимаются по лестнице с ведрами, поливают из шланга горящее здание. Отснят первый дубль. Кому-то приходит мысль усовершенствовать установку света и лучше наладить пиротехнику пожара. И тут косолапые «артисты» закапризничали. Однако что поделаешь: кинематографисты настойчиво требуют повторения! Снова в темноте вспыхивают прожекторы, снова «горит» здание и громко звучит голос режиссера: «Мотор!» Медведи поднимаются по лестницам и неожиданно для всех начинают поливать водой сидящих около камеры. «Артисты» добились своего: съемка была прекращена и возобновилась в следующий раз.

Н. КУЗНЕЦОВА,
студентка факультета журналистики МГУ

Фото В. Комарова.

ПЕРВЫЙ ПАМЯТНИК В МОСКВЕ

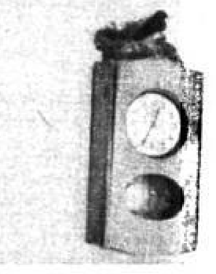
В Москве, на Красной площади, стоит памятник героям освободительной войны 1612 года Минину и Пожарскому. Этот монумент — первый скульптурный памятник в нашей столице, сооруженный в 1818 году. Первоначально памятник установили в центре Красной площади, а в 1930 году его передвинули к храму Василия Блаженного.

Воздвигнуть монумент Минину и Пожарскому предложил в 1803 году литератор, ученик и последователь Радищева — Василий Попугаев. Воплотить эту идею взялся известный скульптор Иван Петрович Мартос. Он в 1804 году разработал первый вариант памятника. По замыслу автора, Минин и Пожарский должны были стоять. Однако в дворянских салонах выступили против такого решения: «Как можно, чтобы «мужик» Минин, словно равный, стоял с князем Пожарским?!» И скульптор изменил свою композицию — «усадил» князя. Портреты Минина и Пожарского не сохранились. Поэтому И. П. Мартос создал типические образы русских людей того времени. На постаменте монумента надпись: «Гражданину Минину и князю Пожарскому благодарная Россия лета 1818».

Торжественное открытие памятника состоялось 20 февраля 1818 года. На Красной площади был устроен парад гвардии. «Все войско при звуке огромной музыки проходило скорым маршем, сперва пехота, а потом кавалерия». Судя по описаниям современников, открытие памятника переросло в настоящий народный праздник: «Во время сего торжественного обряда стечение жителей было неимоверное: все лавки, крыши Гостиного двора, лавки, устроенные нарочно для дворянства около Кремлевской стены, и самые башни Кремля были усыпаны народом, жаждущим насладиться сим новым и необыкновенным зрелищем».

Р. СИДЬКО,
научный сотрудник Музея истории и реконструкции Москвы.

ЛАСТОЧКИНЫ КВАРТИРЫ

Где только не селятся ласточки! Их гнезда можно обнаружить в самых неожиданных местах. Вот что рассказывают в письмах Н. Яров (Тбилиси), В. Вольф (Кустанай), П. Алексеенко (Ставропольский край), Н. Филиппов (Хабаровск).

Весна пришла с запозданием в Сартичальский молочно-овощной совхоз, Грузинской ССР. Пара ласточек влетела в кабинет зоотехника-бригадира и уселась на часах-ходиках. Это место птицам очень понравилось. Ласточки построили здесь гнездо и под тихую музыку «тик-так, тик-так» вывели своих птенцов.

На берегу реки Улу-Жиланчик стояла палатка буровиков и взрывников. В ней висела брезентовая куртка и шапка-ушанка. На этой шапке ласточки свили гнездо и вывели в нем птенцов. И хотя в палатке жили шесть человек, работавших в Тургайской геофизической партии, ласточки никого не боялись. Конечно, иногда куртка была необходима для работы, но никто и не думал снимать ее с гвоздя, чтобы не потревожить птиц. Ласточки прожили в палатке до самого отлета на юг.

А вот гнездо над электрической лампочкой, под самым потолком. По вечерам на яркий свет слетается множество насекомых, и птицы ловят добычу у самого своего домика.

На пристани Амурск тоже есть ласточкино гнездо рядом с электрической лампой. На Амуре ночи, особенно в конце мая и начале июня, прохладные, а для выведения потомства требуется тепло. Чтобы по ночам не особенно беспокоил свет, ласточки сделали вход с коридором.

ВИЗИТНЫЕ КАРТОЧКИ ГОСТИНИЦ

Лет пятьдесят назад в известной немецкой фирме «Зингер» служил коммивояжер. Много пришлось ему ездить по свету. И каждый раз он привозил чемодан, весь оклеенный разноцветными ярлыками. Наклейки гостиниц, где останавливался коммивояжер, составляли «карту» его странствий. К концу своей жизни он имел 300 чемоданов, на которых было несколько тысяч гостиничных наклеек. Видимо, этот коммивояжер и положил начало новой области коллекционирования — кофрокартии. Это слово состоит из немецких Koffer — чемодан и Karte — карта.

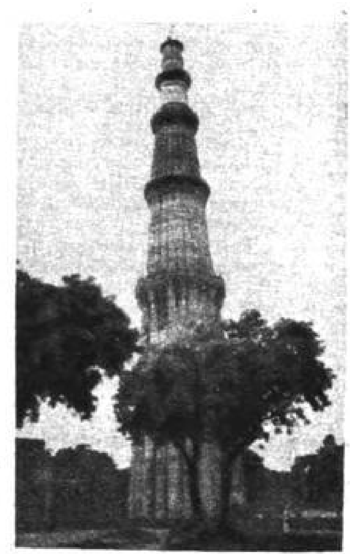
Казалось бы, что интересного можно узнать, собирая ярлыки гостиниц? Оказывается, очень много! Наклейки гостиниц рассказывают о национальном искусстве и традициях народов, напоминают о малоизвестных интересных фактах. Много таких наклеек есть и в моей коллекции.

Мне дорога визитная карточка отеля «Принц Джордж» в Нью-Йорке. Здесь в 1935 году останавливались известные писатели-сатирики Илья Ильф и Евгений Петров. И. Ильф в своих письмах упоминает об этом: «...мы поселились в старомодном отеле «Принц Джордж, где много добрых негров прислуги...»

На наклейке отеля «Эль Мансур» в Касабланке изображена фреска, рассказывающая о борьбе марокканского народа с рыцарями-завоевателями в средние века. Эта наклейка выпущена в 1960 году в Марокко, сбросившем иго колонизаторов.

Я рассказал лишь о двух наклейках. А сколько еще таких интересных визитных карточек гостиниц!

Ю. ШАКОВ
Москва.

379 СТУПЕНЕЙ

От центра Дели довольно далеко до знаменитого минарета Кутаб, или Кутб-Минар. Минарет сложен из красного песчаника и поднимается стройной, суживающейся кверху колонной, украшенной надписями, на 72 метра. Это — самое высокое из известных нам зданий, построенных без фундамента. 379 ступеней ведут на его верхний, пятый, этаж. Минарет получил свое название от имени султана, заложившего его в память своей победы над индийским раджей. Его постройка была закончена в 1208 году.

Н. СУШКИНА,
профессор МГУ.

СМЕРЧ НА МОРЕ

Предлагаю вниманию читателей снимок В. Отрощенко, которому удалось запечатлеть смерч у берегов Гурзуфа.

В. ИВАНОВ
Ленинград.

ЗМЕЯ-ЛОЗА

Посмотрев на этот снимок, вы скажете: змея обвила дерево. Но в действительности это высохшая обломанная лоза дикого винограда, сфотографированная в тайге, недалеко от Владивостока.

А. РАУТ
Владивосток.

ГРИБ-МОСКВИЧ

В Москве, в Останкине, стоит столетний дуб. Под ним я нашел белый гриб причудливой формы. Весил он 600 граммов.

Н. МАГАРКО

СЛУЧАЙНЫЙ ГОСТЬ

В центре Ленинграда, в реке Карповке, мы поймали большого лосося. Вес его оказался 8,5 килограмма, а длина — 1 метр. Лосось — морская рыба. В Карповку он попал случайно.

В. ПИНЧУКОВ
Ленинград.

КЛАД МОНЕТ

При земляных работах в Саратове найдена глиняная кубышка. В ней находилось свыше трех тысяч серебряных монет XVII века.

Е. МАКСИМОВ,
заведующий отделом истории областного музея краеведения.

В АДРЕС ОГОНЕК МОСКВА

ЛЕСТНИЦА В УЩЕЛЬЕ

В ущелье реки Марухи, на Северном Кавказе, я обнаружил каменную лестницу из диабаза, созданную природой. Вот как она выглядит на снимке.

В. ЖУГАН

Ставропольский край, поселок Уруп.

Наш корреспондент показал этот снимок доктору геолого - минералогических наук В. И. Гоньшаковой. Она сказала: «Многие миллионы лет тому назад на поверхности Земли застывала лава, в которой возникали скрытые трещины. Застывшие массы лавы разбивались на глыбы самой различной формы, например, в виде лестниц, подушек, шаров, прямоугольников и столбов. Такие образования характерны для диабазов и базальтов. Они встречаются на Кавказе, Урале, в Сибири и в других местах нашей страны».

Почему мы так говорим

И. УРАЗОВ

ШАТЕР

«Придоша к Киеву и сташа шатры противу Киеву, по лугови» (Лаврентьевская летопись за 1151 год). Летописи часто рассказывают о походных шатрах: «и седе Святополк со своею дружиною, а Володимер со своею в едином шатре» (1103 год). Две княжеские дружины в одном шатре!

Шатры известны с древности. В походах полководцы, князья и цари были окружены почетом. На Востоке, защищая царей от солнца, несли над ними — если пользоваться нашим словом — зонтик. Шатры служили той же цели: защите от солнца. В сущности, «шатер» и значит «зонтик». Это — персидское «чатр». Арабы произносили чужеязычное слово, как «джатр» и «шатр», откуда и дошедшее до нас «шатер».

УЛЮЛЮКАТЬ

Улюлюкают обычно охотники при травле зверей. Словарь русского языка С. И. Ожегова сообщает еще один смысл «улюлюканья»: «Открыто и злобно глумиться над кем-нибудь». У слова этого довольно почтенный возраст. Оно ровесник древнего Рима. «Улюла» — по-латыни «сова». Характерный крик совы дал глагол «улюларе» — выть по-совиному. В 1658 году великий чешский педагог Ян Амос Коменский выпустил книгу «Мир в картинках», в которой нашло место и слово «улюлюкать».

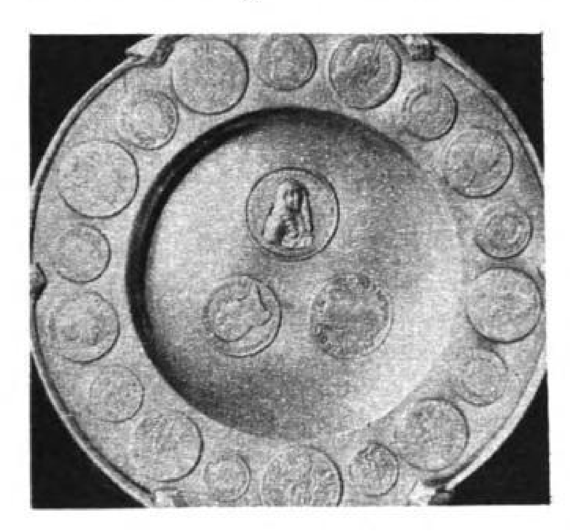
ПАРА

Происхождение этого слова? В основе лежит латинское «пар» — «равный», «одинаковый». Оно имело значения «сверстник», «собутыльник», «супруг». Этот смысл равности сохранился во всех языках, имеющих слова, образованные от «пар»: в итальянском, немецком, французском, английском (например, «пэр» — при феодализме равный по положению, привилегированный дворянин). С немецкого заимствовал польский, откуда слово перешло к нам.

Международное «паритет» (равенство сторон) тоже образовалось от этого латинского слова.

По-немецки существительное «пар» значит «пара» и употребляется, когда имеют в виду одинаковые две вещи: перчатки, чулки, серьги, обувь, погоны, глаза, лошадей в парной упряжке и т. п. Русский язык всегда сохранял это значение «парности», одинаковости двух объединенных предметов. Конечно, «пара» не заменяет слова «несколько».

ПРИЧУДЫ ЛЖЕНУМИЗМАТА

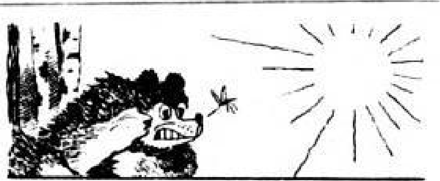
Это серебряное блюдо с впаянными в него старинными монетами и медалями я приобрел у одного коллекционера. Некоторые из этих монет и медалей довольно редкие. Здесь экю 1788 года французского короля Людовика XVI, впоследствии казненного французским народом; талер 1800 года Франца II; два гульдена Фридриха III Бранденбургского 1689 года и другие.

Блюдо изготовлено, видимо, по заказу какого-то лженумизмата.

З. ПРОХ

Киев.

КОРОТКИЕ БАСНИ

М. ЗАХАРОВ

МЕДВЕЖЬЯ ЛОГИКА

Укусил медведя комар. Прямо в нос. Задумался медведь, заворчал: «Ну и времена настали!.. Счастливая жизнь, нечего сказать! Комарье проклятое! Всех бы насекомых передушил! Да и земноводных заодно! А млекопитающие?! Тоже хороши! Ишь, уши развесили, шерсть отпустили... Лес называется! Тоже мне деревья! Скажите, пожалуйста, птицы какие! Крыльями размахались. Думают, если они в воздухе — так их не тронь... Ну и воздух! Атмосфера! Дышать нечем! А земля-то! Земля! Планета, видишь ли! Курам на смех! Гнать ее с орбиты — и весь разговор! Ишь, вокруг солнца забегала! Нашла себе светило недоразвитое... Только по галактике и слоняется... Да разве это галактика?.. Разве такие галактики бывают?! Расформировать ее надо! И не пускать во вселенную! Тоже мне вселенная нашлась! А что в ней, во вселенной, хорошего?.. Один приличный медведь на все мироздание!»

ГРАЧ-ПЕРЕСТРАХОВЩИК

Только кукушка прокуковать собралась, грач тут как тут.

— Ты что, милая, с ума сошла? Тебя кто просил?

— А разве нельзя? — удивилась кукушка.

— Можно, но незачем.

Обиделась кукушка, полетела к глухарю.

— Разрешите прокуковать?

Задумался глухарь.

— Сколько раз, конкретно?

— Ну, раз пять-шесть.

— Много. Незачем столько.

Затосковала кукушка. Нестись перестала. Аппетит пропал. Вдруг ни с того ни с сего сам грач заявляется.

— Поздравляю! Очень рад за тебя!

Остолбенела кукушка, ничего понять не может, а грач хохочет, довольный.

— Не знаешь разве? Вчера вечером львица супруга своего по шерстке гладит да говорит, играючи:

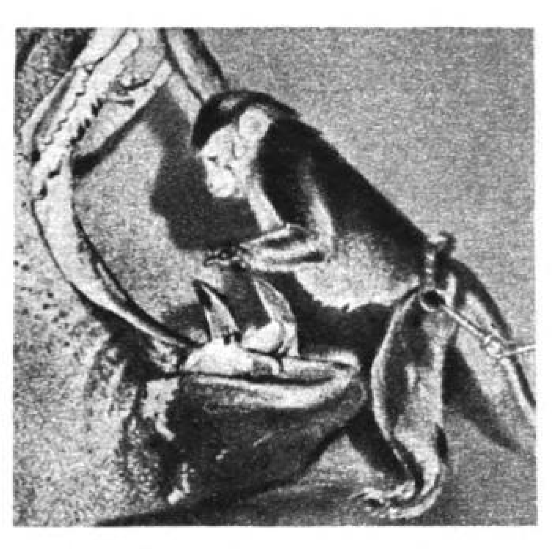
«Ку-ку, Левушка!»

А он ей в ответ:

«Кстати, чего это кукушку не слыхать? Куда они все подевались?»

Стало быть, валяй, хоть до самого утра и без остановки!

ЗУБОЧИСТКА — МАКАКА

В зоологическом саду города Эвансвилл (США) живут макака по имени Башфуль и гиппопотам по прозвищу Гиппи. Как только Гиппи съедает положенный ему паек, к нему тотчас подбегает Башфуль, влезает в его пасть и услужливо очищает зубы своего друга от остатков пищи. Гиппи давно привык к этому и всегда ожидает после еды свою «зубочистку».

П. ГУРСКИЙ

Москва.

ИСКУССТВО НА МАРКАХ

В Китайской Народной Республике выпущена серия из восьми марок, посвященная известному артисту пекинской оперы Мэй Лань-фану (1894—1961). Полюбился зрителям Мэй Ланьфан за исполнение женских ролей. Здесь помещена репродукция марки, на которой изображен Мэй Ланьфан в роли Юй в спектакле «Разлука Ба Вана с супругой».

ЧЭНЬ ЧЖУН-ЧЭН

Шанхай.

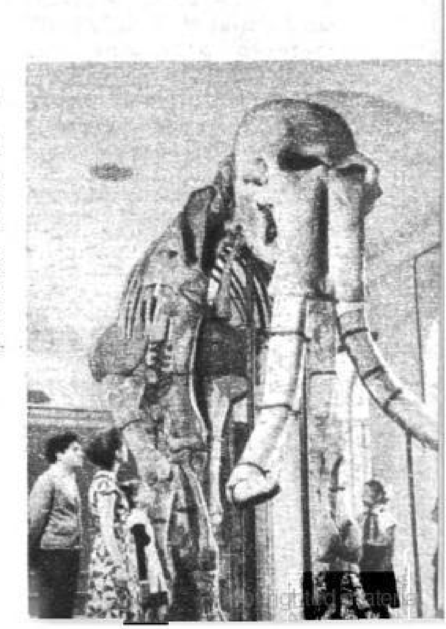
СКЕЛЕТ ГИГАНТА

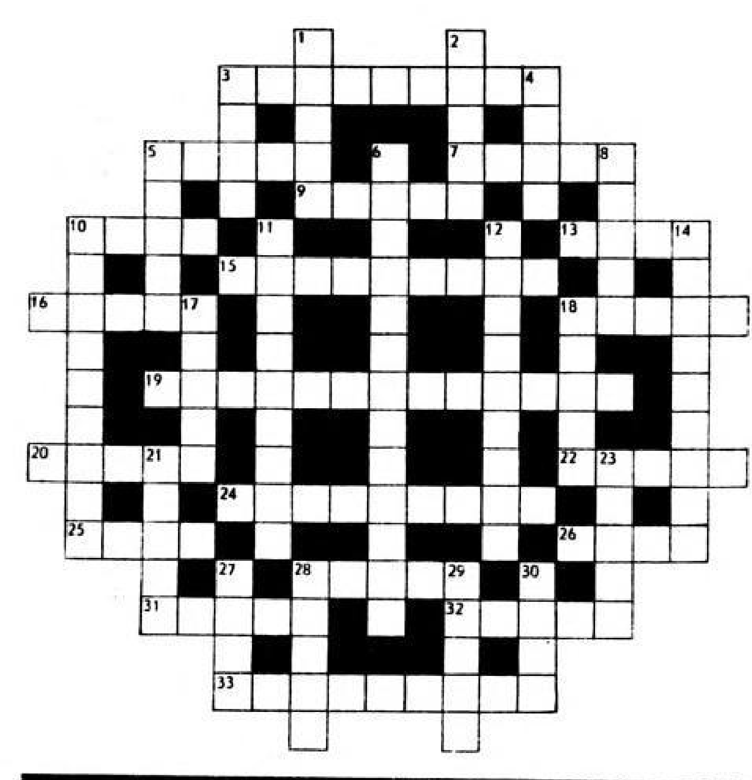
В одном из песчаных карьеров Ставропольского края бульдозерист Н. Гузеев обнаружил кости гигантского животного. Их извлекли и отправили в Ленинград, в Зоологический институт АН СССР. Около двух лет под руководством известного палеонтолога В. Е. Гарутта велись работы по реставрации огромного скелета. Сейчас он полностью восстановлен и экспонируется в Ставропольском краеведческом музее. Это скелет южного слона, обитавшего на территории края более миллиона лет назад.

Южный слон является предком мамонта и превосходит его по размерам. Высота скелета равна 4 метрам, длина — 5,5 метра, а длина бивня — более 3 метров. Пока в мире обнаружено только четыре наиболее полных скелета этого животного. Они экспонируются в Париже, Ленинграде, Тбилиси и теперь — в Ставрополе.

В. ГОСДАНКЕР,
заместитель директора Ставропольского краеведческого музея.

Фото П. Махонского.

КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Спортивное соревнование. 5. Цвет краски, оттенок. 7. Морское беспозвоночное животное. 9. Узкая полоса, линия. 10. Ткань. 13. Математический знак. 15. Огородное растение. 16. Машина для уплотнения грунта. 18. Стадо овец. 19. Автор картины «Торжковская крестьянка Христиния». 20. Стиль плавания. 22. Безлесное пространство. 24. Город в Молдавии. 25. Опера Дж. Верди. 26. Мелкая разменная монета ряда стран. 28. Советский композитор и дирижер. 31. Электрод. 32. Вид топлива. 33. Единица длины.

По вертикали:

1. Сильный вихрь. 2. Река в Архангельской области. 3. Небольшая лодка. 4. Духовой инструмент. 5. Питательный напиток. 6. Русский поэт и ученый XVIII века. 8. Силач. 10. Помост, площадка. 11. Сосна, растущая на Дальнем Востоке и в Сибири. 12. Государство в Южной Америке. 14. Птица, обитающая на лесных опушках. 17. Бег по пересеченной местности. 18. Минерал, разновидность агата. 21. Искусственный водоем для рыбы. 23. Многократное быстрое чередование двух смежных звуков. 27. Стихотворение М. Ю. Лермонтова. 28. Порт на Балтийском море. 29. Граница. 30. Пушной зверек.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 42

По горизонтали:

3. Горностай. 9. Эстакада. 10. Эпицентр. 11. Тент. 12. Викторина. 13. Томь. 14. Поплавок. 17. Конгресс. 19. Ванилин. 20. Яковлев. 21. «Охотник». 25. Рисунок. 27. Челюскин. 29. Фантазия. 31. Пони. 32. Космодром. 33. Агат. 34. Горельеф. 35. Виктория. 36. Ставангер.

По вертикали:

1. Мордвинов. 2. Шампиньон. 4. «Огородник». 5. Астероид. 6. Тантал. 7. Гектар. 8. Стамеска. 15. Автобус. 16. Каренин. 17. Кирхгоф. 18. Гимнаст. 22. Хлебороб. 23. Буффонада. 24. Бригадир. 25. «Риголетто». 26. Калорифер. 28. «Юбилей». 30. Анатом.

На первой странице обложки: Зина Кошелкина — птичница опытного хозяйства Северного научно-исследовательского института животноводства Целинного края. С тремя подругами Зина выращивает более 15 тысяч уток.

На последней странице обложки: На птицеферме Северного научно-исследовательского института животноводства Целинного края.

Фото М. Савина.

ИТАЛЬЯНСКИЕ МОДЕЛЬЕРЫ ПРЕДЛАГАЮТ...

Недавно в Москве состоялась 2-я Итальянская выставка моделей одежды. (Первая была в 1957 году в Киеве и Ленинграде.) Около ста различных фирм и ателье прислали свои вещи.

Манекенщица Даниэлла демонстрирует туалеты дома моделей Капуччи.

— Для Капуччи,— говорит нам Вивиана Киланти, технический директор и организатор выставки,— не существует традиции моды, он модельер будущего и, если можно так выразиться, абстракционист.

Мы смотрим на его модели и убеждаемся в этом.

Широкое полотнище — не то плащ, не то шарф — окутывает всю фигуру и голову, под ним сильно декольтированное со спины и совсем закрытое спереди платье. И плащ и платье из тонкого шерстяного трикотажа... В этом же роде еще несколько моделей.

А вот прелестная Даниэлла — прошлогодняя Мисс Италия, победительница конкурса красоты, ныне известная киноактриса — демонстрирует новый туалет. Платье из шерстяного трикотажа, затянутое вверху, очень широкое внизу, черное, отделанное белой полосой. Зрители дружно аплодируют — язык мод понятен без переводчика. Такое годится, как говорят, и в пир, и в мир, и в добрые люди.

— Какие линии, по-вашему, будут модными в этом сезоне? — обращаемся мы к госпоже Киланти.

— Юбки чуть длиннее, чем прежде, и пошире книзу,— говорит она,— талии покороче. Цвета, как всегда, черный с белым, кроме того, изумрудный, рубиново-красный, серый. Несколько рискованное сочетание синего с зеленым... Обратите внимание на прически. Теперь наши модницы отпускают косы — стрижка уже устарела. Вот последняя модель, называется — «Удар ветра». Ее создал самый популярный, самый молодой парикмахер в Италии Клаудио Павони. Волосы подняты, собраны в крупные локоны, как греческий шлем.

— Были ли вы в нашем, московском Доме моделей?— спрашивает кто-то у г-жи Киланти.

— Да,— отвечает она,— ваши модельеры очень тонко уловили все современные линии. Только жаль, что они совсем не используют национальных мотивов в туалетах.

Нам тоже жаль. Кстати, этот упрек можно адресовать и итальянским законодателям мод.

Показ моделей закончился. Зрители обмениваются замечаниями, впечатлениями. А девушки за кулисами снимают дорогие меха и шелка, огромные шляпы, вычурные туалеты и делаются скромными и милыми, такими, каких мы полюбили по итальянским кинофильмам.

Т. НИКОЛАЕВА
Фото Е. Умнова.

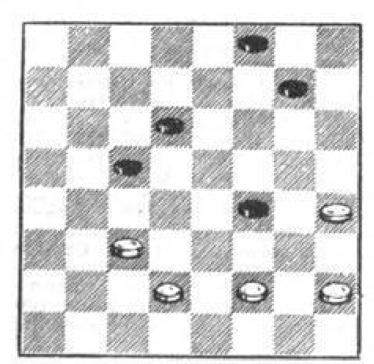
После выступления «Огонька»

«ЗА ГЛУХИМИ СТАВНЯМИ»

Под таким названием была опубликована в «Огоньке» в № 13 за 1962 год корреспонденция об изуверствах сектантов в Краснодарском крае. Позднее журнал выступил со статьей «Ставни настежь!» («Огонек» № 31), в которой говорилось о борьбе общественности Краснодарского края с сектантами.

Недавно читатель «Огонька» К. В. Сапожков сообщил, что в Доме культуры станицы Спокойной состоялся суд над сектантами супругами Лазаревыми, продержавшими десять лет на цепи своего сына. На процессе присутствовало 500 человек. Изуверы наказаны. З. П. Лазарев осужден на два года лишения свободы, А. Л. Лазарева — на три года. Приговор встречен с большим одобрением жителями Спокойной.

Под редакцией мастера
Г. Я. ТОРЧИНСКОГО
концовка
И. КАЧЕРОВ (Кишинев)

Белые начинают и делают ничью.

Решение концовки А. Виндермана, помещенной в № 40 «Огонька».

1. c3—d4! f4 : h2 (если 1... e5 : c3, то 2. g3 : g7 c3—b2 3. c7—b8 b2—c1 4. g7—f8 и выигрывают) 2. f2—g3!! e5 : c3 (h4 : f2 или h2 : f4) 3. c7—d8 h4 : f2 (или h2 : f4) 4. d8 : b4! и выигрывают. После 3... h2 : f4 4. d8 . b4 (a5) h4—g3 следует 5. b4 (a5)—e1 g3—h2 6. e1—b4! и выигрывают.

Осени

М. АЛЕКСАНДРОВ

Все эти снимки были сделаны в солнечные и теплые дни, когда осень только еще подходила, когда в подмосковных березовых рощах еще белели палатки странников вольных дорог, когда на футбольных полях еще в разгаре был спор за место в золотой дюжине.

В Сокольниках, в парке, по утрам пели птицы в тенистой листве. И вот тогда в Сокольниках мы встретили ребятишек с коньками. Мальчики и девочки шли на тренировку.

— Мы фигуристы! — сказали нам.

Белый, свежий лед открылся нашим глазам тут же, за зеленым строем тополей и дубов. Словно сама зима, выпросив у подруги-осени кусочек земли авансом, и поселилась здесь для того, чтобы заранее подгото-

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-47, ул. «Правды», 24.
Рукописи не возвращаются. Оформление А. Ковалева.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники—Д 3-38-08; Юмора—Д 3-32-13; Спорта—Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28, Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00565. Подписано к печати 18/X 1962 г.
Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л — 6,85 печ. л.
Тираж 1 850 000. Изд. № 1679. Заказ № 2804.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

...ая Зима

Фото А. Бочинина.

вить ребят к своему настоящему приходу.

И было в этом зимнем уголке все, как в декабрьский или январский морозный и солнечный день. Музыка была, и звонкий шорох быстрых и острых коньков, и смех, и огорчения, когда вдруг ехали вовсе не туда непослушные ноги...

И в другом уголке осенней столицы мы увидели зиму. Здесь, на искусственном катке Центрального спортивного клуба армии, эта осенняя зима обернулась жаркими схватками на хоккейном поле, по которым уже, конечно, успели соскучиться те, кто любит мужественные и рыцарские поединки мастеров шайбы и клюшки.

Москва спортивная зимняя с каждым годом все больше расширяет свои границы.

Цена номера 30 коп.